Силуэты Успеха

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

В. КОЛОБОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это первая книга об известном политическом деятеле России, лидере думской фракции «ЯБЛлоко» Г. А. Явлинском. Подробно рассматривается не только его биография, но и крупнейшие политические события, изменившие судьбу страны, активным участником которых он был. Автор раскрывает психологию своего героя, доступным языком рассказывает о программе, стратегии и тактике фракции, возглавляемой Г. Явлинским.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- В. В. Колобова
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Детство и юность
    - Молодой специалист
    - В «бункере»
    - «500 дней»
    - «Согласие на шанс»
    - Три месяца в девяносто первом
  - Часть вторая
    - «Диагноз»
    - Кто просит о помощи?
    - Почему так трудно стало жить?
    - Сила — в единстве
    - Нижний Новгород
    - Характер и судьба
    - «ЯБЛоко»
  - Часть третья
    - Чеченская война
    - Избиратель «ЯБЛока», кто он?
    - Когда преступность перехлестывает через край,
    - Явлинский и Ельцин
    -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135

- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

В. В. Колобова
ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Предисловие

Человек — вечная проблема, которая вечно решается и которая никогда не будет решена. Да, она никогда не будет решена. А зачем окончательное решение? Чтобы перестать стремиться? Да, проблема человека никогда не будет решена. Разве мало того, что даже правильная постановка проблемы есть начало решения этой проблемы?

А. Ф. Лосев

Явлинский родился во Львове 10 апреля 1952 года. Это была обыкновенная советская семья: мама, папа и двое детей (через пять лет родился младший брат Миша). Машины и дачи не было. Мама всю жизнь работала в Лесотехническом институте — преподавала химию. Папа возглавлял приемник-распределитель. Он и сам, рано лишившись родителей, познал горький вкус жизни беспризорника. Судьба хранила его. Он попал к А. С. Макаренко. Антон Семенович писал об Алексее Явлинском, что из него «все равно ничего не выйдет», уж очень он был свободолюбивый и испорченный. Но в данном случае великий педагог ошибся. Алексей Григорьевич — единственный из его воспитанников, который пошел по его стопам и всю свою жизнь посвятил работе с беспризорниками. В музее А. С. Макаренко в Москве есть стенд, посвященный Алексею Григорьевичу Явлинскому. Пожалуй, о нем можно было бы написать отдельную книгу, а здесь только краткая биографическая справка, данная его сыном Григорием Алексеевичем. «Отец пошел на войну рядовым горнострелковой артиллерии. Участвовал в Керченском десанте, воевал в Крыму, дошел до Праги. Закончилась война и старший лейтенант Алексей Явлинский поселился во Львове. Здесь он познакомился с мамой. Мама закончила университет с красным дипломом. Когда мама собиралась за отца замуж, ей говорили: «Как ты на это решаешься? Ведь он едва не по слогам читает, не умеет толком писать». А она отвечала: «Да, он не очень грамотный, но это очень благородный человек. Мужчина должен быть благородным». Отец пошел учиться. После вечерней школы закончил два факультета: исторический и юридический, получил диплом Высшей школы МВД. В первое время по поводу учебы

мама на него «давила», а потом он сам разохотился: историю древнего мира знал и рассказывал так, как будто жил в Шумерах и в Греции. Его во Львове знали все. Тридцать пять лет, до самой смерти в 1981 году, он проработал с беспризорниками»[1]. «Когда в 1980 году решением Политбюро все эти учреждения были отданы МВД, в его жизни наступил очень тяжелый год, который закончился тем, что после очередного разговора с министром внутренних дел Украины отец умер. Он десятилетиями собирал учителей, которые могут работать с беспризорниками, а вместо них пришли солдаты с автоматами»[2].

Отец имел очень большое влияние на Григория. Григорий Алексеевич боготворил его. Невольно вспоминаются слова, сказанные маленьким Моцартом о том, что вначале был Бог, а потом — папа. Григорий во всем старался быть похожим на отца. Вспоминая о нем, он говорил, что отец был человеком бесстрашным, он никогда и ничего не боялся. Все, чего он добился в жизни, он добился своим трудом.

Есть ли общее в характере отца и характере старшего сына? Наверное, все же есть. Особенно, что касается свободолюбия. Григорий очень хорошо учился в одной из престижных школ города. Но после восьмого класса, несмотря на отчаянные возражения всех своих родных и друзей, вдруг ушел из школы. И так всегда. Он долго обдумывает, советуется, но решение принимает сам и уже никто не может изменить принятое решение.

Однако судьба — это не только характер, но и случай. Одной из причин того, что он оставил школу, послужил случай, произошедший с ним, когда ему было десять лет. Впоследствии он часто вспоминал об этом, как о случае, во многом определившем его судьбу: «Когда мне было лет десять, мама мне дала деньги на футбольный мяч. Держу в кулаке две трешки, ищу мяч и вижу цену: восемь рублей тридцать копеек. Можете представить, как я расстроился! Шел домой и думал: ну почему мяч стоит не шесть рублей, не пять, а именно восемь тридцать? И вдруг этот вопрос вытеснил из головы неудачу с покупкой. Остановился у одной витрины, у другой… Почему велосипед стоит двадцать семь рублей, коляска — восемнадцать, а буханка хлеба — 12 копеек. Почему? Кто-то знает настоящую цену или просто сам взял и придумал?

Я прибежал с этими вопросами к деду, но даже он не смог мне на них ответить: «Какая разница, кто это придумал. Ты лучше подумай, как эти деньги заработать». Позже я узнал, что вопрос о цене во всех экономических теориях и системах самый главный. И тот, кто знает на него ответ, становится великим ученым, либо

великим финансистом»[3].

Долго не мог устроиться на работу. Наконец стал экспедитором — сопровождал почту. Потом учеником слесаря. Получил разряд. Сейчас вообще-то трудновато совместить образ кандидата экономических наук, лидера думской фракции и образ слесаря. Недаром говорится, пути господни неисповедимы. Параллельно со «слесарным» обучением он закончил вечернюю школу и поехал в Москву — поступать в институт народного хозяйства имени Плеханова. Поступил. Начал исследовать полюбившийся с детства вопрос о ценах под руководством мудрых педагогов. Однако учеба не мешала ему, как и в беззаботные школьные годы, ходить на танцы, увлекаться, любить. Результатом чего явилась женитьба на самой красивой девушке по имени Елена. Сейчас у них два сына: старший уже закончил МГУ (физик-ядерщик), младший — учится в школе. Они живут примерно так же, как жили его родители: машины и дачи не имеют.

Как он воспитывает детей? Судя по его высказываниям, интервью, идеалы, на которых воспитывался, он сам, сосредоточились на понятиях «отечество», «воля к культуре»… Они — его дети — живут уже совсем в другом мире и даже в другой стране: не в СССР, а в России. У Григория Алексеевича очень болезненное чувство вызвал распад Союза: «Мы должны это знать про себя, мы должны знать, почему нам так плохо. Я не хочу, чтобы мои дети, русские мои дети, опять столкнулись с проблемой потери родины. Я это сам пережил. В прошлом году меня лишили родины, не больше не меньше (причем не в том смысле, что выслали, это был бы пустяк), мне просто сказали: а матери у тебя и не было. Это вообще было имперское чудище. И когда меня пугают моей матерью, я говорю: тебе ли меня учить? Я-то знаю, какое это было чудище. Ты не знаешь, ты в книжках прочитал, в газетах, а я знаю. Я ее все равно люблю. Но мне объясняют, что у меня вообще не было никакой родины в СССР. А я мужчина, я должен знать, где мои корни и что — в случае необходимости — я должен защищать»[4].

Конечно, я тоже сожалею о распаде Советского Союза, но в этой цитате я не согласна с высказыванием Григория Алексеевича: «Мы должны знать, почему нам так плохо». Знать-то хорошо бы. Но вот насчет слова «нам»… Пожалуй, ни для кого не секрет, что плохо сейчас далеко не всем. Есть люди, которым сейчас, наоборот, хорошо. Кто-то строит себе шикарный особняк и отдыхает на Кипре. А если есть люди, которым плохо, то это, дескать, их проблемы. Наш бывший премьер Сергей Кириенко, как стало известно из телепередачи «Герой дня», еще в юности

устраивал деловые игры под названием: «Если ты умный, то почему бедный?». С этой точки зрения я, увы, абсолютная дура. Но, слава Богу, это только с точки зрения С. Кириенко и ему подобных. Я не ставлю знак равенства между словами «умный» и «богатый». Кроме богатства есть еще и другие символы: Родина, Честь, Человеческое Достоинство… Потому-то я и обратилась к имени Григория Алексеевича Явлинского, что, на мой взгляд, ему чужд дух утилитаризма. Ну, может быть, не совсем чужд, однако не это составляет его суть. Не знаю, ошибаюсь я или нет. Мое мнение очень субъективно. Но еще никто не ответил на вопрос: «Что есть истина?» И порой в субъективном восприятии больше правды, чем в самых объективных исследованиях.

В жизни Явлинского периоды высочайшего подъема чередовались с периодами упадка и забвения, всеобщее восхваление сменялось злобным улюлюканьем. Но он никогда не переставал напряженно мыслить и искать. Будучи отстраненным от активной общественной и государственной деятельности, он создает Центр экономических и политических исследований. Его прогнозы приносят ему высокие политические дивиденды, потому что они сбываются. В 1993 году его рейтинг был самым высоким, позади остался даже Ельцин. Пожалуй, его можно считать представителем русской интеллигенции, которая вечно ищет какую-то свою особую правду. Попытка разобраться в том, кто же такой Г. А. Явлинский, оказалась бы тщетной, если бы не было одновременно и характеристики среды, в которой он живет, анализа событий, повлиявших на формирование его мировоззрения. Однако главную цель я вижу не столько в характеристике среды, сколько в характеристике его реакции на среду.

В телепередаче «Герой дня» 25 марта 1998 года Г. А. Явлинский, в разговоре о кандидате на пост премьера страны С. Кириенко, сказал, что, когда мы обсуждаем политические фигуры, мы должны вспомнить о каком курсе, о каких направлениях идет речь. Безусловно, что и в этой книге нельзя обойтись без программы «500 дней» и «Согласие на шанс», без анализа главных направлений думской фракции, которую он возглавляет. И все же, наверное, главное не в этом. Мне интересно понять человека, претендующего на роль президента. Смею надеяться, что в его сердце кроме экономических формул и графиков, кроме политических лозунгов есть еще и нечто более близкое и понятное людям, например, любовь, радость, способность к состраданию.

Больше всего меня волнует — смогу ли я написать о нем правду? Когда я приступила к работе над книгой, я не

предполагала, что встречусь с ним лично. Первоначальный вариант был уже написан и рукопись отпечатана. Информация, которой я пользовалась, собирая штрихи к портрету Г. Явлинского, — это газеты, журналы, его книги, телепередачи. Но что-то мешало мне сдать книгу в издательство. Не хватало живого общения с моим героем. И вдруг такая удача! Я получаю приглашение Г. Явлинского приехать в Москву.

Тщательно проверив мои документы, меня пропустили в здание Государственной Думы. Я отправилась искать кабинет Григория Алексеевича. Внутри здание Госдумы было похоже на город, разве что не было автомобилей. Магазины, кафе, киоски, аптеки… В кадках росли высокие и низкие зеленые деревья. В конце коридора на седьмом этаже я нашла «ЯБЛоко».

От встречи с Григорием Алексеевичем осталось хорошее впечатление. Многие сомнения рассеялись. Конечно, он не смог ответить на все мои вопросы, но порой взгляд, интонация, то, как человек себя держит, говорит о нем больше, чем слова. Он говорил искренне, хотя я по своей вредной журналистской привычке задавала ему те вопросы, которые знала, будут неприятны ему. Почему я это делала? Хотела лучше понять его. Пуд соли съесть времени не хватит, а на нейтральные вопросы и ответы будут нейтральные. Но, наверное, я все же где-то перешла границу, потому что он несколько смутился. А потом мы поменялись ролями и вопросы стал задавать он.

Особенно его интересовал вопрос, почему я решила писать именно о нем. Здесь одним словом не ответишь. Наверное, прежде всего потому, что мне тоже хочется понять, почему нам так трудно и плохо жить?

Невыносимо ходить по улицам, потому что там много нищих покалеченных детей, просящих милостыню. Однажды ранней весной, когда под ногами жидкая грязь и дует холодный ветер, по многолюдному Буденновскому проспекту навстречу мне шла пожилая женщина. Она не встала, а упала на колени, когда я проходила мимо, и протянула руку, как это делают нищие. Тогда на несколько месяцев задержали выплату пенсий. Мне трудно забыть ее взгляд. Порой мне кажется, что в наши дни счастливым может быть только блаженный, да разве что влюбленный, наверное, это одно и то же. Или, может быть, мы все давно уже сошли с ума? Зарплату годами не платят и требовать ее, говорят, нельзя. А кушать-то что? Переехать в другой город — не пропишут, а без прописки не устроишься на работу. Я не понимаю этого. Я не вижу смысла во всех этих «странностях» вроде задержек пенсий и зарплат, всеобщего хаоса и безысходности.

Поэтому так напряженно всматриваюсь в лица ведущих

политиков, которые вершат судьбы россиян, вслушиваюсь в их слова, в интонации голоса, пытаюсь понять, кто же из них сможет остановить этот неумолкающий хор стона и боли?

Я не хочу писать о Г. А. Явлинском только хорошее или только плохое, но хочу понять его со всеми его противоречиями, метаниями из стороны в сторону. Не собираюсь ни осуждать его, ни оправдывать, но максимально приблизиться к тому, что составляет суть этого человека, к его сокровенным помыслам и мечтам. После поездки в Москву, несмотря на катастрофически быстро приближающееся время сдачи рукописи в издательство, я переписала ее всю заново. Я поверила в него, поверила в его честность и ум. Права я или нет? Время покажет.

Явлинский — один из немногих, пришедших в политику «из ниоткуда». Вернее, он не пришел в политику, а ворвался, разрушая традиционно сложившиеся в партийно-номенклатурной среде законы иерархии. В одной из первых своих книг, изданной еще в 1982 году, Григорий Алексеевич предлагал кардинально преобразовать экономические отношения в стране. После этого им заинтересовались в КГБ и вскоре уложили в больницу, чуть было не сделав инвалидом. Из больницы он просто-напросто сбежал, случайно узнав, что предстоящая операция обусловлена не состоянием здоровья, а политическими соображениями. Но окончательно освободиться от «врачей» смог только, когда пришел к власти М. Горбачев.

Тринадцатью годами ранее нечто подобное предприняли С. С. Шаталин и ныне покойный Б. Н. Михалевский. В докладе, отправленном в Госплан СССР, они оспорили все макроэкономические индексы, бросив тень подозрения на правильность планового ведения хозяйства. Б. Н. Михалевский вскоре погиб во время путешествия на байдарке. Шаталину повезло больше — всего лишь выговор. Самортизировать удар помог президент АН СССР М. В. Келдыш, заступившийся за своих подопечных.

Девятимесячное пребывание в больнице послужило своеобразным мандатом наверх. О Г. А. Явлинском услышали, узнали о его «арестованной» антисоветской книге и пригласили в «бункер» — так между собой называли совминовский дом отдыха «Сосны», где работала группа специалистов над правительственными решениями. Затем он пробует силы на посту заместителя председателя Совета Министров РСФСР. Но скоро с громким шумом уходит в отставку, пытаясь таким образом спасти идеи, заложенные в программе «500 дней», от дискредитации. Вскоре Григорий Алексеевич разрабатывает новую программу: «Согласие на шанс». Она была создана в Центре политических и

экономических исследований (ЭПИцентре), который он возглавлял. Часть работы, которая касалась взаимоотношений СССР со странами Запада и США, Явлинский заканчивает в Гарварде с профессором этого университета Г. Аллисоном. Однако и эта программа была отвергнута М. Горбачевым.

После августовского путча Г. А. Явлинский вновь оказывается в высших эшелонах власти. За четыре месяца (август — ноябрь) он успел многого добиться: подписан договор об Экономическом сообществе суверенных государств (тщательно проработаны 24 соглашения к нему). Экономическое сообщество уже приступило к работе. Этой работе помешало Беловежское соглашение, повлекшее за собой изменение политической ситуации.

Напряженность в отношениях Явлинского с отдельными представителями власти, начавшаяся после 8 декабря 1991 года, усилилась после того как «Московские новости» опубликовали аналитический материал, исследующий процесс реформирования на первом этапе, выполненный ЭПИцентром. Выступая в телепередаче «Герой дня» 25 марта 1998 г., Григорий Алексеевич мимоходом бросил: «Я знаю, как трудно заниматься политикой, когда у тебя нет должности». Имел ли он в виду 1992–1993 годы? Может быть.

Летом 1992 года он работает в Нижнем Новгороде. В 1993 году возглавляет избирательный блок «Явлинский — Болдырев — Лукин». В его жизни начинается новый отсчет времени. Остался в прошлом юноша с обаятельной улыбкой. Ему на смену пришел человек со сформировавшимся мировоззрением, с вполне определенными экономическими и политическими взглядами, установками. Впрочем, его политические установки весьма своеобразны: «И горе тому политику, — пишет Г. А. Явлинский, — который придумает какую-нибудь очередную формулу «спасения». Россия так ее перевернет, как он даже представить не сможет. И горе тому политику, который скажет, что он знает общероссийскую национальную идею. Из этого ничего не выйдет. Настоящий политик, он должен слушать шаги Господа и следовать за ними… Что касается экономической идеи, то, извините, пожалуйста, что я так говорю, но я действительно знаю, в чем главная проблема нашей страны — это бедность. Не будет большинство людей в России жить бедно, не будет этого ежедневного давления нищеты на мозги — у нас с вами будет другая страна. Поэтому главной целью является борьба с бедностью. Потому что тогда можно будет что-то сделать. Никакие реформы вы не проведете до тех пор, пока в России такой масштаб бедности. Невозможно оставить все так, как есть. И, проводя реформы, надо понимать, что именно это главная

цель, а не какие-то «показатели». Невозможно бросать страну в еще более глубокую нищету, чтобы якобы достичь чего-то, что потом само собой начнет работать»[5].

С 1993 по 1998 годы возглавляемая им фракция последовательно отстаивает демократические принципы, выступая не столько против лично Б. Ельцина или кого-то еще, сколько против режима, предлагая свои идеи и программы. Благодаря этому наше общество начинает постепенно понимать, что оппозиция имеет право на жизнь, что несогласие с проводимым политическим курсом вовсе не тождественно преступлению. У «Я БЛока» уже создана целая сеть территориальных организаций. Будем надеяться, что «ЯБЛоку» и дальше удастся удерживать рубежи и укреплять фундамент демократической оппозиции. Правда, дело это не из легких. Наше общество больно нетерпимостью, да и верхи, осуществляющие мудрое руководство, тоже не безгрешны. Невольно вспоминается четверостишие, за которое тогда еще юный поэт Н. Коржавин отправился в заключение:

А страна моя родная
Вот уже который год
Расцветает, расцветает,
Да никак не расцветет.

То, что политики отнюдь не безгрешны, а в коридорах власти давно не проветривали, Явлинский заметил очень скоро. Свои первые наиболее яркие впечатления от пребывания в политической кухне он описал с присущей ему самоиронией. Григорий Алексеевич сравнил себя с человеком, случайно оказавшимся босиком в общественном туалете, причем не в том, где чисто, а в том, где грязно — на Казанском вокзале.

Хочется немного отойти от вони и от боли и помечтать, а что если… Хочется познакомиться поближе с людьми, от которых зависит так много. Наша страна в тяжелейшем кризисе. Не за горами 2000-ный год, когда нам придется решать вопрос о том, кто будет президентом, надо сделать правильный выбор.

Часть первая

ПУТЬ ВО ВЛАСТЬ

Детство и юность

Когда я беседовала с Григорием Алексеевичем, то больше интересовалась его мнением по поводу забастовок шахтеров, вопросами политики. К сожалению, я мало спрашивала о детстве. Работники пресс-службы дали мне информацию, составленную по самым различным источникам, в том числе из личных бесед с людьми, близко знавшими Григория Алексеевича, с его родственниками. Это очень помогло мне. Благодаря им я смогла написать эту — самую важную главу книги. Характер человека, его последующий путь — все определяется в детстве.

Григорию Алексеевичу повезло на родителей. В наше время редко встречаются счастливые браки. Их брак был именно таким. В их семье была атмосфера взаимопонимания и любви. Не могу удержаться от сравнений и ассоциаций, вызванных размышлениями о детстве Григория Алексеевича. Мне часто приходилось писать о детях, добившихся успехов в музыке. Они побеждали на международных конкурсах, путешествовали с концертами по всему миру. И странное совпадение, у всех без исключения, были умные и добрые родители. В их семьях всегда была атмосфера взаимопонимания и любви. Наверное, это очень важно. Доброта и мудрость не приходят сами собой. Этому надо учить. Но как этому учить? Об этом много спорят педагоги. А может быть, и не существует никаких особых методик обучения, а просто надо, чтобы рядом были добрые и мудрые родители.

Его мама рассказывала о нем, что он рос благополучным мальчиком, мало болел, был послушным. «Причем никто его не заставлял быть послушным, он был таким, потому что уважал членов семьи, старших. В детский сад он ходил с удовольствием, мечтал быть милиционером. Отец пошел ему навстречу и достал жезл регулировщика, старый, правда, но это неважно. Во всяком случае, когда он принес его, Гриша был наверху блаженства. Он сразу же стал его всем показывать, играть в регулировщика. Он очень любил свои дни рождения. Папа ему это устраивал таким образом: собирались дети, и он организовывал концерт. Каждый из приглашенных должен был участвовать в этом концерте в меру своих возможностей: кто пел, кто стихи читал, кто танцевал. Участвовали все. Потом Гриша всем выступавшим вручал подарки. Он был счастлив, это был настоящий восторг. Он и сам выступал. Чаще всего читал стихи или играл на фортепиано, иногда пел в группе. Это нравилось всем детям и они всегда ждали его дня рождения с нетерпением и готовились к нему. Так продолжалось где-то до девяти лет.

У него всегда было много друзей. Некоторые друзья по детскому саду и сейчас продолжают дружить с ним. Это братья Сережа и Игорь Мосесовы, Володя Герегей. Они живут здесь же — во Львове»[6].

Из воспоминаний его друзей удалось выяснить, что в детском саду Гарик Явлинский (а его все звали именно так) был влюблен в девочку с белокурыми вьющимися волосами. Он оставался верен ей все детсадовские годы. Как он за ней ухаживал, друзья умолчали. Но все помнят, что она отвечала ему взаимностью. После садика их пути разошлись: он пошел в одну школу, она — в другую. А братья Мосесовы попали в ту же школу, что и он. Игорь вспоминал, что Гарик был умным, наблюдательным. Он не переносил скуку и всегда мог придумать нечто: игру, занятие, которые увлекали всех. Отличником он не был, но по некоторым предметам шел на «отлично» всегда. «Теперь мне кажется, что он уже тогда разделял предметы на интересные и неинтересные, — говорил И. Мосесов. — Мы в те времена еще этого не делали, старались успевать везде, а так не бывает. Все ребята кое-как выполнят домашнее задание, и на улицу — играть. А его всегда ждать приходилось. Уж очень тщательно он все делал. Не то, чтобы кто-то его заставлял уроки учить, просто так уж он был всегда настроен. Слово «надо» было для него, наверное, самым главным. Во всяком случае, звать его на улицу, пока он не сделал все уроки, было бесполезно. Зато, если он выходил играть, это уже «на всю катушку». В компании он был генератором идей»[7].

Но после четвертого класса Гарик поменял школу. Когда я читала о нем в газетах, то наталкивалась на противоречивые данные. В одних сообщалось, что он пошел в англо-украинскую школу, кстати, очень престижную и очень сложную для обучения, с первого класса. В других газетах упоминался пятый класс. Все при этом акцентировали внимание на английском. А некоторые газеты утверждали, что обучался он английскому и не в школе вовсе, а дома с помощью репетитора. Как же было на самом деле? Этот вопрос я задала Григорию Алексеевичу.

— По соседству с нами жила женщина — жена английского коммуниста, пожелавшего переехать на постоянное место жительства в СССР. Его скоро забрали и больше никто его не видел. Она жила очень трудно, сильно нуждалась. Мои родители хотели помочь ей, но она не соглашалась принять помощь просто так. Тогда отец предложил ей заниматься со мной английским и она согласилась. Мне было тогда три или четыре года. Она занималась со мной английским много лет. Когда я учился в четвертом классе, она сказала, что для меня надо искать другого педагога, потому что она научила меня всему, что знала. Надо

было изучать более подробно грамматику, короче говоря, нужна была другая школа. Тогда родители думали, что, может быть, английский поможет мне определиться с будущей профессией. И в пятый класс я пошел учиться английскому в другую школу. На английском там вели уроки математики, физики, многие другие. Некоторые предметы вели на украинском.

Переводчиком с английского Григорий Алексеевич не стал, но знание английского пригодилось. Я помню, с какой ревностью смотрел на него В. Черномырдин в Давосе. Тележурналисты, по-моему, специально «подсматривают» подобные ситуации. В начале 1998 года в Давосе с большим докладом выступал В. Черномырдин. Явлинскому дали всего лишь пять минут, но он «наверстал» свое, общаясь с коллегами в кулуарах, конечно же, на английском языке. Черномырдин читал доклад по-русски. Не знаю, хорош ли был его доклад, но, судя по телепередаче, Григория Алексеевича, сидящего в зале, слушали с большим интересом.

Его способность легко вступать в контакт, становиться душой компании заметна была еще в детстве. Его первая учительница говорила о нем:

— Общительный мальчишка был. Вокруг Гриши всегда были люди. Маленький такой, а страшно любознательный, читал очень много и рассказчик прекрасный. Я даже думала, что из него выйдет литератор или историк. Не могу сказать, что он был пай-мальчиком, но и не был непоседой. Надо отдать должное его родителям. Мама и папа уделяли ему и брату очень много внимания. Родители были для него примером. Для него не было и нет людей первого или второго сорта. Если бы мы сейчас встретились на улице, он подошел бы и поцеловал без всяких стеснений, неважно, кто там смотрит или не смотрит.

Да, действительно, у меня тоже сложилось впечатление, что он не соблюдает привычную, установившуюся в обществе субординацию. Во всяком случае я не услышала «начальственных» интонаций в его отношениях с подчиненными. И мне тоже было легко общаться с ним. Он держал себя естественно, просто. Это отмечали и многие другие, хорошо знавшие его. Причем среди них были не только учителя, близкие друзья, но и люди, волей судьбы оказавшиеся рядом с ним, очень разные и по социальному положению, и по образованию.

После восьмого класса он ушел из школы, чтобы иметь возможность зарабатывать деньги самому и иметь больше времени для занятий экономикой. Вначале был почтовым экспедитором, потом попал на фабрику кожаных изделий, но все это было не то. Не потому что зарплата маленькая, а потому что

хотелось чего-то другого. Всегда в трудные минуты он шел к отцу. И сейчас тоже пришел к нему:

— Папа, не могу больше, работать нужно по-настоящему. А он мне: «Если матери не проболтаешься, помогу». У него был друг на стекольном заводе, и меня взяли туда учеником слесаря-электрика. День первый: мастер просит меня принести пассатижи (сказал бы просто — плоскогубцы!). Признаться, что не знаю, что это такое — не солидно. Решил, что я умный: принесу все, чему даже названия не знаю. Вот я и притащил несколько килограммов инструментов — все, кроме плоскогубцев.

Я был самый младший и надо мной подшучивали, иногда круто. Я лазил под помостами, где работали стеклодувы и расплавленное стекло брызгало и зажигало спецовку. Забирался под свод печи, шел над кипящим расплавленным стеклом. Температура — сотни градусов. Пока дойдешь, телогрейка задымится. Рассказывали, как один рабочий туда провалился — следов не осталось[8].

Однако, несмотря на то, что над ним подшучивали, относились к нему хорошо. В связи с этим любопытны отзывы о своем юном коллеге по слесарному делу Михайло Дмитриевича Андрейко:

— На завод Гриша пришел совсем мальчишкой. Работа наша — ремонт и обслуживание измерительных приборов. Самое страшное было — замена термопар — приборов, стоящих в центре печи. Печи такие старые, что кирпичи светятся, расплавленное стекло видно, а подходить нужно совсем близко, плюс жара… Тяжелая была работа, черновая, неблагодарная.

Если бы знал, что Григорий окажется на таком посту — вел бы дневник. Помню только, что он читал много, отлично знал английский, но не зазнавался, веселый всегда, компанейский, шутник. Была в нем, как мы говорим по-украински, — «щырість». И улыбка его, мне кажется, не изменилась до сегодняшнего дня[9].

Хорошо складывались у него отношения и с учениками в вечерней школе. А ведь в этой школе контингент сильно отличался от того, который был в элитной английской школе. Тем не менее и здесь он нашел себе друзей. Здесь же впервые понадобились его боксерские навыки. До этого он занимался боксом. Был чемпионом среди юниоров Украины. Но продолжать не захотел, хотя ему и предлагали. Он никогда не хотел быть профессиональным боксером. Занимался боксом, чтобы уметь постоять за себя. А в вечерней школе понадобилось постоять за одну ученицу. Его одноклассницу Любу настойчиво пытался провожать домой один странный молодой человек, как выяснилось, недавно вышедший из заключения. Заканчивались

занятия поздно, домой идти далеко. Она обратилась за помощью к Гарику и он пошел ее провожать. С ними пошел и еще один ученик из их класса — Володя Герегей. Встреча с «другом» одноклассницы ему запомнилась:

— Страшновато, конечно, нам — по шестнадцать, а он уголовник с непонятными намерениями. Не знаю, может быть, Гарику и не было страшно, но и он с такими вещами дела не имел. Я знал лишь то, что человек, сидевший тюрьме, — «авторитет».

Была-таки у них драка, правда, небольшая. «Друг» оказался в позиции сидячей, потом лежачей. Потом встал и сказал нам, что все теперь мы пропали. Но после этого пропал сам. Ни мы, ни одноклассница больше его не видели. А Любу домой провожали сначала вместе, потом он один — занятия в школе заканчивались в полдвенадцатого ночи[10].

Володя Герегей пришел в вечернюю школу так же, как и Гарик, специально, потому что хотел иметь свободное время для занятий и зарабатывать самостоятельно. Они подружились.

— У нас в вечерней школе была цель. Я, например, хотел летать, быть летчиком, а Гарик хотел заниматься экономикой. Кстати, для нас это было совершенно непонятно. Для нас экономист был все равно 4to бухгалтер. А то, что Гриша объяснял про неправильное распределение и ценообразование — это до меня не доходило.

Мы не были обычными школьниками. У нас все было нацелено на то, чтобы поступить, и каждый топтал себе дорогу в том направлении, которое выбрал. Гарик был очень организованный и собранный человек. Он, как трактор, «пахать» умел, просто, как бульдозер, «шел». Утром просыпаюсь — он в окно залазит. «Чего тебе не спится, чего так рано поднялся?» — спрашиваю его. А он, оказывается, еще и не ложился.

Мы были очень разными по характеру. У меня поступок был вначале, осмысление потом, у него всегда осмысление впереди. *Я* боялся своего отца, а у него были совсем другие, задушевные отношения с отцом. Гарик боялся его огорчить.

Искрометный был Гарик, он и сейчас такой. Сидит, что-то там думает, а потом раз, улыбнулся и… Гарик улавливал тон компании, мог разговорить, рассмешить любого, мог увлечь своей идеей, увлечь всех новым делом.

Учеба в школе закончилась. На работе он взял отпуск и поехал в Москву, поступать в Плехановский. Однако не все так просто. Первый экзамен он сдал на «тройку». В деканате ему сказали, что у него нет никаких шансов и он может ехать домой. Для того чтобы поступить, ему надо было сдать остальные

экзамены на «пятерки». И он сдал на одни «пятерки», поступил[11].

Это уже не случай, а характер и воля. Он никогда не отступает от своего дела, всегда доводит его до конца, намеченное выполняет. Помните программу «500 дней»? Сначала всеобщее одобрение, потом — отказ. И снова со всех сторон разносилось, что у него нет никаких шансов воплотить в жизнь свои идеи, что это пустые фантазии. В ответ он разрабатывает программу «Согласие на шанс». Затем разрабатывает договор об Экономическом сообществе… Он много раз терпел поражение, но никогда не сдавался.

Его сокурсник — Дмитрий Калюжный вспоминал о нем:

— Кто чего стоит, было ясно с самого начала. Григорий был не из тех кто зубрит, это знали все. Он постоянно занимался чем-то помимо программы, что-то изучал еще. На семинарах, если мы были не готовы, по нашей просьбе вставал Григорий и говорил педагогу: «А вот у меня есть вопрос». Он мучил преподавателя своими вопросами все полтора часа, а мы вообще не понимали, о чем речь.

Я не раз ловил себя на мысли, что сидит рядом со мной человек, вроде бы даже такой же, как я, а понимает все то, чего я не понимаю. Это очень странное явление. Таких людей, наверное, не так уж и много. Во всяком случае, на нашем курсе Григорий был один такой чересчур умный, но это никогда не мешало нам дружить.

Были предметы, которые вообще невозможно было воспринимать, например, технология металлообработки или проблемы воспроизводства рабочей силы. Господи! Он же как-то увязывал все это в своей голове. Многим свойственно видеть частями. Это подчас очень вредит в жизни и отдельного человека и всего человечества, потому что из мозаики не складывается общего. Но есть люди, которые умеют синтезировать, казалось бы, несоединимое, каждому камушку найдут свое место. Он был именно таким.

А еще меня всегда удивляло вот что: начнешь ему какую-то проблему излагать, подготовил целую речь, а он уже все понял. Очень импонирует, когда тебя понимают так быстро и так же быстро помогают без лишних слов и обсуждений.

Мы изучали науки, которые у многих вызывали споры о том, нужны ли они? Например, социалистическая экономика. У нас были прекрасные преподаватели. Л. Абалкин читал политэкономию социализма. Читал очень хорошо, но возникали споры о том, что это, может быть, и не надо вовсе.

Студенты издавали подпольную газету «Мы». Выпустили

несколько толстенных номеров в одном экземпляре и передавали их из рук в руки. Григорий тоже писал что-то для газеты. Не знаю, как нас за самиздат не засадили»*.

В институте он учился так же хорошо, как и в школе. И, пожалуй, не только потому, что очень хотел познать тайны экономики, но и потому, что обладал весьма редким даром — самодисциплиной. Это помогает ему и сейчас. Но сейчас это надо понимать не буквально, что вовремя встает и ритмично работает, а в том, что есть дисциплина мысли. Что это такое? Это то самое средство, которое позволяет не впасть в отчаяние после очередного удара, не предаваться долго грустным мыслям. Зачем тратить силы и время на саможаление, на уныние? Вокруг так много срочных неотложных дел, требующих решения. И есть идеалы, которые нуждаются в защите. Из-за этих самых идеалов его чуть не исключили из института. Если бы об этом рассказывал не он, я бы подумал, что кто-то сочинил анекдот. Но это не анекдот и в то время это было даже не смешно.

— Учился я легко, почти на одни пятерки, но однажды чуть не вылетел из института. Группу лучших студентов послали на практику в Чехословакию, там в бане мы разговорились о политике. Я сказал, что за ту кровь, которую пролил наш народ, он заслуживает лучшей жизни. А наш комсорг в ответ: «За социализм можно было бы положить людей и в сто раз больше». Это меня взбесило. Мало того, что я его назвал людоедом, сталинистом и маоистом, я ему еще вмазал как следует тазиком. Хорошо, тазик оказался хлипкий, а если бы был наш, отечественный?

Короче, комсорг остался жив, но накатал на меня штук десять жалоб: ректору, в комитет комсомола, в горком, в КГБ. Меня начали исключать. Но на собрании, на котором это должно было произойти, одна девочка, Нина Петраченко, предложила дать мне рекомендацию в партию и собрание за это проголосовало.

Скандал разрастался. Декан сказал: «Если не хочешь, чтобы тебе башку оторвали, забудь обо всем». Но разве такое забудешь. К счастью, скоро я познакомился с девушкой — ее звали Лена, ее и сейчас так зовут. Мы поженились[12].

Его жена не любит, когда о ней пишут журналисты, не хочет, чтобы частная жизнь семьи стала предметом всеобщего обсуждения. Это ее право. И в этой книге не будет пикантных подробностей — политики это такие же люди, как и мы, они могут смущаться, обижаться. Но я совсем не хочу смущать или обижать Григория Алексеевича. Я хочу понять его. Сможет ли он, став президентом, понять нас — простых смертных, живущих от зарплаты до зарплаты? Судя по тому, что он живет со своей

женой уже не один десяток лет, ему повезло не только на родителей, но и на жену. А может, это и не везение вовсе, и не случай, а способность понимать людей?

Молодой специалист

После окончания института Явлинский по распределению должен был ехать в Назрань на фабрику мягкой игрушки. Но руководство института запротестовало: «Синхрофазотрон им там не нужен, чтобы гвозди забивать!» Григорий всегда очень хорошо учился, это подтверждают все, кто знал его. И это была вовсе не зубрежка, не «высиживание» хороших оценок. Он действительно много читал книг по экономике, искал ответы на свои вопросы, появившиеся у него еще в детстве. Уже будучи студентом он пришел к отцу, стал рассказывать ему свою идею реформирования советской экономики. Ответ отца запомнился ему:

— Он внимательно выслушал меня и рассказал притчу про человека, у которого была кожа желтого цвета. Из-за этого всю жизнь лучшие врачи мира лечили его от желтухи. Но кожа так и оставалась желтой. В конце концов, его залечили до смерти. И только тогда кто-то случайно сказал врачам, что этот человек был китайцем.

Тогда я начал думать, — вспоминает Григорий Алексеевич, — может быть, и социализму никакие лекарства не помогут? Может быть, нужно что-то совершенно иное?[13]

Эти вопросы он стал обдумывать, обучаясь в аспирантуре. Он остался в институте. Учился и находил возможность подрабатывать, ведь у него уже была семья. Учился он по-прежнему хорошо, но…

— Мой научный руководитель умер за несколько месяцев до защиты, потом ликвидировали наш ученый совет. Если помните, в 1976 году была реорганизация ВАКа, тогда упразднили кучу советов. А писал я свою диссертацию на Воскресенском химкомбинате. Писал об организации, о нормировании труда, о системе обслуживания. С большой теоретической частью, применяя математические методы, так как хорошо знал математику. Но защитить работу было негде — ни руководителя, ни совета. Диссертацию я защитил в 1978 году, без научного руководителя. Обычно кандидатские диссертации на ученых советах щелкают как орехи. Мне же задали 38 вопросов. А ВАК рассматривал диссертацию девять месяцев. «Черные оппоненты» нашли в ней много криминала, потому удалось опубликовать лишь часть работы.

После аспирантуры попал в Институт управления угольной промышленностью. У меня была совершенно конкретная работа: я составлял должностные квалификационные справочники. До того

времени так называемые ИТР и служащие шестисот шахт и разрезов страны от начальника шахты до директора библиотеки работали по самым разным должностным инструкциям. Их труд был организован крайне непродуктивно. Но чтобы сделать квалификационные характеристики, нужно было своими глазами увидеть, что делает начальник шахты, главный инженер, начальник смены, горный мастер и так далее, и так далее. Нужно было ходить за ними с хронометром, фиксировать каждый шаг, каждое действие. А потом постараться понять, что действительно нужно и полезно, что включить в перечень обязанностей, а что лишнее или даже вредное включать нельзя.

Четыре года я мотался по всей стране: Кемерово, Новокузнецк, Челябинск… В каждой шахте, в каждом разрезе свои условия — тип угля, мощность пластов, глубина, загазованность. Неделями я ходил по шахтам. Долго жил с шахтерами в их городах и поселках. Видел, как относятся к людям в «рабоче-крестьянском» государстве. Бараки, угольная пыль, пустые полки в магазинах. А постоянный обман? Ленин когда-то ввел для шахтеров шестичасовой рабочий день. Этим хвастались перед всем миром, забыв сказать, что отсчет начинался с прибытия на рабочее место. А туда добирались иногда по два часа пешком, вагонетки для доставки на место не предусмотрены. И получается, что шахтеры на работе не шесть, а все двенадцать — четырнадцать часов. Что человек может после такой работы? Только пить. А риск? Я человек очень здоровый, никогда не болею, но там однажды схватил жестокую ангину.

Десять часов простоял по пояс в ледяной воде. В мыслях простился со всеми, не надеялся выйти из забоя. Нас спасли, но трое из пятерых умерли в больнице, а я всего полтора месяца там пролежал.

Результатом всех этих наблюдений стало появление двух толстых справочников, ими до сих пор пользуются на шахтах и разрезах. Но то, что я там увидел, снова и снова заставляло меня ломать голову над вопросом: как изменить нашу жизнь, нашу экономику? Как сделать, чтобы люди жили нормально и нормально работали? В диссертации по Воскресенскому химкомбинату я предлагал разные методы — систему обслуживания, систему ожидания для того, чтобы сэкономить 10–15 минут рабочего времени. А рабочие с обеда приходят на два часа позже и абсолютно пьяные. Вот и все мои десять минут. И в шахтах так же.

В 1980 году я стал заведующим сектором тяжелой промышленности в НИИтруда. Занимался организацией труда и производства в химической промышленности, черной и цветной

металлургии и в угольной тоже. За два года я написал большую работу, которая называлась в духе того времени очень длинно: «Производительность, организация, нормирование и оплата труда в отраслях тяжелой промышленности». Вывод сделал такой: система зашла в тупик, полумеры не помогут.

В НИИ труда я создал новый сектор. У меня принцип — никого никогда не выживать, не сокращать, не увольнять, пусть люди делают свое дело, а я с единомышленниками, естественно, свое. Тогда был создан сектор совершенствования хозяйственного механизма.

И там я написал первую работу, в которой рассматривал всю экономику в целом, включая планирование, стимулирование, всю систему. А вывод был такой: или нужно возвращаться к тому, что было при Сталине, или нужно все освобождать, делать предприятия независимыми. Книгу я написал, она вышла под грифом «Для служебного пользования».

Так же, как когда-то в детстве, горюя по недоступному футбольному мячу, перешел к абстрактным рассуждениям о ценах, так и сейчас Григорий Алексеевич в поисках первопричины перешел к исследованиям механизма управления хозяйством на протяжении всего существования советской плановой экономики. Она требовала постоянного расширения производства. Не только комсомольские стройки, но и ГУЛАГи вкладывали свою лепту в процветание страны. Без системы лагерей, без множества стукачей, бдительно осуществляющих «контроль» на производстве, она просто не могла существовать. Сытый стол честного советского труженика, радостно строящего светлое будущее и не знающего страха и упрека, был оплачен чьей-то кровью, а порой и жизнью. После смерти Сталина эта отлаженная система начала давать сбои. Хрущевские и косы-гинские реформы, немного ослабив узды управления, в конечном итоге ускорили коррозию всей системы. Развился и окреп черный рынок. В жизнь людей на долгие годы вошел дефицит. Многие производственные предприятия стали планово-убыточными. Одновременно активизировалось потребление ресурсов. Долгие годы страна жила за счет экспорта нефти, газа, перекрывая расходы планово-убыточного производства, тем более, что в 70-х годах подскочили мировые цены на нефть. Но такое положение дел не могло продолжаться бесконечно.

В этой книге Григорий Алексеевич делал выводы: кризис неизбежен, если в ближайшее время не изменить весь механизм управления, всю систему производственных отношений. Уже на третий день после ее выхода в свет им заинтересовались сотрудники КГБ. Книгу объявили антисоветской, изъяли тираж,

забрали черновики. Григорий Алексеевич рассказывал об этом без особых трагических ноток, хотя приятного во всей этой истории ничего нет.

— Меня стали вызывать в разные инстанции — в Госкомитет, в министерство и требовать объяснений. Был такой Борис Михайлович Сухаревский — человек, который в конце 40-х, как говорили, уничтожил известного экономиста Вознесенского. Сухаревский и меня объявил врагом народа. Первое, что потребовали, — собрать все экземпляры книжки. Их было около шестисот, попробуйте-ка их собрать. Пригрозили: хоть одну не найдешь, сядешь в тюрьму. Я помню, как нашел Абалкина в Подмосковье на семинаре, попросил вернуть мне книгу. Он это сделал, но удивился: «Почему? Что там такое страшное?» С мая 1982 года я каждый день ходил к следователю. Каждый день в 10 утра я являлся в один и тот же кабинет. И слышал один и тот же вопрос: «Кто вас этому научил? Вы должны нам сказать, кто вас попросил это написать?».

Наверное, думали, что он агент ЦРУ, внедренный в СССР. Явлинский устал отвечать, что написал ее сам. Все же кандидат наук и есть опыт практической работы. Они смотрели на него и не понимали, а он тоже не мог понять, что им непонятно.

Один из его коллег, глядя на его подавленный вид, однажды не выдержал: «Какого черта ты полез в эти философско-экономические изыскания?» И он не нашел, что ответить. Он, собственно, и не лез никуда, просто наблюдал, думал. Он рос как экономист. Зачем, для чего и почему надо было сдерживать себя? Он выражал идеи, которые созрели и требовали выхода, хотел поделиться ими с людьми. И думал только о том, чтобы как можно правильнее, понятнее выразить свои мысли.

Работники КГБ отстали от него только 10 ноября 1982 года, после смерти Л. Брежнева. Г. Явлинский вернулся к работе, с наслаждением сосредоточившись на своих дальнейших научных изысканиях. О нем просто забыли. К власти пришел Ю. В. Андропов, потом его сменил К. У. Черненко. В его жизни все шло своим чередом. Отпраздновал рождение второго сына. И вдруг — словно снег на голову — туберкулез! Очень смущало, что ничего не болит, но врачи в поликлинике, где он проходил медосмотр, чтобы получить курортную карту (собирался в отпуск), потрясали снимками и пугали тем, что он заразит своих детей. Он дал согласие лечь в больницу. Его очень быстро положили в специальную закрытую больницу. Все его книги, вещи, которые были дома, сожгли, семью поставили на учет. Он сам отказался от свиданий с ними, чтобы не дай Бог не заразить. И дисциплинированно принимал все лекарства, выполнял все

назначения врачей. В это время рядом с ним лежал Семен Левин, который рассказывал потом о Григории Алексеевиче так:

— В апреле 1984 года я загремел в больницу с диагнозом саркоэдос — увеличение лимфоузлов в легких.

Мне сказали, что это ерунда, меня «быстренько» вылечат, но по милости врачей я пролежал там полгода, перенес операцию и еще два года был на инвалидности. А Гриша-то все рекорды побил. Пролежал в этой больнице месяцев девять.

Попал он туда неожиданно: собирался ехать отдыхать, пошел на осмотр, чтобы получить курортную карту. И вдруг ему заявляют, что у него туберкулез в тяжелой форме. Может быть, им и не удалось бы его так сильно упечь, если бы не спекуляция на том, что это опасно для малыша. Алешке — младшему, считай, два года было. Они его, конечно, здорово этим третировали. Он поначалу даже домой не ходил.

Началась борьба, хотя поначалу Григорий и не понимал этого. Они его начали лечить так, как лечат туберкулез. Человека заражают туберкулезом, чтобы процесс был ярким и сочным, после этого начинают глушить лекарствами. На самом деле риск катастрофический.

Ситуация становилась все хуже и хуже, потому что болезнь не прогрессировала. Доводить доводили, но организм был настолько силен, что это не действовало. Его активно начали убеждать в необходимости операции. Это было очень страшно — молодой, здоровый, розовощекий парень, каким он был в тот день, когда его привезли, и вдруг… Ему распиливают грудную клетку, вытаскивают легкое[14].

Ничего не подозревая, он дал согласие на операцию, да, видать, родился в рубашке, а не то не было бы сейчас политика Явлинского, был бы инвалид, кашляющий кровью, а то и вовсе покоился бы на кладбище. Его сразу перевели в хирургическое отделение и начали готовить к операции. А дальше развернулась настоящая детективная история, о которой лучше будет узнать от самого Явлинского:

— И когда меня стали готовить к операции, в процессе подготовки один старый человек, профессор, который и должен был меня оперировать, — на ухо сообщил мне, что я здоров, что я должен спасаться. Дальше он мне сказал, что никогда этого вслух не подтвердит, что это моя проблема, что я сам должен выбираться из этой истории. Я вам много могу рассказать, как я убежал в ту ночь, что дальше делал. Потом я понял, что мне деваться все равно некуда, потому что у меня клеймо: я заразный. Даже люди, всегда относившиеся ко мне с симпатией, не сомневались, что я болен. Я обошел своими ногами все районные

поликлиники, какие я мог найти, штук десять, везде дарил шоколадки и просил сделать флюорографию. Через день я получил справки из 10 поликлиник, что я здоров. Со всеми этими справками я пришел к главному врачу.

Я вернулся туда в больницу, потому что мне некуда было бежать. Паспорт отобрали, все отобрали, куда мне бежать? И почему я вообще должен бежать куда-то? Главный врач запер дверь и сказал мне: «Вам не повезло». Я спросил: «В каком смысле?» Он ответил: «Представляете, что человек может попасть под трамвай? А на вас наехала система. Она завела на вас дело. Я вам ничем помочь не могу». Я ему говорю: «Это вам со мной не повезло. Мне 32 года, у меня семья, дети, друзья, работа, вы что, хотите сделать из меня инвалида на всю жизнь? Вы что-то перепутали». Он сказал: «Если вы будете доказывать, что вы здоровы, то будете лежать не только в туберкулезной больнице, но еще и в психиатрической. Вы приняли такую дозу лекарства, что для психбольницы вы готовый пациент и у вас сейчас дикое перевозбуждение…»

Еще три месяца после этого я боролся за освобождение. Меня перевели в раковую палату. В эту палату привозили людей, чтобы они умирали, хотя они не знали, что у них рак. Мне очень помогли выбраться мои друзья, а особенно мой любимый институтский преподаватель. Без них не знаю, что бы было. Но как-то совпало так, что я вышел оттуда на следующий день после назначения Горбачева генсеком. Похоже, сработала система точно так же, как она сработала в первый раз. Меня вызвали и сказали: больше сюда не ходи, ты здоров. Я получил по полной программе из того, что можно было получить.

Через девять месяцев из больницы вышел не я, а совершенно новый человек. Год назад я был гостем парламента Японии. В какой-то момент ко мне подошли японцы и сказали: «Поймите нас правильно и не стесняйтесь. Мы можем на двое суток положить вас в такой госпиталь, в котором вас проверят от А до Я. Полную диагностику сделают. Не отказывайтесь. Это наш жест уважения к вам. Мы же понимаем, как вы работаете». Я согласился. Все оказалось очень хорошо, даже замечательно. Практически ничего нет. Единственный вопрос, который я задал в конце обследования, болел ли я когда-нибудь туберкулезом? Было ли что-то такое? И попросил посмотреть меня на этот предмет еще и еще раз. Они улыбнулись и сказали: никогда, ни в какой форме ничего подобного не было». [15]

Сейчас эта больничная история вызывает у парламентских мужей то ли раздражение, то ли зависть. Другие и вовсе стараются ее замолчать, приписывая успех Явлинского фортуне.

Газета «Правда», чтобы «помочь» Григорию Алексеевичу выиграть президентские выборы 1996 года, незадолго до них — 6 июня перепечатала выдержку из газеты «Утро России»: «Григория Алексеевича вынесло наверх немыслимо удачное стечение обстоятельств и прихоть фортуны, у которой вообще не было для этого серьезных оснований». Может быть, Г. А. Явлинский действительно родился в рубашке, но в данном случае «везение» было обусловлено трудом написания книги и выстрадано в буквальном смысле слова. Неолиберальная волна начала набирать силу где-то с 1985 года — с приходом М. Горбачева. Григорий Алексеевич начал излагать свои идеи намного раньше. Он шел впереди событий, ускоряя их. Автор либо плохо изучил его биографию, либо просто хотел принизить, умалить, чтобы Григорию Алексеевичу легче было выиграть президентские выборы. К сожалению, таких журналистов сейчас слишком много. Они говорят ложь. И эта ложь становится достоянием общественного мнения. Вряд ли у самого Григория Алексеевича больничная эпопея вызывает добрые воспоминания. Но люди, которые лежали вместе с ним в больнице, вспоминают о нем с душевной теплотой. Один из них, Семен Левин говорил о нем:

— Не могу сказать точно — у меня нет документов, но создалось впечатление, что это была целенаправленная акция. Его хотели «заглушить». Думаю, это было связано с его работой. С чего иначе человека вдруг начнут травить? Не в переносном, а в буквальном смысле: уколами, лекарствами. Мы однажды потолкли эти таблетки и в хлебных катышках скормили голубям. Некоторые погибли. А Григорий принимал по 4–6 таких таблеток в день. Плюс бронхоскопия, раз в неделю — рентген. Он человек дисциплинированный, ему говорят, что процедура нужна, и он идет.

Психологическое давление было сильное: больница почти режимная, арестантские робы с надписью на спине масляной краской: «I туб. МПС», некоторых за «хорошее поведение» иногда отпускали домой под расписку, но Грише в этом вопросе не повезло — его сильно шантажировали детьми. Потом в его крохотную палату положили пожилого человека с раком легких, который несколько недель умирал у Григория прямо на глазах. Это было просто страшно.

Если бы не его воля и невероятное жизнелюбие, чувство юмора, не знаю чем бы это кончилось. Конечно, ему повезло — от природы он человек крепкий. Не гигант, не спортсмен, хотя по утрам он бегал по парку. Внутри у него пружина очень сильная.

Он все время работал: поставил себе столик, ему привезли кучу книг. Он постоянно читал, писал. И ночью работал. Григорий

нас всех заражал своей силой. А кроме того, он был безумно остроумный. Он заходил в палату, становился около двери и рассказывал даже не анекдоты, а случаи из своей жизни. И мы буквально заходились от смеха, причем сутками.

Это было трагикомическое время, потому что, с одной стороны, человека на наших глазах пытались раздавить, просто умертвить, а с другой — я с ним всегда хохотал от души. В нем была и прозрачность, и бездонность. Мне тогда стало казаться, что «наверху» все такие. Когда я стал общаться с людьми на том же уровне, я с грустью отметил, что, к сожалению, он исключение из правил»[16].

В «бункере»

1985 год вошел в нашу страну, в нашу жизнь с лозунгами о перестройке, ожиданиями перемен. Возле М. Горбачева собрались ведущие ученые страны: А. Аганбегян, Н. Петраков, Г. Шахназаров, А. Черняев, Т. Заславская… Все они мечтали о демократии, о свободе, надеялись и верили в счастливое будущее. «Перестройка затронет очень многие стороны жизни людей, — писала Т. Заславская, — и основные общественные группы значительно больше выиграют, чем проиграют. Кто эти люди? В их числе энергичные, молодые, высококвалифицированные, те, кто хочет и может работать больше, лучше и интенсивнее, постоянно учиться и соответственно всему этому более интересно, насыщенно и, скажем прямо, обеспеченно жить»[17].

Радовалась тогда и я, и мои друзья — наконец-то подуло свежим ветром. Ветер оказался ураганным. Он смел с лица земли Советский Союз, а из человеческих сердец унес человечность, заменив ее даже в детских глазах рабским испугом. Что же случилось? Почему, где и когда всеобщая эйфория радости сменилась пляской смерти? Матерям, которые в 1985 году отправили своих мальчиков в первый класс, и в страшном сне не могла померещиться чеченская война, забравшая жизни их сыновей. Радостными аплодисментами встречали советские люди перемены, идущие сверху, подчас не понимая, к чему они ведут. Уже в документах пленума ЦК КПСС (1987 г.) был намечен целый комплекс мер, изменяющий ценообразование и положивший начало ценообразования 1992 года. Гиперинфляция 1992 года, измерявшаяся 2600 процентами, явилась логическим продолжением реформ 1987 года.

Григорий Алексеевич занимался в Госкомтруде проблемами совершенствования управления. Участвовал в подготовке таких документов, как «Закон о предприятии», «Закон о кооперации», аналитических материалов.

В 1988 году Г. Явлинский уже начальник управления по социальным вопросам. А вскоре переходит работать в Совмин к Л. Абалкину. Такая стремительная карьера была нетипична для советского времени. Тогда подобные должности утверждали на коллегии, согласовывали с ЦК партии. Во многом способствовал этому продвижению по службе институтский педагог Г. Явлинского — академик Л. Абалкин. В 1989 году Григория Алексеевича приглашают возглавить сводный экономический отдел при Совете Министров СССР. В этом же году при Совете Министров СССР создается Государственная комиссия по

экономической реформе. Леонид Абалкин, вспоминая об этом, рассказывал:

— Долгую борьбу пришлось вести за привлечение на работу в комиссию в качестве заведующего отделом Г. Явлинского. Его никак не хотели отпускать из Госкомтруда СССР, где он возглавлял сводный отдел. Возможности Г. Явлинского я знал и раньше. Считал и считаю, что он хорошо образованный специалист, талантливый человек, который много вложил, особенно на начальном этапе работы, в подготовку комиссией концепции экономической реформы[18].

Комиссия Рыжкова — Абалкина работала в так называемом «бункере» — это совминовский дом отдыха «Сосны», находящийся недалеко от Москвы. Как много новых желаний овладело им! Он искренне верил в возможность проведения реформ, в основу которых положил совершенно новые экономические отношения. Не плановое ведение хозяйства, уже исчерпавшее себя, а рынок со всеми его институтами, частной собственностью, конкуренцией.

Н. Рыжков воспринимал Г. Явлинского как ученика, подмастерье. То ли потому, что Григорий Алексеевич был по возрасту моложе всех, то ли по причине собственной самоуверенности, но вдохновенное горение «ученика» вызывало у председателя Совета Министров снисходительную улыбку. В свою очередь, командный, приказной стиль работы Н. Рыжкова вызывал не менее снисходительную улыбку у Явлинского, с той лишь разницей, что «подмастерье» свою улыбку старался не демонстрировать, но иногда все же не мог удержаться.

— Однажды наблюдаю такую картину, — вспоминает Г. Явлинский, — вызывает Рыжков министра легкой промышленности и спрашивает: «Сколько трусов будет произведено в первом квартале?» Тот отвечает: «Не знаю. Там же эксперимент. Теперь не я им задание даю, а они мне сообщают, сколько чего производят». Рыжков в ярость пришел: «Зачем мне нужен министр, если он не знает, сколько там чего!..» И я вдруг подумал: если экономика становится свободной, наш премьер-министр Николай Иванович и генсек Михаил Сергеевич просто не знают, как страной руководить[19].

Однако несмотря на глубокое и проникновенное взаимонепонимание, Г. Явлинский с благодарностью вспоминал о тех днях. Наверное, теперь его злополучная книга о совершенствовании хозяйственного механизма ему самому казалась детским лепетом. Пожалуй, существенными там были только выводы, ориентировочные прогнозы возможного развития. Сейчас он со своей группой разрабатывал программу выхода из кризиса. В его группе собрались единомышленники. Главными

критериями при оценке любого из коллег были, по его собственному признанию, талантливость как экономиста, личная порядочность. И независимость — прежде всего от политиканства[20].

Сам же он мог работать часами, не чувствуя усталости. Это отмечали и его коллеги. Например, так отзывался о нем Лев Борисович Баев, работавший с ним в Госкомтруде:

— Наши отношения были отношениями двух друзей. Конечно, я был начальником, он — подчиненным, но у нас никогда не было жесткой субординации. Маленькая команда, общие цели, общие интересы и никакого дележа власти, субординация — нормальная, дистанции не было. Нетипично для госучреждения, но так оно и было. Мы были увлечены общей идеей и совершенно добровольно сидели до двух ночи. Нас никто не заставлял это делать, нам было просто интересно. И сотрудники к нему относились с уважением, как к надежному «своему» человеку[21].

Способности Явлинского к многочасовой сосредоточенной работе не могли не заметить даже те «доброжелательные» журналисты, психологи, которые «помогали» ему прийти к власти в преддверии выборов 1996 года. «Интеллектуальный мир — естественная «среда обитания» этого политика. Его неутомимый разум всегда готов действовать: исследовать, ставить вопросы, разрешать проблемы, экспериментировать, доказывать, критиковать, отрицать отжившее. Он обладает высокой способностью к устойчивому вниманию и умственной концентрации. В исследовательской, аналитической работе он неутомим и терпелив, пунктуален, одарен во всем, что касается классификации данных, раскрытия законов, создания планов, концепций, программ»[22].

В то время в планах, концепциях и программах была очень острая нужда. Перемены происходили слишком быстро. В 1987 году был принят закон о производственном предприятии, предполагавший выборность хозяйственных руководителей и одновременно лишивший государство функции распоряжения. У директоров предприятий появилась возможность продавать по договорам с потребителем то, что не было охвачено госзаказом, используя механизм договорной цены. Директорский корпус получил большую свободу действий и не был обременен ответственностью, поскольку де-юре хозяином предприятия оставалось государство. Директор набирал силу для будущих подвигов: хронической задержки заработной платы, созданию, а затем преодолению кризиса неплатежей и т. п. Сквозь самоуверенную улыбку директора уже начала словно ненароком

проскальзывать не менее самоуверенная ухмылка Чичикова — того самого, о котором писал Н. Гоголь. Директор был профессионалом, судьба производства была его судьбой. Чичиков никакой профессии не имел, правда, он был таможенником, в другое время промышлял мертвецами. В его словарном запасе не было слова «произвести», а только «приобрести».

Но в 1985–1986 годах эти ростки были едва заметны. Многие смотрели в будущее с надеждой. То, о чем писал Г. Явлинский в своей «антисоветской» книге, теперь вполне законно обсуждалось в прессе. Журнал «Наука и жизнь» опубликовал серию статей доктора экономических наук Г. Попова. В отличие от идей Григория Александровича, его идеи не были столь революционны. Но они адекватнее отражали настроение общества, образно говоря, — дух времени. Г. Явлинский был более последовательным, его мысли — тщательнее проработаны, но он опережал свое время. Для многих он был пугающе непонятен.

Г. Попов тоже говорил о необходимости замены нынешней системы управления народным хозяйством. Но видел это не в кардинальной замене экономических отношений, а в частичном ослаблении министерской опеки над предприятиями, упирая на то, что Госплан должен все руководство осуществлять с помощью показателей рабочего времени. Он писал: «Леса вполне естественны во время строительства здания. Но, чтобы увидеть здание, не говоря уже о том, чтобы нормально в нем жить, леса надо убрать»[23]. Эти настроения были превалирующими в то время. Никто или почти никто не помышлял о том, что это здание надо сносить полностью. Говорили только о частичных переделках и поправках существующей системы.

Н. Рыжков вспоминал впоследствии: «… цели перестройки были четко сформулированы в 1987 году на январском Пленуме. Там никогда не говорилось о том, что мы будем отходить от социалистического строя. Абсолютно нигде! Наоборот, там говорилось о том, что надо развивать социализм. Не говорилось о том, что надо разрушать партию, разрушать единое государство»[24].

Изначально и вдохновители перестройки, и все общество ориентировались не на революционное изменение системы, а на подправление и коррективы. В силу мужской самонадеянности государственные мужи, приступая к строительству демократического общества, наивно полагали, что будут и волки сыты, и овцы целы. Уже с первых же шагов демократические преобразования внесли хаос в установившийся, размеренный порядок. Союзные и республиканские законы, принятые в годы

перестройки, сопровождались усилением дезинтеграции правовой системы и правоохранительных органов, порождая так называемую войну законов. Никто не собирался отходить от социалистического строя. Однако один за другим законы, принимавшиеся наверху, расшатывали всю систему. Ослаблял позиции политической элиты на всех уровнях закон об альтернативных выборах и только что провозглашенная свобода слова.

Положение усугублялось еще и тем, что мировые цены на энергоносители упали. М. Горбачев, правительство Н. Рыжкова судорожно и порой необдуманно пытались изменить ситуацию. Были сделаны крупные капиталовложения в промышленность. На базе модернизации машиностроительного комплекса предполагалось перейти к резкой переориентации экономики на крупные социальные проекты. Этот проект, как и многие другие, целью которых было не столько изменения и модернизация, сколько латание дыр, потерпел фиаско.

В то время как в московском доме культуры «Новатор» собирались неформалы (1987 год), требующие радикальных перемен, на XIX партийной конференции (1988 год) провозгласили о переходе с реформационного на трансформационный путь развития. Было подтверждено обязательное сохранение авангардной роли КПСС. Очевидно, М. Горбачев, выросший и воспитанный партией, в силу психологических причин не мог расстаться с нею. Его идеалом стала конвергенция двух систем при сохранении руководящей роли КПСС. Однако такое соединение создавало ему все новые и новые проблемы. Много времени он потратил, пытаясь отыскать ответы на вопросы, которые ставила жизнь, в марксистско-ленинском учении. Сейчас многие упрекают его в нерешительности, непоследовательности. Я так не думаю. По-моему, уж чего-чего, а решительности, силы воли у него было предостаточно. Просто у него были другие идеалы.

Пока М. Горбачев пытался соединить социализм и капитализм, в стране начались волнения. Демократия выходила из-под контроля, вдохновляя еще не созревших граждан на необдуманные поступки. В 1989 году по стране прокатилась первая волна забастовок. Общественное мнение не поддержало их. Но весной 1991 года забастовки шахтеров уже повсеместно вызывали поддержку и сочувствие. Вызывал горячее сострадание и «обиженный» Б. Ельцин. Осенью 1987 года Пленум ЦК КПСС вывел его из состава высшего политического руководства страны. В то же время позиции самой КПСС слабели. Первое «отпочкование» произошло на XXVIII съезде. От партии отошло

несколько сотен человек, образовавших «Демократическую платформу». Широкий размах этот процесс приобрел в 1990 году.

Если на 1 января 1990 года в КПСС состояло 19 млн 228 тыс. 217 коммунистов, то на 1 октября уже 17 млн 742 тыс. 638.

Как грибы после дождя, растут новые политические формирования, которые пока еще и партиями-то назвать нельзя. В классическом понимании партия — это политическая самоорганизация общества. Однако в данном случае говорить можно лишь о политической самореализации людей, создавших эти «партии». В 1987 году в одной только Москве зарегистрировано около 60, а в конце 1990 года — более 160 формирований. Новоиспеченные лидеры отращивали политические зубы в двух больших кампаниях: борьбы со всеми и всяческими привилегиями в поддержку Б. Ельцина и борьбы с коррупцией и мафией в поддержку Гдляна и Иванова.

Исподволь, незаметно начиналась идеологическая атака на социализм. Одним из первых, рискнувших критиковать политический режим в целом, а не отдельные личности, якобы портящие великое дело, был Солженицын. Григорий Алексеевич впервые познакомился с его произведениями в 13 лет. Дядя Явлинского — москвич приехал к ним в гости и привез журнал «Новый мир» с повестью «Один день Ивана Денисовича». Григорий перечитал его несколько раз. Потом спросил отца: «Что это?» Отец ответил, что это правда.

Любопытно, что в разгоревшемся споре о том, публиковать ли книги Солженицына, многие педагоги вузов выступили против. Почему педагоги вузов не хотели, чтобы студенты знали правду? Или был не очень объективный социологический опрос? Сейчас это уже трудно понять. Впрочем, страсти кипели не только вокруг имени Солженицына. Возвратился из Горького Сахаров. Был убит Александр Мень. Все пришло в движение, сломалась незыблемость социалистического строя. Однако вместе с информационным бунтом, с дарованием всяческих свобод появилось и нечто другое. Появилась неуверенность в завтрашнем дне. Словно почва исчезла из-под ног и нечем было заменить ее, негде было найти опору.

Не потому ли так много злобы и раздражения и сейчас еще вызывает у многих людей М. Горбачев? О нем теперь понаписано столько и такого, что и читать-то страшно. Как будто перед тобой не Горбачев, а сам дьявол. Но нельзя же отрицать и то полезное, доброе, что сделано им: введение выборов на конкурентной основе, значительное ограничение властных полномочий КПСС, либерализация в области национальных отношений, свободы слова, вероисповедания… Именно закон о выборах дал

демократическим силам возможность легализовать свои права. Благодаря этим выборам приходит к власти Б. Ельцин. Впервые в состав депутатского корпуса входят представители демократического движения, ломая иерархические законы старой политической элиты. Период между выборами народных депутатов СССР (с марта 1989 по март 1990 гг.), пожалуй, можно назвать кульминацией демократического движения. Демократические преобразования происходили слишком быстро, М. Горбачев и иже с ним теряли бразды правления. Акцент сместился на инициативу, идущую снизу. Таким образом М. Горбачев переместился из авангарда в арьергард перестройки.

Григорий Алексеевич, которого М. Горбачев не однажды останавливал в реформаторстве, не позволяя ему осуществить свои слишком революционные идеи, говорил о нем: «Насчет «Князя Тьмы» (имеется в виду книга Бориса Олейникова о М. Горбачеве. — *Прим. авт.)*. Да не в этом же дело. *Я* не хочу обсуждать, внедрен Горбачев или не внедрен. *Я* не знаю, я не верю, я так это не воспринимаю. Давайте заглянем в суть этой проблемы. Какая была у Горбачева особенность, главная? Он почему-то, я не знаю почему, не хотел убивать и сажать в тюрьму. Больше ничего. Все остальное получилось как следствие. Если эту идею можно считать внедренной, ну и хорошо. Как перед Богом говорю: больше ничего. Как только люди поняли, что за это их не накажут, и за это, и за это, он не смог с ними совладать… И вот здесь я снова возвращаюсь к главному: послушайте, ну не может быть, чтобы мы могли жить только из-под палки — то тебя в тюрьму посадят, то застрелят. Как же все-таки можно у нас организовать жизнь!»[25]

Однако организовать жизнь никак не получалось, слишком сильным было противодействие. И сейчас, работая в правительственной комиссии, он тоже почувствовал противодействие. Его группа подготовила пакет документов, но ни Н. Рыжков, ни Л. Абалкин не приняли его. Хотя он в окончательный вариант программы не вошел, время было потрачено не даром. Состояние ободранного самолюбия, судя по всему, чуждо ему. Не умеет он переживать и чувство обиды, злобы. Чаще всего вместо обиды он испытывает желание понять своего оппонента. Он умел учиться и у Н. Рыжкова. Несмотря на его командный стиль работы, у него было чему поучиться. Однако он не попал под влияние своих учителей, а наоборот еще больше утвердился в правильности своих задумок и проектов.

Работа в «бункере» дала стимул к дальнейшим самостоятельным поискам, помогла более четко определиться в ориентирах. И в будущем его молитвы не менялись:

— Я скажу банальную истину: принятие решений гораздо более тяжелая вещь, нем умение грозно бровью повести. Приходится проявлять силу воли, твердость характера значительно большую. В конце концов, я ведь не себя предлагаю, а определенный комплекс идей, взглядов, механизм реализации этих идей. То есть определенную концепцию трансформации. Она состоит из таких составных элементов, как план либеральных реформ, концепция сотрудничества с высшим миром, экономический договор между республиками бывшего СССР и программа реформ снизу.

Я прошел всю «лестницу» от рабочего до заведующего сводным экономическим отделом Совета Министров. Я знал наше хозяйство не по чужим докладным и я уже понимал, что нужно делать, чтобы страна вышла из кризиса.

Я писал законы и программы, делал расчеты, руководил огромным отделом, встречался с министрами и директорами заводов. И с теми, кто был у власти, кто принимал решения, тоже встречался: с Горбачевым, Рыжковым, Силаевым. Убеждал их действовать. Но действовать обдуманно, сегодня зная, что ты будешь делать сегодня, завтра и послезавтра. А чтобы это знать, нужна была программа, расписанная буквально по дням.[26]

Эти идеи легли в основу программы «500 дней», родившейся из творчества группы Явлинского в «Соснах», и последующих самостоятельных поисков Явлинского, Михайлова и Задорнова.

Позже ему не раз придется слушать упреки в свой адрес по поводу пребывания в «бункере». Например, Татьяна Корягина, кстати, сама тоже причастная к совминовскому дому отдыха «Сосны», скажет:

— Один из основных разработчиков программы «500 дней» вышел из «бункера» Николая Ивановича Рыжкова и сама разработка зарождалась там же, так что хорошего ждать не приходится[27].

Григорий Алексеевич никогда не отрицал своего «бункерского» происхождения. Наоборот, говорил о том, что работа в аппарате Совмина, работа с Н. Рыжковым его многому научила. Уже хотя бы для того, чтобы осознать разницу между своими идеалами и идеями и чужими идеями, стоило побывать там. Сам того не желая, он оказался в оппозиции к своему любимому учителю — Л. Абалкину. И очень болезненно переживал это.

— Если бы я испытывал к программам Л. Абалкина хотя бы половину той теплоты, которую испытывал к нему как к человеку, то не стал бы я его оппонентом. Но мы с академиком смотрели на экономику разными глазами: что для одного круглое, то для другого зеленое.

В дальнейшем это противостояние будет усиливаться. В этом противостоянии, в твердом намерении продолжить разработку программы проявляется одна из важнейших особенностей Г. А. Явлинского. Я бы не стала говорить, что это упорство в достижении цели. Да, конечно, и упорство тоже, но не это, на мой взгляд, главное. Трудно согласиться с мнением психологов: «Одна из важнейших характеристик Григория Алексеевича — потребность в совершении поступка, то есть действия значительного, необычного, привлекающего внимание своей оригинальностью, соответствующего собственным принципам и таким образом заслуживающего уважения и самоуважения. При этом удовлетворение доставляет не так результат, к которому приводит данное действие, как сам факт его совершения»[28].

Здесь совсем не учитывается одна из важнейших, как я полагаю, особенностей Явлинского, проявившаяся еще в детстве — во всем доходить до самого начала начал. Исследовать причинно-следственные связи, переходя на большие абстракции и обобщения. Здесь психологи делают акцент на стремлении привлечь внимание, на потребность в одобрении. Может быть, это тоже есть в Явлинском. Но если вспомнить историю написания его первой нашумевшей книги и всех последующих событий, то приходишь совсем к другому выводу. Психологи нарисовали некоего фрондера с болезненным самолюбием. Я вижу его иначе. Я вижу жажду самовыражения, желание поделиться открывшейся истиной с другими, убедить их в своей правоте и увлечь за собой. Кто прав? Просто трудно поверить, что пройдя столь мучительный и болезненный (в буквальном смысле слова) путь, Явлинский будет стремиться к дешевому позерству. Вряд ли.

«500 дней»

Близился к концу 1989 год. Сейчас страдания тех лет в виде пустых полок магазинов, дефицита самого необходимого кажутся кому-то, наверное, совсем безобидными. Но тогда вся страна жаждала перемен. Многие надеялись, что с помощью реформ сможем вступить в эпоху экономического ренессанса. Однако Г. А. Явлинский, в отличие от всех или по крайней мере многих, жил, образно говоря, ожиданием Годо, то есть предчувствием катастрофы. Перестройка с первых же шагов вызывала у него множество вопросов, на которые он не находил ответов. Эти вопросы наиболее сильно обострились в «бункерский» период. Там он познакомился не столько с тайнами механизма управления (они ему были уже известны), сколько с тайнами принятия решений. И будучи человеком отнюдь не робкого десятка, он тоже принял решение. Он решился вступить в единоборство с системой, на этот раз вполне осознанно. Надел рыцарские доспехи, состоящие из точных экономических расчетов, горячих порывов молодости, жажды подвига и бросил перчатку Н. Рыжкову и всем «бункерцам», вызывая их на экономико-социальную дуэль с политической подоплекой.

Полем боя служил письменный стол, а вместо шпаги была обыкновенная авторучка. Ему помогали два других рыцаря: Алексей Михайлов — заведующий сектором Научного центра по ценообразованию Госкомцен СССР и Михаил Задорнов — научный сотрудник Института экономики АН СССР.

В это же время — в декабре 1989 года ничего не подозревавший о готовящемся поединке Н. Рыжков представил на обсуждение заседания Совета Министров первый в истории СССР «рыночный план». Если вы когда-нибудь пытались есть соленое варенье или огурцы с молоком, то тогда сможете представить себе о чем был доклад Н. Рыжкова. Он соединил в одном целом несоединимое: рыночную экономику и планирование. Наверное, поэтому аплодисменты и поздравления достались вовсе не ему — главному виновнику событий, а другому, дерзнувшему опровергнуть правительственную программу. Волей судьбы на заседании присутствовал академик С. С. Шаталин. Несмотря на преклонный возраст, он резво выбежал к трибуне, с которой только что торжественно вещал Н. Рыжков. Шаталин около часа вдохновенно опровергал его доклад как нечто несъедобное и даже ядовитое, к использованию непригодное. С ним все дружно согласились, его поздравляли и даже целовали, хвалили и поддерживали. А вскоре так же дружно и единодушно

приступили к выполнению несъедобной экономической политики, о которой докладывал Н. Рыжков.

Тогда С. Шаталин не был знаком с Григорием Алексеевичем Явлинским и даже, наверное, не слыхал о нем. Но они, не зная друг друга, думали в унисон, их пути уже начали сближаться. В марте 1990 года С. Шаталин стал членом Президентского Совета СССР. Весной 1990 года программа Явлинского, Михайлова и Задорнова была готова. Они назвали ее «400 дней доверия».

Читая эту программу, изданную отдельной брошюрой, я невольно вспоминала слова Н. Рериха. Правда, он говорил о произведениях живописи, но в данном случае Г. А. Явлинский и его друзья тоже были творцами и художниками будущего страны. Прежде чем приступить к работе над большой картиной, художник пишет эскизы. По мнению Н. Рериха, в эскизе «первая мысль, зажегшая художника, бывает вдохновеннее условно законченного выражения». Это же можно сказать и о программе «400 дней доверия», предшествовавшей программе «500 дней». На эскизность указывает и подзаголовок программы: «Концепция ускоренного перевода экономики СССР на рыночные начала». Главная идея этой программы: право собственности юридических и физических лиц на любой вид имущества, гарантированное законом (кроме имущества, находящегося в исключительно государственной собственности). Эта идея, дающая простор развитию мелкого и среднего предпринимательства, плавно переходила в идею разгосударствления предприятий. Речь шла о предприятиях, связанных с обслуживанием населения и производством потребительских товаров, а также небольших предприятий с количеством работающих до 300 человек. На этом государство, по оценкам Григория Алексеевича, должно было получить до 400 млрд рублей.

Здесь, пожалуй, можно сделать маленькое отступление. Дело в том, что сравнивая программы Г. А. Явлинского с тем, что произошло в экономике страны впоследствии, постоянно приходишь к одному и тому же выводу: Г. А. Явлинский всегда предлагал реформировать экономику таким образом, чтобы поддержать творческую инициативу большинства людей из малоимущих, средних слоев населения. Он всегда ориентируется не на узкий круг номенклатурной буржуазии, наживающейся на нищете других, но на большинство населения. Он ищет опору не в директорском корпусе, не во властных структурах или армии чиновников, но на заводских окраинах, в сельской местности, среди учителей, врачей… Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что его жизненное кредо — частная собственность только тогда становится частной собственностью, когда оплачена трудом ее

владельца. Такая установка делает невозможным появление компрадорской буржуазии и прочих аномалий, поразивших наше общество подобно заразной болезни. Опору государства Григорий Алексеевич видит в создании среднего класса. Этому подчинена и налоговая реформа.

Налогообложение должно отбирать сверхприбыль у монополий и-стимулировать производственные накопления того же фермера, сапожника, то есть человека, который зарабатывает не на купле-продаже, не на воровстве, а собственным трудом. Интересный нюанс есть в программе «400 дней доверия»: за уклонение от уплаты налогов предусматривался трех-пятикратный штраф и даже лишение свободы до 1 года. Нынешняя конфискационная налоговая политика спровоцировала огромное количество уклонений от уплаты налогов. Чуть ли не нормой стало создание малых предприятий на основном производстве с целью «перекачивания» средств с основного производства (в том числе и зарплаты рабочих) в карманы руководства, а также ради сокрытия доходов от налогов. За это почему-то не спешат наказывать. И откровенный грабеж среди бела дня становится нормой нашей жизни. Отчаянные попытки героев-одиночек осуществить контроль хозяйственно-финансовой деятельности предприятия, где руководство озабочено наполнением собственных карманов, натыкается на правовые пробелы, двусмысленность законов и коррумпированность директорского корпуса. Всего этого не было бы, если бы мы платили налоги «по Явлинскому»: не было бы ни монополий, ни грабежа среди бела дня, ни задержек выплаты зарплаты. Жаль, что раздумывая над тем, за кого голосовать на президентских выборах, бывший советский человек очень редко вникает в суть программы кандидата, не изучает его идеи. Ведь когда пришел к власти Б. Ельцин, он не предлагал никаких новых идей, эйфория вокруг его имени лично для меня загадка: нет ни большого ума, ни силы воли…

По-моему, под заголовком «400 дней доверия» надо было поставить еще один подзаголовок: «Осторожность, но не страх». Это, пожалуй, наиболее точно отражает основополагающую идею программы. Явлинский словно уговаривает не бояться ни частной собственности, ни конкуренции, но во всем соблюдать соразмерность и осторожность. Программа расписана по дням для того, чтобы каждый, прочитав ее, знал, что произойдет сегодня, завтра, через неделю, месяц… Знание предотвращает или по крайней мере смягчает удар. Любой человек, зная, какие изменения произойдут в ближайшее время, сам выберет оптимальный вариант, оберегающий его от ударов судьбы.

Итак, эскиз, он же — перчатка, он же — программа «400 дней доверия» готов. Но Н. Рыжков был так высоко и далеко, что бросить ему «перчатку» оказалось не так-то просто. «Перчатка» прошла экспертизу в Японии и получила хорошую оценку. Вызвала она большой интерес и в России. И вот уже ксерокопия программы «400 дней доверия» доверчиво «гуляет» по столам больших начальников. Без ведома автора она попадает на стол председателю Экономического совета России М. Бочарову. И с ней начинает происходить нечто странное. К четыремстам дням добавляется для ровного счета еще сто, четыре буквы СССР везде заменяются на пять букв — РСФСР… А вскоре уже и Б. Ельцин в беседе с журналистами начинает рассуждать о программе «500 дней» и очень хвалит ее. Г. Явлинский, узнав под программой «500 дней» свою программу «400 дней доверия», отправляется на поиски М. Бочарова. Он объясняет Бочарову, что программа может быть осуществлена только в качестве союзной, но не республиканской. Бочаров представил Григория Алексеевича Ельцину как автора программы «500 дней».

Б. Н. Ельцин предложил Г. А. Явлинскому пост заместителя председателя Совета Министров России — Председателя Комиссии по экономической реформе. Это предложение нашло поддержку у народных депутатов. Верховный Совет РСФСР утвердил Г. А. Явлинского на посту зампреда. Таким образом Григорий Алексеевич оказался в высших эшелонах власти. Вот как он описывает борьбу с самим собой и с мыслями от лукавого, залетевшими в его сердце из затхлых коридоров власти:

— Если говорить о пути наверх, то был в моей жизни один решающий момент, связанный с принятием принципиального решения. Летом 1990 года подготовленная мною программа попала помимо моей воли в руки Бориса Николаевича, и он воспользовался ею в своей борьбе за власть. Тогда же он предложил мне очень высокую должность. Впервые в моей жизни — властную. До этого я заведовал сводным экономическим отделом Совмина СССР, но это была не власть, это был аппарат. Я очень хорошо помню момент, когда я принял решение. Если я соглашусь, то прежний человек заканчивает свой путь, и на свет появляется новый человек, у которого будут другие отправные точки. Я должен был ответить на вопрос самому себе: понимаю ли я, что многие человеческие чувства я должен буду отложить в сторону. Например, страх. Потому что заниматься политикой и при этом чего-либо бояться невозможно. Или, например, стремление к сытой, уютной и комфортной жизни. Я должен был сразу себе сказать, что этого не будет. Или надо будет, как сейчас, рассказывать о своей жизни, а потом, это положат на бумагу, как

сейчас, и миллионы людей будут это читать. Нормальному человеку это ни к чему. Одно дело рассказать о себе друзьям, а совсем другое — делать из этого плановое мероприятие. Было несколько таких вещей, которые надо было решать раз и навсегда[29].

Программа вернулась к авторам: Явлинскому, Михайлову и Задорнову. Михайлов и Задорнов стали членами Комиссии по реформе в ранге заместителя министра. Было удовлетворение? Ведь победу одержали! Но… Удовлетворения не было. Высокий пост зампреда удовлетворил бы Григория Алексеевича лишь в том случае, если бы дал возможность реализовать программу. Но, как уже было сказано, программу можно было реализовать лишь в масштабах Союза, а не одной республики, даже если эта республика Россия. До сих пор он уверенно шел к цели, преодолевая всевозможные препятствия. Удовлетворение дал сам процесс работы над программой, сейчас эта программа лежала в «долгом» ящике стола, а время шло. Все менялось очень быстро, затрудняя реализацию программы.

Пожалуй, со стороны его неудовлетворенность выглядела очень странной. Он добился очень многого, можно сказать, был на вершине успеха и славы. У многих «доброжелателей» стремительный взлет Г. А. Явлинского вызвал настоящий страх: «Мифа о Явлинском не надо бояться, — уговаривает других или успокаивает сам себя некий А. Колесников, — но тем не менее полезно помнить то, что это все-таки миф»[30].

Его часто упрекали в том, что он только теоретик, а практически ничего не сделал. Если разработать несколько программ значит ничего не сделать, то что тогда будет означать делание? Постоянное возражение оппонентов о том, что разработка программы — это, дескать, теория было бы справедливо в том случае, если бы этой теории можно было противопоставить удачное практическое решение тех же проблем. Но процесс реформ, осуществляющийся практиками, презрительно относящимися и к теориям, и к Явлинскому, завел всю страну в какой-то страшный грязный тупик. Пока теории Г. А. Явлинского никем не опровергнуты и ждут своего часа.

В начале 1992 года Е. Гайдар разъяснял журналистам, что хватит писать программы, надо заниматься делом. Дескать, уже написано одиннадцать программ, а толку нет. «Мы считаем, что наша программа должна в первую очередь реализовываться в конкретных экономическо-политических решениях, в структурных поворотах, в финансовой политике, в нормативных актах».[31] Короче говоря, сначала давайте прыгнем двумя ногами в болото, а потом уж подумаем, как из него выбираться.

Олег Попцов торопится подвести под хаотические реформаторские усилия Гайдара, стоившие многим людям так дорого, обоснование: «От программы «500 дней» Егора Тимуровича Гайдара и его учителей Аганбегяна, Абалкина и других отличает только то, что те потратили время на разговоры, а Егор Тимурович стал делать. Мы начали реформаторство по многим направлениям. Тот путь, которым проходили, действительно мучительный, но другого пути быть не могло»[32].

Почему же не могло?! Могло, очень даже могло. Есть много путей, есть выбор и воля. Безропотное подчинение судьбе, ссылки на фатальность — удел бессильных, удел рабов.

Г. А. Явлинский может аккумулировать идеи. Он умеет находить выход, в казалось бы, безвыходном положении. Да, его «400 дней доверия», против его воли превратившись в «500 дней», так и не были реализованы, но не стоит торопиться с обвинениями в его адрес. Он делал все, чтобы спасти программу, чтобы реализовать ее, но рычаги управления были не в его руках. В том, что «400 дней» превратились в «500» еще не родившись, не его вина. Однако невостребованная программа «400 дней доверия» не «умерла». Благодаря ее широкому обсуждению, может быть, впервые за годы советской власти был создан прецедент: поставлена под сомнение правильность политики, обусловленной «мудрыми» решениями правителей, владевших ранее монополией на истину. И не только это. Нарисованный эскиз ждал своего воплощения в картине. Усилиями Г. А. Явлинского и его друзей, количество которых значительно возросло, впервые в истории СССР создавалась альтернатива существующему политическому режиму, экономическим реформам.

* * *

1990 год вошел в историю под знаком крушения социализма. Распадается Организация Варшавского Договора, Совет Экономической взаимопомощи. Наконец-то разрушена стена, разделявшая Германию. Жестоким кризисом охвачены республики СССР, стремительно нарастают центробежные тенденции. В Молдове — стреляют, Грузия собирается отделиться. Азербайджан и Армения в состоянии глухой вражды. Прибалтийские республики уже на выходе. Усиливается конфронтация и в Москве. Кремль и Белый дом на Краснопресненской набережной, где заседает российский парламент, вместо того, чтобы строить мост дружбы, все больше

вдохновляются взаимной неприязнью. Представители иностранных держав, привыкшие у себя дома к спокойной размеренной жизни, порой приходят в настоящее отчаяние: с кем решать вопросы, например, о выплате внешнего долга СССР? С М. Горбачевым? Но он, по образному выражению Г. А. Явлинского, «полощется на поверхности». С Б. Ельциным? Он — Председатель Верховного Совета Российской Федерации, избранный демократическим путем. Но Ельцин не отвечает за внешний долг СССР и вообще не решает проблемы союзного масштаба, у него нет таких полномочий. Руководство других республик по поводу долга, а также других сложных проблем хранит глубокомысленное молчание, указывая взглядами на Кремль, дескать, все это решается там.

Им, иностранцам, всегда было трудно понять нашу страну, а в то время особенно. Этот вопрос обсуждался даже в лондонской газете «Дейли телеграф», но насколько мне известно, ни к каким разумным выводам англичане так и не смогли прийти, ограничившись лишь постановкой проблемы. Жалобный крик не назвавшего себя представителя Комиссии Европейского сообщества, играющего роль объединенного экономического генштаба: «Мы не имеем представления, с кем мы разговариваем в Москве, у кого в действительности полномочия?»[33], — остался без ответа.

«Впервые в конце 1988 года, — писали Явлинский и его друзья в программе «400 дней доверия», — в ходе утверждения бюджета на очередной год в Верховном Совете СССР было объявлено о дефиците государственного бюджета, исчисляемом почти 100 млрд рублей. В статистических сборниках и сводках Госкомстата СССР по итогам 1988 и 1989 годов впервые официально названа величина государственного внутреннего долга — к началу этого (1990 — *Прим. авт.)* года она составляла 400 млрд рублей». И далее: «… четверть триллиона рублей дополнительных бюджетных ассигнований, выделенных за четыре года 12-й пятилетки в счет погашения госдолга, израсходованы практически впустую и естественным результатом роста государственных расходов стал крах финансовой системы».

Все смешалось, спуталось, закрутилось в гордиев узел: экономика, политика, бытовые проблемы простых смертных. Ни КПСС, уже значительно поредевшая, ни вся административно-командная система, расшатанная перестроечными законами М. Горбачева, не могли разрешить многочисленные проблемы. Не приживались и политические институты, созданные в последние годы. У партийного руководства, всегда стоявшего над всеми государственными механизмами, начиналась атрофия.

Переживали кризис и Советы, как система власти. Плюрализм, который так радостно приветствовали в начале перестройки, превращался в какую-то хаотическую многопартийность.

Григорий Алексеевич не занимался этой политической суетой, но он не мог не замечать всего этого. Приступив к выполнению обязанностей заместителя Председателя Совмина РСФСР, он увидел весь этот хаос с еще большей отчетливостью. Усиливался этот хаос и конфронтацией двух лидеров: М. Горбачева и Б. Ельцина. Решения, указы, идущие из Кремля и Белого дома, противоречили друг другу. Надежды и ожидания Г. А. Явлинского, связанные с новым постом, не оправдывали себя. Власть сама по себе, без того, чтобы оказывать влияние на ход событий, не удовлетворяла, а наоборот удручала, заставляла напряженно искать выход. Пожалуй, его состояние можно сравнить с состоянием водителя, когда его «крутит» по гололеду с бешеной скоростью и бесполезно хвататься за руль или нажимать на тормоза. И все же он нашел выход.

Спустя десять дней после того, как Г. А. Явлинский стал зампредом, он пишет письмо М. Горбачеву. Григорий Алексеевич предложил вариант политического консенсуса для спасения перестройки на базе программы «500 дней». Политический консенсус противоборствующих сторон (Б. Ельцина и М. Горбачева) заключался в создании руководящего центра. Не М. Горбачев и не Б. Ельцин, но именно Центр должен был координировать экономические преобразования и в России, и в республиках. Это дало бы возможность преодолеть конфронтацию, хотя бы в области экономики, и сосредоточиться на поиске взаимовыгодных решений сложных проблем, в том числе проблемы взаимоотношений республик и Москвы.

И М. Горбачев, и Б. Ельцин поддержали идею Г А. Явлинского. Вскоре была создана Государственная комиссия по экономической реформе. И на политической сцене появляется академик С. С. Шаталин.

В июле 1990 года С. Шаталин находился в Барвихе. В конце месяца его отдых был прерван телефонным звонком М. Горбачева:

— Станислав, мы тут посоветовались и решили поручить тебе с командой начать энергичное спасение советской экономики и перевод ее в рыночную[34].

И вновь между М. Горбачевым и Б. Ельциным произошел спор. Поскольку возглавлял группу С. Шаталин, то у многих и тогда и сейчас еще авторство программы «500 дней» ассоциируется с именем академика. По настоянию Б. Ельцина группа стала называться не группой С. Шаталина, как хотели вначале, а группой Шаталина — Явлинского. Об этом рассказывал

мне сам Явлинский, когда я спросила его о Б. Н. Ельцине. Он рассказал об этом с благодарностью к Борису Николаевичу, но тут же отметил, что между ними есть серьезные политические разногласия. Но об этом пойдет речь позже.

В команду С. Шаталина — Г. Явлинского первоначально вошли: Н. Петраков, Л. Абалкин, Н. Шмелев, Е. Ясин, А. Михайлов, М. Задорнов… Л. Абалкин и Н. Шмелев в работе не участвовали. Новая группа, а также представители республик с 6 по 31 августа работали в совминовском доме отдыха «Архангельское», что недалеко от Москвы. Такое ограничение во времени было обусловлено тем, что в сентябре начинали работу сессии Верховного Совета СССР и РСФСР. Окончательное решение принималось там.

В это же время в «бункере» Н. Рыжкова полным ходом шла запланированная еще раньше работа над очередными «Основными направлениями». Инициатива Г. А. Явлинского не вписывалась в их налаженный ритм творческих поисков выхода из кризиса ни тогда — в 1989 году, ни сейчас — в 1990. В «бункере» хорошо помнили недавнего «подмастерья», его взгляды на реформу не вызывали сочувствия и тем более понимания. С первых же шагов обе группы начали противостоять друг другу. К сентябрю должны были быть подготовлены и программа президентской группы (группы Шаталина-Явлинского), и программа правительственной группы (Рыжкова — Абалкина), а также программа Союзного договора, которую разрабатывали уже не экономисты, а политики.

Еще до начала работы президентской группы — 4 августа член Президентского совета, академик Е. М. Примаков комментировал идею создания президентской группы: «Действительно образована рабочая группа для подготовки концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы союзного договора. Хотел бы подчеркнуть, что переход к рыночной экономике ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от ведущейся сейчас подготовки нового Союзного договора»[35].

Программа «500 дней» изначально задумывалась и разрабатывалась как программа союзного значения.

Тем не менее до сих пор то там, то здесь раздаются голоса осуждения программы, якобы развалившей Советский Союз. Может быть, такому мнению во многом способствовала вражда, разгоревшаяся между двумя группами, призванными работать в сотрудничестве?

В течение всего этого месяца, по словам С. Шаталина, Н. Рыжков вел двойную игру: ставил палки в колеса, бросал сахар

в бензин, поджигал скирды…[36] Во-обще-то, когда Горбачев, Ельцин, Рыжков, Силаев подписывали соглашение, когда создавалась так называемая президентская группа, подразумевалось иное сотрудничество — без поджигания и сахарения, но жизнь внесла свои коррективы.

Однако и сами «бункерцы» тоже чувствовали себя неуютно. Они не привыкли к конкуренции. Прежде они были единственными и любая критика в их адрес была бессмысленна. Как выяснилось, бессмысленной она оказалась и сейчас, хотя раздавалась очень и очень громко.

Союзным правительством была создана специальная комиссия под руководством академика А. Аганбегяна для оценки альтернативных программ. В комиссию вошли независимые эксперты. Они тщательно изучили наработки отдельных групп. И А. Аганбегян выступил с итоговым докладом на Президиуме Совета Министров СССР. Он подверг резкой критике программу, которую готовила правительственная группа и выступил в поддержку программы Г. А. Явлинского. Он категорически возражал против объединения этих программ. Об этом же говорил и С. Шаталин: «Я по-прежнему убежден, что для страны риск перехода к рынку меньше, чем расплата за топтание на месте. И опасно сейчас тратить время на совмещение заведомо несовместимых программ. У них попросту разные группы крови: в правительственном варианте под флагом рынка можно заметить камуфляж административной системы, мы же изложили общие правила предрыночного поведения в условиях Союза Суверенных Государств. Наша группа предложила сначала стабилизировать финансово-денежную систему и только затем постепенно «отпускать» цены. Это начнет создавать условия для конкуренции всех рынков, начнет приучать их бороться за потребителя, а не существовать отдельно от него. Речь идет о новом типе политической и экономической организации нашего Союза. Правительство имеет другую точку зрения»[37].

Мнение С. Шаталина, доклад А. Аганбегяна были выслушаны широкой общественностью. Президиум, заслушав доклад, рекомендовал группе Рыжкова — Абалкина в максимально возможной степени использовать рекомендации для уточнения правительственной программы. Комиссия, состоящая из независимых экспертов, на этом прекратила свою деятельность. Ее замечания, отправленные в «бункер», «осели» в долгом ящике стола. Похоже, что в «бункере» уже сформировались устойчивые традиции в отношении к деятельности различных независимых экспертов. Эта традиция «перекочевала» и на отношение к группе «Шаталина-Явлинского»: мели Емеля — твоя неделя.

В обеих группах уже было абсолютно ясно, что одной синтетической программы нет и не может быть. Сейчас часто приходится слышать и читать в газетах утверждение, что между различными программами нет разницы, они все похожи. Может быть, какие-то и похожи, их нынче как грибов после дождя, но тогда бой разгорелся нешуточный. Различие было не только в последовательности осуществления мероприятий, но и в методике подхода к реформе как таковой. Столкнулись два разных, взаимоисключающих мировоззрения.

Пожалуй, самым главным нервом спора стало то, какое понятие, какой смысл вкладывали оппоненты в слово «Союз», каким они видели его в будущем. В вопросе о необходимости сохранения Союза обе группы были единодушны с той лишь разницей, что каждая имела свое представление о его будущем. Этой-то разницы многие «судьи», которые все программы под одну гребенку причесывают, ни тогда не понимали, ни сейчас не понимают.

Когда в прессе обсуждались недостатки и преимущества программы «500 дней», в массовом сознании возобладала очень примитивная дилемма: за программу — против Союза или, что примерно то же самое, за демократов — против коммунистов, за Ельцина — против Горбачева. Если Г. Явлинский заодно с Ельциным — Явлинского поддерживают, если он примкнет к Горбачеву — обрушивают на него весь свой «благородный» гнев. Если Явлинский не с Ельциным и не с Горбачевым, то его перестают понимать, записывают во фрондеры и начинают ненавидеть, потому что все непонятное, как правило, вызывает у примитивных людей раздражение и злобу.

В преддверии президентских выборов 1996 года в прессе была опубликована статья В. Трушкова «Кандидат — его призвание», в которой говорилось: «Детище Явлинского имело две принципиальные особенности. Во-первых, в нем по дням распланирован переход от социалистической экономики к капиталистической, на что в сумме отводилось 500 дней. Во-вторых, это был воинствующе антисоветский документ. В нем отсутствовало даже упоминание об СССР. А ведь бумага эта сочинялась за полтора года до «Беловежской сделки на троих». Когда эта программа использовалась в качестве тарана, крушащего Советский Союз, социализм, КПСС и даже лично Горбачева, она всеми связывалась с именем С. С. Шаталина».

Читая это, я думала, что, как ни парадоксально, главными оппонентами Явлинского были не Рыжков, не М. Горбачев и не какой-то другой человек и даже не человек вовсе. Как подтверждает приведенная цитата, многие люди не обладают

способностью четко и ясно мыслить. Там, где нужен трезвый рассудочный подход к изучению вопроса, преобладают пафос, патетика, эмоциональная напряженность. Это мысль — настроение, мысль — состояние, мысль — ощущение. Ощущать-то и корова может. Неужели, прочитав программу, так трудно было понять, что она рассчитана на Союз, но не тот, что имели в виду М. Горбачев и Н. Рыжков, а другой Союз? Программа «500 дней» предполагала не вертикальное соподчинение Центра и республик, но равноправное членство всех республик.

Программа «500 дней» ориентировалась на создание Экономического Союза Суверенных Республик. Идея Экономического сообщества, пожалуй, одна из самых главных идей Г. Явлинского. Впоследствии он еще не раз будет обращаться к ней. Эта идея предполагала сохранение единого экономического пространства СССР, что значительно облегчало создание условий для свободной предпринимательской деятельности. А свободная предпринимательская деятельность, в свою очередь, создавала условия для формирования среднего класса. Собственно говоря, именно эту цель и преследовала программа. Но это была лишь одна из целей. Главная же цель — изменить механизм управления: с плановой на рыночную экономику на основе Договора суверенных республик об экономическом союзе.

Особое внимание уделялось равноправию всех видов собственности.

«Программа предусматривала начало приватизации государственных предприятий, систему мер по облегчению социальных последствий реформ. Для сокращения дефицита бюджета предлагалось урезать помощь развивающимся странам, сократить расходы на вооружение и госаппарат.

С другой стороны, программа была построена как изложение технологии последовательных экономических преобразований буквально день за днем. Ведь успешное реформирование экономики возможно только в том случае, когда руководители страны могут управлять политическими событиями, а не шарахаться из стороны в сторону. Это возможно только при ясном понимании того, что должно быть сделано сегодня, завтра, через неделю, через месяц.

Конкретность реформаторских мероприятий и их точная определенность во времени задавали новую меру ответственности исполнительной власти. Парламент мог в любой момент вызвать ее представителей и сказать: «Вот что вы должны были сделать за последние три месяца по плану. А чего вы добились на самом деле?»

Впоследствии многие мероприятия программы были

осуществлены правительством Гайдара в 1992 году. Критики программы любят обвинять ее авторов в сегодняшнем экономическом кризисе и развале СССР.

Они невольно или умышленно передергивают факты. И реформа цен, и приватизация, и банкротства, если бы они осуществлялись по программе «500 дней», не сопровождались бы последствиями, которые мы имеем сегодня. Не было бы сокращения объемов производства, инфляции и уничтожения вкладов населения, не было бы массовой безработицы…

Ничего этого не произошло бы потому, что, во-первых, программа Г. Явлинского имела своей целью сохранение СССР, как единое экономическое пространство, в то время как экономическая политика Е. Гайдара исходила из идеи разрушения этого пространства. Во-вторых, потому что «500 дней» предполагала жесткую последовательность действий, а не реформаторские импровизации. Наконец, одно только наличие программы давало возможность всем регионам страны продумать свой собственный план действий, тогда как сейчас Москва принимает решения по своему разумению, а регионы должны лихорадочно подстраиваться под них.

Иногда авторов «500 дней» обвиняют в излишнем оптимизме. Критики утверждают, что полтора года — ничтожно малый срок для создания государства с процветающей экономикой. Однако программа не имела своей целью строительство «рая земного» за полтора года. Речь шла лишь о создании за это время основ рыночной экономики. А это было реально» [38] Может быть, уставший от экономических выкладок читатель задаст вопрос: а зачем это? Дескать, лучше расскажите мне о Г. Явлинском подробнее и побольше из личной жизни, а программу оставьте изучать специалистам. Лениво отбрасывая «заумные» экономические рассуждения, приходим к презрению и насмешкам — достоянию полуобразованного ума. «Все знают фамилию «Явлинский». Но кто он, что он, что предлагал, не могут рассказать даже писавшие о нем, снимавшие его. «Ой, не приставайте! — сказала женщина, написавшая о нем в общей сложности страниц 500 — по числу дней, которые он отводил на оздоровление народного хозяйства. — Он замечательно танцует»[39]. Для того, чтобы узнать, кто такой Г. Явлинский, что он предлагает, не надо, наверное, приставать к женщинам, а все же стоит взять его книги, хотя бы в библиотеке, и прочитать их.

Ради того, чтобы такого превратного отношения к идеям Явлинского не было, надо объяснить, что его программа сосредоточилась возле самых острых вопросов, которые касаются буквально каждого. Например, вопрос о создании рынка жилья.

Малообеспеченные семьи должны были, в соответствии с его программами, иметь право на бесплатное или удешевленное жилье. В первый этап должна была осуществиться и приватизация. Однако начинать ее предполагалось не с крупных промышленных предприятий, а с продажи на аукционах мелких предприятий (магазинов, парикмахерских ит. п.). Это и многое другое входило в первый этап реформы по программе «500 дней».

Второй этап (с 100 по 125 день) — либерализация цен. Помните, у Е. Гайдара это было самым первым.

Третий этап — стабилизация рынка, четвертый — 400–500 день — начало экономического подъема. И здесь еще один интересный момент: отмена прописки. Нынешний институт прописки очень похож на узаконенное рабство. Человек без прописки похож на изгоя, он не имеет никаких прав. Сейчас рынок рабочей силы фактически невозможен. Человек, может, и переехал бы в другой город или село, но при отсутствии дешевого рынка жилья и без прописки он вряд ли сможет устроить свою жизнь. Я очень сожалею, что программа «500 дней» не реализована. Многим жилось бы легче, если бы отменили прописку, если бы наряду с дорогими квартирами появилось и дешевое жилье. Если бы проходила не «прихватизация», а приватизация и вместо того, чтобы конфисковывать личные сбережения граждан, как это было в 1992 году, дали возможность вложить их в производство, приобрести что-то. Программа «500 дней» предусматривала разгосударствление посредством открытых аукционов с подробным освещением всех тайн приватизации в прессе.

Многие до сих пор острят по поводу названия программы. Дескать, почему не 1000 дней, не 300? Дело в том, что 500 — это примерный ориентир, использованный ради того, чтобы люди знали, в какой последовательности будут осуществляться реформы. Сначала — стабилизация экономики, укрепление рубля, приватизация. Постепенно в повседневность входят такие понятия, как «частная собственность», «конкуренция»…

Критики вокруг программы много и сейчас, только объективна ли она? Группа Шаталина — Явлинского еще только работала над программой, а уже раздавались голоса, сомневающиеся в ее успехе: «Если не удастся на предварительном этапе достичь согласованности с разработчиками союзной программы, — подчеркнул Б. Ельцин, — то не исключено, что Верховный Совет РСФСР примет закон по предложенной программе и будет действовать в соответствии с этим решением еще до начала сессии союзного парламента»[40]. Но программа «500 дней» — это программа союзная, поэтому вызывает

удивление такое решение Ельцина.

В 20-х числах августа в «Архангельское» приезжают сначала Н. Рыжков, Л. Абалкин, затем М. Горбачев. В ходе переговоров с Н. Рыжковым и Л. Абалкиным было достигнуто проникновенное взаимонепонимание и коллеги расстались. 3 сентября Верховный Совет РСФСР приступил к рассмотрению программы «500 дней». На одном из обсуждений, проходившем на сессии Верховного Совета РСФСР, выступил с докладом Г. Явлинский:

— План стабилизации денежного обращения, укрепление рубля были необходимы для создания возможно нормальных экономических условий для вхождения в рынок. Мы предусмотрели специальные механизмы, чтобы остановить рост цен, импульсом к которому послужило уже принятое к тому времени решение о повышении закупочных цен на зерно. Это решение, собственно, явилось первым звеном инфляционной спирали, не достигнув при этом своей прямой цели, что очень убедительно показывают результаты уборочной кампании. Реальным результатом повышения закупочных цен на зерно стал рост цен на комбикорма. Подорожала себестоимость мяса. Одновременно было объявлено, что через несколько месяцев так же централизованно будут повышены закупочные цены на мясо и всю сельскохозяйственную продукцию. Начались перебои с поставками: производители ждали новых цен. В этот момент в России под нажимом Министерства сельского хозяйства и продовольствия РСФСР без согласования с членами правительства было проведено опрометчивое повышение закупочных цен на мясо примерно в полтора раза. После этого попытки сдержать цены стали практически безнадежны. Их рост сказывается уже на розничных ценах на многих территориях, в частности, подорожала стоимость питания в рабочих столовых. Можно сказать, что началась централизованная реформа закупочных цен. Следом уже на всесоюзном уровне до выбора программы перехода к рынку было принято решение по широкому применению договорных оптовых цен между поставщиками и потребителями продукции на базе новых прейскурантов, разработанных Госкомцен СССР. При этом ограничивается допустимый уровень рентабельности. Можно предполагать, что цены на продукцию возрастут, во-первых, на величину оптовых цен и, во-вторых, зафиксируются на уровне предела рентабельности. Они не будут гибкими, подвижными, они будут просто очень высокими. Дальше инфляционные процессы пойдут по нарастающей. План стабилизации, заложенный в программе «500 дней» и призванный гарантировать определенный уровень жизни, стабильные цены и минимальный — примерно 150 наименований — перечень товаров и услуг, которыми мы пользуемся в повседневной

жизни, становится неосуществим. Теперь удержать эти цены нельзя. Хочу подчеркнуть, что ожидающие нас трудные времена будут прямым следствием решений, принятых в соответствии с проектом программы союзного правительства.

В сентябре Григорий Алексеевич представил программу «500 дней» на суд экспертов международного класса. Для этого Д. Сорос приглашает авторитетов с мировыми именами, экспертов в области рыночных отношений. Обсуждение проходило в США, куда с благословения М. Горбачева отправляется Г. Явлинский. В целом программа получила положительную оценку, хотя не обошлось и без критики. Д. Сорос сказал, что эту программу легче выполнить, чем начать; потому что начало ее выполнения неизбежно вело к «отставке» команды Рыжкова.

Ездил в США с программой «500 дней» и С. Шаталин. В основе программы были труд и идеи Г. Явлинского, Задорнова и Михайлова. Впоследствии С. Шаталин не раз указывал на это. Главным разработчиком, вдохновителем и генератором идей был Явлинский. Шаталин взял на себя роль организатора и пропагандиста, оберегал скирды от возгорания, вынимал палки из колес, а также вносил рассудительность и упорядоченность, создавая особую атмосферу деловых взаимоотношений. Он так описывает свои впечатления от тех августовских дней: «Помню, когда я впервые увидел представителей республик, они напоминали мне голодных тигров, было много предубеждений, но лед все равно надо было растапливать. И я сказал всем так: «Мужики, ввожу правило, решая любую проблему, делать это без злобы и с улыбкой. Штраф в свободно конвертируемой валюте». Так родилась идея Экономического Союза, идея построить Союз снизу вверх. Я до сих пор считаю, что это был единственный этюдный шанс сохранить действительно обновленный Союз»[41].

Григорий Алексеевич, как уже говорилось, видел в этом Союзе — Союз суверенных государств, взаимоотношения между которыми строятся не на соподчинении, не на приказах и командах, а на уважении прав каждого. Это сотрудничество равноправных субъектов на взаимовыгодных условиях. В этом Союзе все вопросы решаются за столом переговоров, учитывается мнение каждого участника. Эго должен был быть Союз равных, имеющий свой координационный орган по принципу ЕЭС. Единый рынок труда и капитала, отсутствие таможенных и других ограничений… Эти идеи были созвучны настроениям представителей союзных республик.

Судя по уже приводимым ранее высказываниям, упрекающим «500 дней» в антисоюзности, следует все же привести очень

доступное, доходчивое сравнение, которое рассказал работающий в президентской группе министр экономики Латвии Я. Аболтинь: «Нам все время указывают на интеграцию в Западной Европе, забывая, что там объединяются свободные хозяева. У нас в одном районе решили разделить убыточный колхозный сад. Сначала думали, что не найдется желающих его взять, но когда стали с аукциона продавать право на аренду, стартовая цена на участки выросла в 4–5 раз. И после этого понадобилось всего пять минут, чтобы новые хозяева объединились в кооператив для совместного решения тех вопросов, которые не под силу каждому в отдельности. Но только после того, как люди стали хозяевами»[42]. И программа «500 дней» была рассчитана на то, что республики будут суверенными государствами, то есть хозяевами.

Союз Н. Рыжкова — это принцип соподчинения, на протяжении 70 лет скреплявший все республики. Это все те же приказы и команды, переговоры и равноправие воспринималось как кощунство. «Если все будет разорвано на 15 республиканских рынков, — говорил Н. Рыжков, — да еще есть 16 автономных республик, тогда программа, которую мы делаем, не годна. Но в эту платформу мы закладываем именно этот принцип — союзное государство»[43]. Однако на этой платформе не всем было уютно. Как раз в то время, когда обе команды дружно шли в разные стороны, отчаянно отстаивая свою точку зрения, в Москву приехали представители автономных республик. Буквально ошарашенные проектом новых цен, они пришли к невеселому выводу: как бы ни работал, останешься банкротом.

Такая неуклюжая экономическая политика провоцировала эмоциональное напряжение агрессии по отношению к самому факту существования Союза, которая неизбежно рано или поздно должна была разрушить СССР.

Г. А. Явлинский изначально занял вполне определенную позицию по отношению к Союзу. Его девиз — взаимопонимание и взаимовыгодное сотрудничество. 5 апреля 1998 года в телепередаче «Итоги» уже ушедший в отставку В. Черномырдин сказал про Явлинского, что он «упертый». Да, он действительно уже не один год настаивает на создании Экономического сообщества. Он мечтает возродить Союз на качественно новом уровне — по принципу ЕЭС. И переубедить его здесь никто не может.

Однако в то время, когда Григорий Алексеевич находился в США, где проходила экспертизу его программа, в Москве парламент СССР обсуждал «Основные направления» Н. Рыжкова, не исключавшего возможность отставки, если программа будет

отвергнута. Это вынудило М. Горбачева пойти на компромисс. Н. Рыжкову было предложено поработать над соединением программ. Это же решение принял и Верховный Совет СССР. При этом никого не смутило, что перед этим так же единодушно была одобрена и программа «500 дней».

Под давлением Правительства СССР, возглавляемого Н. Рыжковым, программа «500 дней» была отклонена Верховным Советом СССР в октябре 1990 года. Ключевую роль сыграло изменение позиции Горбачева, переставшего поддерживать проект. Атаки на «500 дней» были связаны не столько с набором мероприятий по стабилизации экономики или с приватизацией, сколько с политическими соображениями. Заявлялось, что подписание экономического договора исключит возможность договора политического, потому что республикам будет уже больше ничего не нужно от Центра, а следовательно, и Президента СССР.

Григорий Алексеевич узнал о том, что наверху принято решение объединить обе программы, когда находился в Америке. Журналист газеты «Известия», бывший тогда с ним, так описывает это:

— 22 или 23 сентября я спросил Явлинского, что он будет делать, если союзный парламент не одобрит программу и Россия не сможет ее выполнить. В то время подобный поворот событий казался невероятным: Президент высказался в ее поддержку, Верховный Совет России одобрил убедительным большинством голосов, сам этот разговор происходил в Вашингтоне во время международной экспертизы «500 дней», которая была достаточно критичной, но в целом позитивной.

— Уйду в отставку, — последовал ответ.

Через день информационные агентства Москвы принесли сообщение из Москвы: все программы, которые обсуждались на тот момент Верховным Советом СССР, одобрены. Парламент также поручил сделать из трех программ одну и представить результат на новое обсуждение…

— Я ощутил себя боксером, — вспоминает Г. Явлинский, — который вышел на ринг, определенным образом подготовившись и рассчитав силы. Выиграл первый раунд, второй, а в середине третьего ему объявили, что это не любительский бокс, а профессиональный и впереди еще не полраунда, а двенадцать. Чтобы продолжать состязание по правилам и на условиях, которые были применены по ходу дела и к которым не был вполне подготовлен, нужно было вновь и очень серьезно пересмотреть ситуацию»[44].

Г. А. Явлинский еще пытался защитить программу. Выступая

с докладами на сессиях, старался убедить и доказать… То же самое пытался делать и С. Шаталин. Но фактически еще до окончания обсуждения, бурно переживаемого парламентом, уже началась реализация «Основных направлений». В частности это касалось повышения цен. «Таким образом, — говорил на очередном парламентском обсуждении Г. Явлинский, — все, что было обещано разработчиками программы «500 дней» в плане поддержания уровня жизни и других важнейших моментов, не может быть выполнено. Поскольку я считаю себя одним из авторов программы, прошу принять мою отставку»[45].

Понимая, что политическое руководство СССР и России не собирается всерьез проводить экономические реформы по какой бы то ни было конкретной программе, что между ними идет схватка, в которой экономика России лишь разменная карта, в октябре 1990 года Г. Явлинский подал в отставку с поста заместителя председателя Совета Министров России.

По поводу отставки Явлинского развернулись целые дебаты в парламенте. Его называли предателем, внедренным кем-то, чтобы втянуть российское правительство в авантюру… Роль защитника пришлось взять на себя И. Силаеву: «Знаю, что он стоял у истока не только этой программы, но и у истока союза Горбачев-Ельцин, вдохновившего и россиян, и весь советский народ»[46].

Отставка была принята не сразу. Его отпустили только 31 декабря 1990 года. Вместе с ним ушли Михайлов, Задорнов и другие, работавшие над программой «500 дней» и пожелавшие и впредь оставаться с Г. А. Явлинским. Они все вместе стали работать в ими же самими созданном Центре экономических и политических исследований (ЭПИЦентре). Они продолжали развивать свои идеи в надежде, что рано или поздно эти идеи будут востребованы обществом. Кроме того, Григорий Алексеевич остался, если так можно выразиться, советником (без зарплаты) Председателя Совета Министров РСФСР. В конце ноября — декабря Григорий Алексеевич и его группа работали над проектом законодательства и пакета документов о приватизации. Но это тоже осталось невостребованным.

С. Шаталин сказал, что «500 дней» — это новая социально-экономическая и политическая система. «В ней не было «старого места» старым КПСС, КГБ, ВПК… Отказ от «500 дней» — это Ватерлоо Горбачева»[47].

Шипение в спину по поводу отставки раздается и сейчас: «Мода на Явлинского покоилась как на политической конъюнктуре, так и на некоторых константах русского национального характера. Когда демократы разочаровались в Горбачеве, провал программы Явлинского, понятно, явился для

них удобным поводом для того, чтобы бросить упреки в адрес Горбачева в боязни радикальных реформ, в политической трусости. Дескать, принял бы он программу «500 дней» и прогресс стране был бы обеспечен. Явлинскому удалось выставить себя в глазах многих людей — и опять же с помощью средств массовой информации — не неудачником, каким он на деле оказался, предлагая обществу утопические программы, а экономистом-новатором, отвергнутым косными властями»[48].

Сложность заключается в том, что по традициям советских времен отвергнутые идеи воспринимались обществом как ложные или утопические. Единственно верными всегда были те, что принимали высшие государственные органы. Преобладал принцип: все что делается — делается правильно. Люди в большинстве своем привыкли видеть в действиях руководства предопределенность свыше и не то, чтобы не критиковали решения генсека, президента, а просто не проводили разницу между идеями и действительностью. Приведу еще одну цитату этого же политолога: «По-моему Явлинский до сих пор так и не уяснил себе, что будь программа «500 дней» выполнена самим Кейнсом и одобрена Франклином Рузвельтом, Горбачев все равно не взялся бы реализовать ее в силу существующего тогда соотношения сил в правящих кругах, да и, боюсь, настроений в обществе тоже»[49].

Не могу с этим согласиться. Общество как раз поддерживало программу «500 дней». Так, например, 16 сентября 1990 года в Москве состоялся многочисленный санкционированный митинг с требованиями отставки союзного правительства и в поддержку программы перехода к рынку «500 дней». А соотношение сил в правящих кругах — да, было весьма неблагоприятно для осуществления программы. Ельцин, идентифицировавшийся с символами демократии, а также программой Явлинского, был в ту пору озабочен утверждением российских органов власти как приоритетных. М. Горбачев был озабочен проблемой удержания власти и конвергенцией двух систем.

Может быть, Григорий Алексеевич действительно был не прав, когда ушел в отставку? Ведь воплотить идеи в жизнь не менее важно, чем создать их. Обратимся еще раз к рассуждениям и доводам Явлинского, которые он привел в диалоге с журналисткой И. Демченко.

— Григорий Алексеевич, после того, как вы подали в отставку с поста зампреда РСФСР, у вас было много лестных предложений. Вы выбрали статус «советника без зарплаты» российского премьера И. Силаева. А с месяц назад дали согласие на участие в Высшем экономическом совете Казахстана. Означает ли это, что

вы разочаровались в политике, проводимой российским руководством?

— Я считаю, что работа с любой республикой в области подготовки экономической реформы — это и есть работа с Россией. Единое рыночное пространство, единство принципов в подходах, единство принимаемых законов — это же все не просто слова, это действительно необходимые предпосылки для реформы… Недавно я уже говорил в телевизионной передаче: защищать интересы республик и их жителей нужно не по географической карте для 5 класса. Не говоря уже о том, что интересы населения Казахстана мне не менее дороги, чем жителей РСФСР и любой другой республики.

Если пригласят — а переговоры на эту тему идут со многими республиками, то я с радостью приму участие в работе в любой республике и в любой другой форме. И так, я уверен, сделает сейчас каждый экономист. Нужно работать, и все.

Тут препятствием могут быть только физические возможности. Но я не один, нас целая команда. И в Казахстане я работаю не просто «как Явлинский», а как руководитель межреспубликанского Центра экономических и политических исследований. Для подготовки реформы нам необходимы контакты с большинством, а лучше бы со всеми республиками.

И еще одно ограничение вызвано моими личными представлениями о морали и нравственности проводимой политики. Если я политику не разделяю или не понимаю, то участвовать в ней не могу. Я бы посоветовал принять программу реформы.

— Но это же не зависит от республик.

— В экономическом смысле не зависит, а в политическом зависит. Просто надо перестать бороться за вагоны, мифические суммы из мифического союзного бюджета или влияние на КГБ и начать требовать проведения собственно экономической реформы. Это как раз в силах республик и всего общества.

— Но если центр так важен, почему вы сами не согласились работать в союзных организациях, когда вам предлагали?

— Меня приглашали работать после того, как была отвергнута программа «500 дней», были приняты «Основные направления», состоялись решения в области повышения всех видов цен и так далее. Я предлагал пойти в одном направлении, с этим не согласились и позвали меня в другую сторону. Мне туда не надо, я полагаю, что там тупик. И компанию, в которой предлагается идти, мы все тоже неплохо знаем.

— Значит, Вы считаете невозможным сотрудничать с правительством?

— Нельзя бесконечно тешить себя иллюзиями, что можно опять кого-то уговаривать на проведение экономической реформы такого масштаба, как нам необходимо. Была какая-то надежда на то, что предложенную программу может воспринять Рыжков… Совсем иное дело Павлов. Это финансист от начала до конца, то есть специалист как раз в той сфере, где у нас едва ли не самый крупный развал. Кроме того, Павлов принял ситуацию уже в том виде, в каком она сейчас есть, и с тех пор, если не считать нескольких небольших импровизаций, ничего не произошло. Он должен сам знать, что ему делать, раз дал согласие стать премьер-министром.

Я считаю, что общество не только имеет право — оно обязано требовать от центральных органов власти отчета о характере проводимой экономики. Иначе без перспективы мы будем без конца попадать в тупик. Разве возникло бы столько проблем с референдумом (имеется в виду референдум по поводу СССР), если бы вопрос о сохранении Союза как обновленной федерации сопровождался практически осуществляемыми мерами стабилизации?

Надо понимать, что мы сейчас оказались не просто в очень тяжелой или кризисной ситуации — мы оказались в уникальном по напряжению катаклизме. Важнейшие этапы, которые человечество прошло за последние 300 лет новой и новейшей истории, сошлись, по ряду причин, у нас сегодня. Это и борьба за гражданское общество, и национально-освободительное движение, и преодоление бюрократизма, и подъем различных течений, и крестьянский вопрос.

Мир тратил на это столетия, а мы проходим почти одномоментно. Поэтому я бы предложил меньше тратить сил на поиски виноватых, а больше — на поиск выхода из кризиса [50].

Вряд ли он имел возможность как-либо воздействовать на ситуацию, если бы и остался на посту зампреда. Я, тем не менее, не считаю его идеи утопическими. Наоборот, полагаю, что и мне лично, и многим другим людям, привыкшим жить на зарплату, было бы легче, если бы была принята его программа. Это доказывают и последующие события, развернувшиеся после заявления Явлинского об отставке. Уже вскоре после этого работа по объединению программ была завершена. От альтернативного «Основным направлениям» содержания программы осталось только название — «500 дней», исчезла и подпись Г. Явлинского. Теперь о программе «500 дней» говорили исключительно как о программе С. Шаталина. Упоминали впоследствии и Джефри Сакса, который вообще никакого отношения к программе не имел. Все это привело к тому, что С. Шаталину пришлось во

всеуслышанье заявить об авторстве Явлинского. В высших эшелонах власти пытались провести реализацию программы «500 дней», в которой уже ничего кроме названия не осталось, по принципу: отряд не заметил потери бойца. Как показало будущее, «Яблочко-песню» Явлинский поет сам.

Зачем нужна была такая акробатика, облачившая «Основные направления» в рыцарские доспехи отвергнутого оппонента? Или все же настроение и ожидание большинства населения были сориентированы на «500 дней»? Так или иначе, но опрос общественного мнения показал, что многие люди морально подготовились к повышению цен. При этом почему-то упускалось из виду, что опрошенные, как и подавляющее большинство населения, предполагали, что это мера временная — год-два и все образуется.

22 октября 1990 года Л. Абалкин, А. Аганбегян, С. Шаталин провели пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов: «Если же представить, что указы Президента будут ратифицироваться всеми республиками, страну ожидает хаос, а экономику — развал. Совет Федерации России высказался за вертикальную схему отношений внутри республики. Но такое же право должно быть обеспечено и центру по вопросам его компетенции — финансы, кредитная политика, процентные ставки, банки»[51].

Несмотря на то, что Григорий Алексеевич подал в отставку и идеи его остались невостребованными, к реализации программы под названием «500 дней», по сообщениям прессы, планировалось приступить с 1 октября 1990 года. Но 1 октября Председатель Совмина РСФСР И. Силаев, выступив в телепередаче «Время», объявил другой срок — 1 ноября.

1 ноября 1990 года было объявлено, что Россия начала реализацию программы стабилизации экономики и перехода к рынку, рассчитанную на 500 дней. Накануне на сессии Верховного Совета РСФСР было заявлено о готовности правительства РСФСР к проведению программы. Явлинский тоже был на том заседании, но не выступал. На вопросы журналистов отвечал, что одной из самых трудных задач для руководства и населения страны, по его мнению, будет борьба с нарастающей инфляцией. «Людям надо будет расставаться, — говорил журналистам Григорий Алексеевич, — с надеждой на социальные гарантии государства»[52].

Пожалуй, его отставка не входила в планы Б. Ельцина или М. Горбачева. Он не захотел играть приготовленную для него роль. Теперь получалось, что не на кого будет свалить вину за неудачу, вызванную якобы реализацией программы «500 дней».

Впоследствии он прокомментирует это так: «Подготовили мы с Михайловым и Задорновым такую штучку (программу «500 дней». — *Прим. авт.).* Дали почитать Фильшину, тот снял копию, отдал Бочарову, Бочаров — Ельцину. Ельцин пригласил меня осуществить эту программу. Потом стало ясно, что ни Ельцину она всерьез не нужна, ни Горбачеву, ни Силаеву. Им нужен только флаг, миф про то, что через 500 дней наступит райская жизнь. И тогда я сказал: не буду вашей туфтой заниматься, идите в баню!»[53]

Дело в том, что прецеденты разработки программ, альтернативных тем, что создавались в «бункере» Н. Рыжкова, были и прежде, но никто и никогда не посылал в баню соответствующих должностных лиц, не заявлял об отставке, не хлопал дверью.

Г. А. Явлинский не мог противостоять решениям, принятым Верховным Советом СССР и РСФСР, а роль свадебного генерала его не устраивала. Заявлением об отставке он бросил вызов. Обскурантизм всех этих перипетий в том, что у вышедших на поединок был разный вид оружия. У Г. Явлинского — боксерские перчатки, у его оппонентов — огнестрельное оружие. На одной стороне стоял экономист с группой таких же, как и он, ученых, на другой — люди, имеющие реальную власть. Их победа была предопределена по политическим соображениям. Он мог только убеждать стоящих у власти не повышать цены… Он не мог этого запретить. И цены повышались, потому что у его оппонентов были в руках рычаги управления. «500 дней» не вдохновила М. Горбачева, он не был готов идти так далеко, в его планы не входило изменение системы. Б. Ельцин оказался более прагматичным и, идентифицировавшись с демократическим движением, требовавшим и ожидавшим кардинальных перемен, получил довольно-таки высокие политические дивиденды.

Что же из этого извлек сам Г. А. Явлинский? О его программе узнали в стране и за рубежом. Была сформирована перспективная альтернатива, которая, судя по откликам как доброжелательным, так и гневным, продолжающимся до сих пор, еще не потеряла своей актуальности. Она была поддержана широкой общественностью. Но настроения общества умело были направлены на поддержку повышения цен и тому подобных мероприятий «Основных направлений».

Результатом того, что о его программе узнали за рубежом, явилось официальное приглашение Госдепартамента США на заседание совета «большой семерки» со статусом участника. Если уж говорить о статусе, то к «большой семерке» более подходили по рангу М. Горбачев или Б. Ельцин. Но приглашение сделали не

им, а Г. А. Явлинскому, признав тем самым его приоритет.

Кстати, в связи с этим вспоминаются результаты социологических опросов. Странно, что потенциальные избиратели, то есть опрошенные, не обращают особого внимания на взгляды Явлинского, но часто повторяют по ассоциации с его именем слова: «ум», «образованность»[54]. Это же заметили и представители «большой семерки». Что же касается не респондентов, а политологов, то здесь все наоборот: «Во-первых, полагаю в этом (в завышенной самооценке. — *Прим. авт.)* виноват еще М. Горбачев. Михаил Сергеевич, давая свое «добро» на поездки Явлинского в США, держал в уме свои цели — например, заигрывание с более радикальной частью реформаторов, демократией»[55]. Однако для этой поездки вовсе не требовалось «добро» М. Горбачева. Представителей «большой семерки» не смущало, что Григорий Алексеевич уже не занимал пост зампреда Совмина России, а также то, что они своим приглашением «обошли» первых лиц СССР и РСФСР. А вот позже, уже после того, как получит поддержку ученых мужей из «большой семерки», Явлинский действительно будет поддержан и М. Горбачевым. Впрочем, опять ненадолго.

Выступление Г. А. Явлинского очень заинтересовало участников заседания. Появляется идея разработки новой совместной программы. Вернувшись в Москву и заручившись поддержкой М. Горбачева и Е. Примакова, Г. Явлинский приступает к разработке программы «Согласие на шанс». Большая часть программы, охватывающая политические и экономические проблемы СССР, выполнена в ЭПИцентре. Далее Г. Явлинский отправляется в соответствии с договоренностью с американскими коллегами в Гарвардский университет. Здесь совместно с американскими специалистами под руководством профессора Г. Аллисона разрабатывается та часть программы, которая касается помощи развитых стран Западной Европы и США, которую предполагалось оказать СССР в период реформ, а также условия, на которых она оказывалась.

Эта программа вызвала аплодисменты многих людей и у нас, и за рубежом (Буш, Коль, Валенса, Миттеран, в нашей стране Примаков, Яковлевы, Шаталин, Шеварднадзе…).

В июле на очередной встрече «большой семерки» эта программа должна была обсуждаться с участием М. Горбачева. Однако поддержка М. Горбачева к тому времени уже иссякла. Но тем не менее, на мой взгляд, было бы неправильно видеть виновником одного лишь М. Горбачева. Все намного сложнее. Это было бы слишком примитивное объяснение. Более точно понять причину неприятия новой программы Явлинского можно, лишь

проанализировав изменения, которые произошли за это время (с весны до лета 1991 года) в СССР.

«Согласие на шанс»

Конец уходящего 1990-го года ничем особым не отличался. Разве что два выстрела из обреза, прозвучавшие на Красной площади во время парада 7 ноября. Убийство не состоялось, а парад плюрализма состоялся: смешались все лозунги. М. Горбачев и Б. Ельцин стояли рядом на трибуне Мавзолея, демонстрируя дружбу и сплоченность, которых между ними совершенно не было, и спокойно взирали на разношерстные лозунги митингующих. М. Горбачев тщательно и бережно вынашивал идею создания Союза Суверенных Государств (ССГ). Б. Ельцин не менее тщательно вынашивал идею переселения в Кремль.

24 ноября публикуется проект Конституции Российской Федерации, подготовленный Конституционной комиссией во главе с Б. Ельциным. Прочитав его, М. Горбачев сказал: «По сути дела, если развить концепцию президентского правления в Российской Федерации, заложенную в проекте российской Конституции, то ни о каком Союзе Суверенных Государств и речи быть не может»[56]. Однако это не мешает ему обдумывать идею создания ССГ.

И через два дня после ознакомления с проектом Конституции россияне и другие граждане СССР знакомятся с проектом Союзного договора. Как говорится, идеи правят миром. Но понять, чьи идеи правили в то время страной — Горбачева или Ельцина или чьи-то еще, весьма трудно. Научная элита страны тоже порождала идеи. Правда, большинство из них заботилось не о том, как бы оказаться в Кремле, а как бы не оказаться вновь в тоталитарном государстве. Н. Петраков предостерегал, что демократия без рынка обречена. Г. А. Явлинский говорил о необходимости создания рыночных условий, о необходимости создания демократического общества, без которых невозможна демократия. А вскоре о демократии заговорили, закричали громко и сильно огромные массы людей.

Начало 1991 года ознаменовано кровавыми литовскими событиями. 13 января 1991 года при штурме Дома печати в ночной бойне у телерадиокомитета в Вильнюсе было применено оружие, танки. Были погибшие и раненые. М. Горбачев, позволив использовать литовскую ситуацию начала контрреформ по сценарию 1968 года, окончательно потерял авторитет.

«Пострадала» и вынашиваемая им идея создания ССГ. Теперь ряды ее противников увеличились. В. Вильчек в журнале «Мегаполис-Экспресс» пишет: «Россия, мне кажется, должна заявить о решимости отказаться от подписания Союзного

договора, укрепляя прямые связи с другими республиками, заключая двусторонние соглашения, гарантирующие права россиян… Это единственная, на мой взгляд, возможность не только деблокировать перестройку, но и спасти от гражданской войны страну и планету — от катастрофы»[57]. На фоне литовских событий Договор о Союзе Суверенных Государств, опубликованный 9 марта, воспринимался многими людьми крайне отрицательно. В то же время идея Ельцина о том, что нужно использовать каждую возможность, чтобы укреплять контакты и заключать двух-, трех-, многосторонние соглашения, находит поддержку. Личность Ельцина вызывает самые горячие симпатии. Он сразу же после начала литовских событий — 14 января обратился к русским офицерам и солдатам в Прибалтике.

13 января на Манежной площади в Москве прошел митинг с лозунгом «Не допустим оккупации Литвы!». Такой же митинг прошел и 20 января. Но наиболее крупный митинг прошел в Москве 10 марта 1991 года. Собралось не менее 500 тысяч человек. По некоторым оценкам, это был самый грандиозный митинг за последние пять лет. Выступали в поддержку Б. Ельцина, бастующих шахтеров, суверенитета России.

Прежде чем приступить к анализу этих лозунгов, целесообразно объяснить, почему и каким образом бастующие шахтеры и Б. Ельцин оказались рядом. О том, что Б. Ельцин поддерживал бастующих шахтеров, не раз бывал у них, даже спускался в шахту, видел, каким тяжелым трудом они зарабатывают хлеб, знали многие. Поддерживал он и работников других отраслей. Например, после того как предложение по забастовке было принято на пленуме движения «Демократическая Россия» и поддержано депутатским корпусом РСФСР, об этом доложили Ельцину. Он сказал: «Я поддерживаю цели и задачи забастовки»[58]. Похоже, что тогда в его лице уж если не находили поддержку, то очень надеялись ее найти все обиженные. Его имя стало символом демократии, оно только что не обожествлялось. Странная и непонятная русская душа! Иной раз думаешь, что она умеет только боготворить и ненавидеть. Причем одно без другого не существует. Не нами было сказано: не сотвори себе кумира, — жаль, что об этом часто забывают.

Пожалуй, уже в этих лозунгах проклевывалось зернышко, из которого выросли многие наши беды, связанные с реформами. Не было ни экономических, ни политических требований. Митингующие полностью переключились на личности, на отторжение одного лидера и обожествление другого. Гиперперсонализация и сейчас свойственна многим бывшим советским людям, выбирающим лидера. Наверное, не скоро

освободится наше общество от инфантилизма мышления. Митингующие не просили о тех или иных социальных преобразованиях, о снижении цен в конце концов. Их коллективная мысль и не пыталась даже обращаться к социальным и иным преобразованиям. Они требовали одного, они жаждали видеть у власти Б. Ельцина. Одновременно звучало рефреном: «Долой союзное правительство!», что вполне можно расценить как «долой Горбачева», хотя этих слов не произносили, но думали так многие. Речь шла не о преобразованиях как таковых, а о замене правящей клики. Смена руководства страны рассматривалась и воспринималась как самоцель. Все преобразования (утверждение демократии, переход на новые рыночные отношения, введение частной собственности…) отождествлялись с именем Ельцина, с изменением на вершине властных структур.

Энергия людей переключалась с дальнейшего развития революционных преобразований в экономике, политике на смену власти; с революционных изменений на политический переворот, который, как правило, не влечет коренных изменений существующего режима. Возобладали бюрократические стандарты действия и мысли. Коллективное мышление людей, митингующих в Москве 10 марта 1991 года, не смогло вырваться из привычных стереотипов, сложившихся в советское время. Уже тогда обозначились тенденции социальной и политической мимикрии. Причем мимикрия проникла не только к правителям, но и к простым смертным, собравшимся на митинг. Их инициатива оказалась безжизненной и нетворческой, но зато невероятно страстной, эмоциональное напряжение было очень высоким. Жаль, что мыслительное напряжение отсутствовало.

Многие последующие события, наверное, можно считать логическим продолжением начатых тогда «революционных» преобразований. С тех пор люди в нашей стране стали чаще болеть и быстрее умирать. В документах ООН записано, что в России демографическая катастрофа. Разрушение системы бесплатного медицинского обслуживания, всеобщего бесплатного образования, хронические задержки выплат зарплат и пенсий и т. п. вызывают у меня ассоциации с коллективным самоубийством. Виной тому не может быть один человек, воплотивший в себе все мировое зло, не может быть группа людей. Наши беды будут продолжаться до тех пор, пока не произойдут изменения в массовом сознании. В этой ситуации бессмысленно искать виноватых. Мы будем иметь лишь то будущее, которое сможем воспринять, осмыслить, представить себе.

Настроение, подобное тому, какое было у митингующих, сопровождало и идею создания Союза. Того самого Союза, о котором мечтал Г. А. Явлинский, работая над программой «Согласие на шанс». Было много бурных эмоций, в основном негативных, мало мысли. Но тем не менее шансы на жизнь у нового союзного образования — Экономического сообщества — еще были.

М. Горбачев вынашивал идею создания нового политического Союза. В марте 1991 года с помощью всенародного референдума решился вопрос: быть Союзу единым государством или нет? В референдуме участвовало 80 процентов от списочного состава. За сохранение Союза высказалось 112 млн человек (76 % от количества голосовавших). В такой ситуации начиналась ново-огаревская встреча. Обратимся за комментарием к одному из ее участников — Президенту Кыргызстана Аскару Акаеву, отвечавшему на вопросы корреспондента «Комсомольской правды»:

«Корр.: Как возникла идея подписания совместного заявления?

А. Акаев: Это произошло на встрече руководителей союзных республик. Сначала речь шла о Союзном договоре, где удалось примирить позиции Горбачева и Ельцина. Затем возникла идея подписать совместное заявление. Там же был составлен и текст, под которым подписались девять человек, представляющих союзные республики, и Президент СССР.

Корр.: А почему заявление от Украины и Белоруссии подписали вторые лица?

А. Акаев: В этом нет никакого политического умысла: Председатель Верховного Совета Украины Кравчук был в то время в Германии, а лидер Белоруссии заболел. Путь вступления в Союз открыт для оставшихся шести республик… будущий Союз будет не чем иным, как Союзом Суверенных Государств»*.

Не правда ли странно, что будущих создателей СНГ, кроме Б. Ельцина, не было тогда? Хотя, впрочем, это действительно могло быть чистой случайностью. Встречи руководителей «девятки» состоялись еще несколько раз. Обсуждалась идея создания ССГ, а также текущие вопросы, например, такие как согласование целей визита М. Горбачева в Лондон. 23 июля 1991 года был окончательно согласован текст Договора о Союзе Суверенных Государств. 16 августа он был опубликован. Подписать договор предполагалось 20 августа 1991 года.

Заявление «9 + 1» стало настоящим событием в жизни Явлинского. Его новая программа «Согласие на шанс» и это заявление звучали в унисон. В основе всех его программ (и «500

дней», и «Согласие на шанс», и последующих) было равноправное участие в управлении хозяйством всех субъектов Союза. Вертикальное соподчинение, характерное для административно-командной системы, он воспринимал как нечто уродливое, отжившее свой срок. Еще в 1982 году, исследуя механизм управления плановой экономики, Г. Явлинский выступал против и вертикального соподчинения с командным стилем управления, и против планового ведения хозяйства.

Основой плановой экономики был страх. Сталинские репрессии были не искажением социализма, а необходимым условием его существования. В более спокойные хрущевско-брежневские времена страх стал отступать и началась коррозия системы, породившая мафиозно-криминальные структуры, черный рынок… Но это не единственное порождение плановой экономики и командно-административной системы. Наиболее уродливое ее порождение, выросшее в масштабах всего СССР, так называемое планово-убыточное производство. Промышленные предприятия, колхозы, совхозы десятилетиями производили продукцию, которая приносила не прибыль, а убыток. Практически, где-то с 70-х годов, страна жила за счет первичного сектора промышленности, за счет экспорта нефти, газа… А когда в 1985 году цена на энергоносители упала, страна стала жить в долг.

За 70 лет советской власти из-за хищнического развития сырьевых отраслей сильно ухудшилась экология. Но не было бурного протеста, не было никакого протеста. Общественное сознание, словно погруженное в спячку, шептало: «Жираф большой, ему видней». «Жираф» планировал строительство БАМа, который, как потом выяснилось, незачем было строить, спокойно наблюдал за авариями, происходившими якобы по объективным причинам, пока не «ударил» Чернобыль. Не было ни громких слов протеста, ни активных попыток противостоять беззаконию и тем более не было стремления контролировать действия правителей.

Григорий Алексеевич настаивал на том, что любая власть должна быть подотчетна. Для этого необходимо создание таких демократических институтов, которые бы обеспечили участие в управлении страной как можно большего количества людей, политических сил, общественных объединений. Необходимо поддерживать инициативу снизу; вести постоянный переговорный процесс по всем жизненно-важным проблемам. Один из пунктов его программы «Согласие на шанс» говорил об этом так: «В сегодняшних условиях речь должна идти не о единственном раунде переговоров, не о разовом мероприятии, а именно о политике «общественного согласия», о длительном переговорном

процессе, имеющем целью укрепление институтов представительной демократии в стране и недопущение насильственных форм политической борьбы»[59].

К сожалению, насильственные формы политической борьбы произошли очень скоро, не допустив подписания Союзного договора. Но это случилось в августе, а сейчас еще июнь. Г. Явлинский пишет программу, опираясь на соглашение «9 + 1», пытаясь сделать как можно менее болезненным переходный период для большинства населения.

— Ряд важнейших мероприятий будет осуществляться в этот период в социальной сфере. Первое. Вводится система продовольственных талонов для приобретения узкого круга продовольственных товаров: хлеба, молока, растительного и сливочного масла, сахара… Второе. Свободное определение размеров зарплаты на основе коллективных договоров. Третье. Предприятия наделяются большой свободой в регулировании численности занятых[60].

Поскольку приходилось читать в прессе много критики в адрес талонов, еще раз подчеркну, что в этой ситуации введение талонов вовсе не означало, что масло и хлеб можно купить, только предъявив талон. Это не означало дефицита продуктов питания, но означало оказание адресной помощи социально незащищенным слоям населения продуктами, а не деньгами. Эти продукты должны были продаваться определенным категориям граждан по стабильно низким ценам.

Этот вопрос наиболее критиковали, оспаривали оппоненты Явлинского, причем логика рассуждений у них часто заменялась повышенной негативной эмоциональностью: «О ценах и социальной политике новоогаревского Союза говорилось в «Шансе» во многих местах. Чтобы у читателей была полная ясность в «американо-явлинской» трактовке этого вопроса, приведем соответствующие цитаты: «…устраняется контроль за ценами, за исключением цен на жизненно важные товары»[61].

Мне трудно понять, что же преступного нашел в этом автор — некто А. Чичкин. На мой взгляд, сохранение цен на жизненно важные товары на низком уровне действительно помогло бы многим людям пережить эти годы не столь болезненно. Если бы гиперинфляция не захватила цены на хлеб, молоко и другие продукты питания, то было бы меньше страданий, боли и даже смертей. Я вижу зло в гиперинфляции, а не в желании Явлинского сохранить низкие цены на важнейшие продукты питания, даже если бы при этом пришлось бы ввести талоны.

Более разумный оппонент упрекал Явлинского в другом: «Уйдя с головой в работу над программой «Согласие на шанс», он

как бы не замечал, что дезинтеграционные процессы зашли настолько далеко, что никакие программы уже не могут остановить СССР от распада»[62]. Да, Союз агонизировал и вскоре распался на многие государства. Но агония сама по себе еще не предопределяла летальный исход. Это не значит, что развал СССР был предопределен свыше и за его сохранение не надо было бороться. Развитию центробежных тенденций во многом способствовало противостояние Горбачев — Ельцин. Для того, чтобы разглядеть в этом противостоянии историческую закономерность, надо обладать большим воображением. Как бы напряженно я ни всматривалась в дезинтеграционные процессы, повлекшие распад СССР, вижу там вполне сознательную политическую волю конкретных людей, а не историческую закономерность. Никто не вынуждал лидеров трех республик ставить свои подписи 8 декабря 1991 года — такова была их воля.

А воля и устремления Г. А. Явлинского, если исходить из его высказываний, и сейчас направлены на возрождение Союза. И сейчас он настаивает на укреплении и развитии как минимум экономических связей между бывшими республиками СССР, напоминая о том, что из беды легче выходить всем миром, чем в одиночку.

В июле на заседании «большой семерки» напрасно ждали обсуждения новой программы Г. Явлинского «Согласие на шанс». Мог ли Григорий Алексеевич, как говорится, пробить ее? Может быть, ему надо было проявить силу? Конечно, не в том смысле, чтобы силой везти М. Горбачева на заседание и заставить со всеми согласиться и все подписать. А в смысле силы воли. Вполне возможно, что в случае принятия его программы большинству населения, в том числе социально незащищенным слоям было бы легче жить эти годы, да и вообще многое могло бы быть иначе. Имел ли он моральное, гражданское право уходить в сторону, получив очередное «вето» на свою программу?

Странно порой переплетаются ассоциации, совершенно неожиданно перескакивая с одного на другое. Размышляя о Г. Явлинском, я вдруг вспомнила В. Белинского. Он писал, что человек сам не способен понять в чем его счастье, что его надо к счастью вести кулаками. Он писал также, что завидует своим соотечественникам, которые будут жить в России через сто лет, потому что уж они-то точно будут счастливы. В. Белинский писал это в 1841 году. Ровно через сто лет, С.-Петербург, в котором он жил, оказался в блокаде. «Счастливые» соотечественники В. Белинского защищались от фашизма, тоже претендовавшего на истинное знание о том, что есть счастье.

Имеет ли право Явлинский или какой-либо другой политик

прибегать к силовым методам, утверждая в жизнь свои идеи?

Не приняты программа «500 дней», программа «Согласие на шанс», да и сам он, хоть и добровольно, но все же ушел из высших эшелонов власти. Впоследствии поражения множились: неудача на выборах 1996 года. Небезынтересно в связи с этим вспомнить результаты опросов общественного мнения. Странный народ эти социологи. Рассматривают человека так, как будто хотят его съесть: на вкус, на цвет, на запах. Впрочем, я тоже иной раз подхожу к людям с такой же меркой: кислых и сладких избегаю. А Г. Явлинский производит нормальное впечатление, в отличие от Чубайса или Жириновского. А что касается силы — слабости, крупности-мелкости и прочего, выявленного на подсознательном уровне, то слабый не удержался бы в политике так долго. Его ум, профессионализм, компетентность в вопросах экономики вызывают уважение у многих людей. Интересен и еще один нюанс, выявленный социологами. Явлинский устойчиво сохраняет, по мнению опрошенных, образ самого светлого политика[63], а также имидж положительного литературного героя.

Я не попала в число опрошенных, но все же рискну высказать свое мнение об этом человеке. Когда говорим о Г. А. Явлинском, то пожалуй, речь надо вести об отсутствии агрессивности, о слабо выраженной воле к власти. Воля к власти и воля к культуре исключают друг друга, они не могут сосуществовать рядом. На мой взгляд, в характере Григория Алексеевича превалирует воля к культуре. История человечества знала правителей, у которых была воля к культуре, но это скорее было исключение, чем правило. Для него типично высказывание: «В конце концов, я ведь не себя предлагаю, а определенный комплекс идей». Похоже, что он полагает, будто люди станут о нем судить по его делам. К сожалению, в нашем обществе превалируют другие критерии.

О человеке подчас составляют мнение, опираясь не на мысль, а на свои ощущения. В результате образ политика часто воспринимается очень примитивно. Если сумел взять власть — значит сильный. Не сумел — слабый. Если бы судили по делам, к примеру, нынешнего президента, то… И уж тем более вряд ли в большинстве своем люди станут изучать его программы, разыскивая его брошюры и книги в библиотеках.

Кто из психологов сможет объяснить неистовую любовь к Сталину, угробившему столько людей! Каким образом становится возможным приход к власти Гитлера, Муссолини? Нет, никто не торопится изучать ни «комплекс идей» Явлинского, ни программы. Однако прочитав в «Молодой гвардии» статью о программе «Согласие на шанс» под заголовком «Шанс Явлинского

— шанс на гибель Родины», перенасыщенную негативными эмоциями, кто-то скажет: «Теперь я все про Явлинского знаю и про его программу тоже». Передергивание фактов, обильно политое ядом озлобленности автора статьи Чичкина, его субъективное мнение станет мнением легковерного читателя.

Объем программы «Согласие на шанс» превышает сто страниц. Рефераты были опубликованы в «Известиях», затем программа была издана отдельной брошюрой. А доступ к средствам массовой информации для Г. А. Явлинского порой бывает ограничен. Например, известно, что в некоторых регионах в канун президентских выборов 1996 года непонятно чье негласное распоряжение не упоминать имя Явлинского, кроме как в официальных сообщениях, не позволило ему воспользоваться так называемой скрытой рекламой.

Три месяца в девяносто первом

В шесть часов утра 19 августа 1991 года по радио было передано первое обращение Государственного комитета по чрезвычайному положению: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым М. С. своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127 (7) Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года вице-президент СССР Г. И. Янаев». Через два-три часа по Калужскому шоссе по направлению к Москве на большой скорости ехали два правительственных ЗИЛа в плотном окружении машин сопровождения с вооруженными людьми. Эскорт мчался на всю ширину магистрали. Ельцин, Силаев, Хасбулатов, Собчак успели вовремя. После 10 утра они бы уже не смогли проехать. Танки заполонили улицы Москвы. Были заняты буквально все узловые точки на магистралях, ведущих к центру Москвы. Несколько десятков танков уже успели пробиться к Белому дому, возле которого собралось несколько тысяч человек. Очевидцы рассказывали, что было много молодых женщин с колясками, с маленькими детьми. Действительно странно, что заставило их прийти на митинг? Наверное, они полагали, что в танках сидят такие же, как все — свои ребята, они не причинят зла. Царила атмосфера приподнятости, всеобщего возбуждения. Борис Николаевич, стоя на танке, призывал людей защитить демократию. Рядом с ним на танке стояли генералы Коржаков, Кобец, а также его охрана. Потом с балкона выступал А. Руцкой, М. Ростропович…

В этот же день Б. Ельцин (два месяца назад — 12 июня — избранный Президентом РСФСР) подписывает Указ № 59, в котором квалифицирует ГКЧП как государственный переворот, а его членов — как государственных преступников и отменяет действие всех его распоряжений на территории России. Однако это не мешает проведению в 17 часов пресс-конференции Янаева и других членов ГКЧП. Пресс-конференция транслируется по телевидению и телеоператор тщательно и долго держит в кадре дрожащие руки Янаева. Сейчас, спустя несколько лет, уже мало кто помнит, о чем говорили Янаев и иже с ним, но, наверное, многие помнят те дрожащие руки.

Всю ночь защитники Белого дома провели на баррикадах. Во избежание провокации было строго-настрого запрещено иметь при себе какой угодно вид оружия. Нельзя было взять в руки даже палку. Жгли костры, грелись возле них. Было холодно, туманно,

моросил дождь.

На следующий день — 20 августа в 12 часов у Белого дома начался митинг в поддержку демократии. Собралось не менее 200 человек. Но уже не было вчерашнего возбуждения, на лицах людей все чаще появлялась тревога. После митинга начали строить баррикады. Близживущие приносили еду тем, кто, построив баррикады, оставался на ночь. Танки подтягивались к центру. Вечером в информационной программе «Время» объявили о введении с 23 часов комендантского часа. Одновременно был заготовлен, но так и остался неподписанным указ, разрешающий расстреливать «подозрительных» и нарушающих порядок на месте.

В ночь с 20 на 21 августа в туннеле под проспектом Калинина разыгралась трагедия. Погибли Дмитрий Комарь, Владимир Усов, Илья Кричевский. По официальным данным, колонна БМП под командованием капитана Суровкина шла на мирное патрулирование к Смоленской площади. В ствол пушки БМП 536 был загнан снаряд. В кого хотели стрелять во время мирного патрулирования? Ведь защитники Белого дома не имели при себе никакого оружия. Почему капитан I ранга М. А. Головко пытался остановить колонну, входящую в туннель, рискуя своей жизнью? По официальным данным, он столкнулся (?) с БМП. Михаил Арсеньевич Головко стоял перед въездом в туннель, надеясь остановить колонну. Он был в форме морского офицера и стоял так, что его нельзя было объехать. Нет, не остановились — проехали по нему. Он остался жив только благодаря своей военной выучке, сумел сгруппироваться под брюхом БМП. Но больничной койки избежать все же не смог.

Первая машина прошла, сбив человека, за ней в туннель вошли остальные. Первые БМП были сразу же блокированы находившимися там людьми, защищавшими подступы к Белому дому. Они не имели оружия, но у них был брезент, который они старались натянуть на машину, чтобы она не могла двигаться дальше. Дмитрий Комарь забрался в открытый задний люк вынужденной остановиться БМП 536. По официальным данным, Комарь полез в правый отсек БМП, там никого не было. Когда полез назад — упал и погиб. По свидетельствам очевидцев, как только Комарь забрался в люк, раздался выстрел — его отбросило и развернуло на 180 градусов. Он долго висел на машине вниз головой, зацепившись ногами за подножку. По рукавам и воротнику свитера стекала кровь. Несколько раз люди пытались вытащить Комаря. Веретильный хотел снять тело Комаря, но когда приблизился к нему, сам был ранен в правое плечо. При такой же попытке был убит Владимир Усов, впоследствии

раздавленный гусеницами. Не позволяя снять тело убитого Комаря, БМП сделал резкий рывок назад — голова висевшего Комаря разбилась об асфальт.

Трое были убиты, несколько человек ранены. Г. Веретильный — сквозное пулевое ранение плеча, С. Чурин — иссечен осколками, А. Хрюнов — рикошетное огнестрельное ранение горла, Г. Эстров — множественные осколочные ранения живота. Д. Рыбарис (гражданин ЧСФР) — осколочное ранение лица[64]. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы люди, охранявшие подступы к Белому дому, не подожгли БМП 536.

После этого экипаж перешел в другие машины, колонна отступила[65].

Следствие прошло удивительно быстро. Получилось, что никто ни в чем не виноват: военные выполняли приказ, погибшие погибли по собственной неловкости. Их наградили посмертно, похоронили с почестями.

В октябре 1993-го снова прольется кровь и снова никто за нее не ответит. В Чечне кровь прольется уже большой рекой и вновь никто ни в чем не виноват. Ненаказанное зло будет расти до тех пор, пока его не остановят. Уже в августе 1991-го кому-то и зачем-то надо было спустить все это на тормозах. Их объявили героями, защитниками демократии, а как же быть с теми, кто их убил? А дальше — больше. Погибших в октябре 1993-го уже не объявляли героями и не устраивали похорон — родственники долго разыскивали их по московским моргам. А те, кто их убивал, остались жить.

В 1993 году один лишь Г. А. Явлинский требовал проведения следствия и наказания виновных. Больше никто. А в 1991 году на следствие не были приглашены даже те, кто был рядом, кто пытался снять с БМП тело Комаря. Почему? Накануне был заготовлен приказ о наступлении на Белый дом… Штурм Белого дома был назначен на 3 часа ночи 21 августа. Но около часа ночи руководители подразделений КГБ, а также замминистра внутренних дел Борис Громов отказались от участия в штурме. В последний момент приказ о наступлении был отменен. Очевидно, когда колонна БМП заходила в туннель, об отмене приказа еще не знали. Не потому ли экипаж БМП 536, шествовавший во главе колонны с мирными целями, был так агрессивен? Не потому ли стала возможной Чеченская вой-на, что люди стали привыкать к безвинным жертвам, отсчет которым начался с 20 на 21 августа 1991 года? Какие страшные привычки входят в нашу жизнь.

В эти дни Г. А. Явлинский находился в Белом доме.

Утром 21 августа Язов принял решение о выводе войск из Москвы. В этот же день заработал телефон в Форосе. Вновь на

политической сцене появился М. Горбачев, правда, уже с подмоченной репутацией. Участники ГКЧП были арестованы.

* * *

День 24 августа был очень напряженным для М. Горбачева. Он сложил с себя полномочия Генерального секретаря КПСС и сказал, что ЦК КПСС должен самораспуститься. Деятельность КПСС приостановлена. В этот же день он подписывает Указ, в соответствии с которым оперативное управление народным хозяйством СССР поручается только что созданному Комитету во главе с премьер-министром И. Силаевым. Названы были и три его заместителя: А. Вольский, Ю. Лужков, Г. Явлинский. Григорий Алексеевич узнал об этом постфактум, но возражать не стал, наоборот, с энтузиазмом принялся на новое дело.

Впервые за все это время у него появились реальные возможности для претворения своих программ и идей в жизнь. Не надо было согласовывать свои проекты ни с М. Горбачевым, ни с Б. Ельциным — просто работать и все. Три месяца рычаги управления были в его руках, если прибегнуть к образному языку, от ГКЧП до Беловежского соглашения. Тем не менее он успел сделать очень много. Я не могу согласиться с мнением, что быстрый распад союзных структур управления не позволил Г. Явлинскому сколько-нибудь проводить экономические реформы. Я не хочу замалчивать ни тех подробностей его биографии, которые кому-то могут показаться неблаговидными, ни тех, которые прибавляют ему чести, но почему-то замалчиваются другими, пишущими о нем. Однако обо всем по порядку. Вернемся к самому началу — к ГКЧП.

У путча, или как его иначе называют «бархатной революции», было несколько причин, не разобравшись в которых трудно будет понять дальнейший ход событий. Раньше уже упоминалось, что подписание Договора о создании Союза Суверенных Государств намечалось на 20 августа. Есть мнение, что именно это послужило чуть ли не главной причиной путча. Уже в соглашении «9 + 1» было заложено не вертикальное, а параллельное соподчинение Центра и республик. Этой идее противились многие из высших эшелонов власти. Тем более вызывали неприятие предлагавшиеся после подписания договора свободные выборы в новые государственные органы, новая Конституция. Не говоря уже о том, что некоторые должностные лица союзного правительства, высшего генералитета Вооруженных Сил, КГБ, МВД не могли найти себе места в этом государственном

новообразовании.

Была у «бархатной революции» и экономическая подоплека. С падением ГКЧП в какой-то степени ушла возможность реконструкции плановой экономики в том объеме, в котором она царствовала в советское время. «Непримиримое уже противоречие между собственником-государством, — писал Г. Явлинский, — и директорами вкупе с новыми предпринимателями и деятелями теневой экономики переросло в настоящий системный кризис и в короткой схватке в августе 1991 года директора вышли окончательными победителями в борьбе против бывшего собственника. С тех пор начался новый этап в эволюции российской экономики»[66]. В этом споре победили директора производственных предприятий, они получили некоторые экономические свободы. На этом этапе в победе директоров было здоровое рациональное начало, обещавшее принести в будущем добрые всходы. К сожалению, очень скоро уже с начала 1992 года свобода превратилась в анархию и беспорядок, загубившие всякие добрые всходы. Идеологической победой стало развитие национального самосознания русского человека. В массовом настроении преобладающим становится желание иметь свои символы: герб, флаг, гимн. Как известно, 12 июня 1990 года был провозглашен государственный суверенитет России и принята соответствующая декларация. Но это было продвижение сознания, скорее, в этническом плане. Теперь акценты были смещены в сторону национальных чувств.

После трех августовских дней вся страна, словно в старой сказке, застыла перед камнем у развилки дорог. Как жить дальше? Нет уже КПСС, нет никаких политических институтов, регулирующих обычно жизнь общества. Воцарился напряженный период безвластия. Можно рассмотреть несколько вариантов будущего России: стать автоматически преемником СССР; заявить о реставрации России до 1917 года, конечно, с учетом требований времени; создать новое государство, отличное от всех предыдущих… Был еще и другой путь — назад к восстановлению чиновничье-бюрократического государства и возрождению административно-командной системы. Какой вариант избран? С близкого расстояния и не разглядишь. Только уж очень неуютно стало жить, зябко и голодно, особенно тем, кто, как и я, на зарплату жили. По мнению Григория Алексеевича, избран вариант «Мафиозной Азиопы». Может быть, он и прав?

В этом состоянии неустойчивости, безвластия, когда М. Горбачев из-за упавшего реноме управлять страной уже не мог, а Б. Ельцин еще не мог, большие надежды многие возлагали на вновь созданный Комитет, иногда называя его «временным

правительством». Уже в первые дни после объявления о создании Комитета Г. Явлинский делится с читателями «Известий» своими планами:

— Состоялась встреча с М. Горбачевым, на которой прозвучала такая версия нового органа — «Комитет по бесперебойной работе народного хозяйства». Хочется надеяться, что оно не будет утверждено, поскольку ориентирует новый орган не на проведение радикальной экономической реформы, а на повторение деятельности старого правительства, причем в худших ее аспектах — отслеживание движения вагонов, хода погрузки-разгрузки, выполнения планов и так далее. Руководители Комитета видят свою задачу не в том, чтобы дублировать местные органы и из Центра «руководить» всем народным хозяйством страны, а в том, чтобы скоординировать усилия республик всех прогрессивных сил общества на вывод страны из кризиса[67].

Г. Явлинскому поручены стратегические проработки, макроэкономические вопросы. Все предыдущие наработки идеи Г. А. Явлинского получали сейчас право на жизнь. Он был готов к этой работе и морально, и профессионально. Уже в начале сентября группа Явлинского представляет на рассмотрение Государственного Совета проект договора об Экономическом сообществе суверенных государств. В предлагаемом проекте договора предполагалось создать Международный экономический комитет для регулирования взаимоотношений между государствами, Банковский союз, Арбитраж… Обязательное условие — единая валюта и согласованная денежно-кредитная политика, укрепление рубля, единый рынок капитала, труда, свобода передвижения. Как уже говорилось ранее, по мнению Григория Алексеевича, надо всячески поощрять свободное передвижение рабочей силы, включая формирование рынка жилья.

Молитвы Г. Явлинского остались неизменны: введение действующего рыночного законодательства, жизнеспособного суда для решения хозяйственных споров, независимая денежная и банковская системы… И, конечно, главное — не разрыв, а укрепление экономических связей между бывшими республиками. И так же, как и год назад, эта идея была чужда и Горбачеву, и Ельцину.

Более того — она мешала им. Ельцин стремился переехать в Кремль, а упрочение позиций какого-то нового государственного образования, во главе которого еще неизвестно кто должен был стать, его не очень-то устраивало. М. Горбачев ратовал за сохранение Союза, но, похоже, ему было трудно понять, что же

такое суверенитет бывших республик и как теперь ими управлять. Г. А. Явлинский, наверное, был еще не готов взять власть в свои руки. В этой ситуации он мне очень напоминает Одиссея, убеждавшего своих товарищей-моряков не убивать священных коров.

Съесть священную корову под именем СССР хотелось очень многим. Наверное, поэтому с первых шагов Комитета над его руководством стали собираться тучи. Сразу же началась какая-то неприятная и непонятная мышиная возня вокруг И. Силаева, совмещавшего два высоких поста: премьера РСФСР и руководителя Комитета.

Ровно через неделю после создания Комитета — 31 августа перед зданием Белого дома собрались около двухсот биржевиков, требуя отставки главы правительства РСФСР И. Силаева. Огоньки вражды и нетерпимости будут разгораться то в Верховном Совете, то в правительстве, то будут перекидываться мозговым исступлением с митингов в прессу… Все три месяца существования Комитета шло планомерное и методичное «выдавливание» Силаева, затем в эту воронку был втянут и Е. Сабуров. Все это отнюдь не способствовало деятельности Комитета и не могло не отразиться на работе Г. Явлинского.

В начале сентября он обсуждает на высшем уровне вопросы о заключении договора об Экономическом сообществе. В Москву приезжают полномочные представители бывших республик — ныне суверенных государств для совместной работы. Нечто похожее происходило год назад, когда полномочные представители государств собрались в «Архангельском», где разрабатывалась программа «500 дней». Но тогда это была теоретическая работа, сейчас речь шла о вполне конкретных решениях, которые должны изменить жизнь всего Союза. Да, пожалуй, в отличие от прошлого года, у Г. Явлинского теперь был доступ к гораздо большей информации, спрятанной от него ранее под грифом «ДСП» и «Секретно».

Без объективной оценки того состояния, в котором находилось народное хозяйство и России, и СССР в целом, невозможно было надеяться на верные решения. Тем более, что уже в 1991 году начался спад производства. Особенно Г. Явлинский настаивал на углубленном анализе экономической ситуации, которая сложилась в нашей стране в связи с закрытой частью бюджета.

Добросовестно и скрупулезно изучив все, что касается экономической ситуации, а также закрытой части бюджета, Явлинский произвел сенсацию, нарушив самоуспокоенное благодушие своих сограждан. Он заявил о чрезвычайно малых

размерах золотого запаса СССР.

В то время, как он шокировал общество сенсациями об истощившемся золотом запасе, его коллеги по Комитету шокировали общество своими внутренними распрями. На заседании Комитета Ю. Лужков ничто-же сумняшеся обвинил не мало не много, а всю Россию в узурпации собственности и прав республик и Союза. Силаев как глава российского правительства оскорбился и подал заявление об отставке. Это произошло всего лишь две недели спустя после образования Комитета. Отставку не приняли. Но бунт против Силаева продолжается, перекинувшись на парламент. Руководствуясь тем, что совмещение Силаевым двух постов не идет на пользу ни России, ни Союзу, Российский парламент признал работу своего правительства неудовлетворительной. И тут же постановил, что решения Комитета на территории России будут вступать в действие только после одобрения их Советом Министров России. Это позволит впоследствии парламенту вести дипломатично-деструктивную деятельность по отношению к Комитету, нападая то на Сабурова, то на Явлинского, то вновь возвращаясь к Силаеву.

Тем не менее 27 сентября 1991 года полномочные представители 12 республик (Прибалтийские республики не участвовали) закончили постатейное обсуждение проекта договора. С украинской стороны были высказаны замечания по поводу статьи, предусматривающей координацию бюджетной и налоговой политики. Возражения были и у других участников обсуждения. Убрали слова «частная собственность». Но переговоры и обсуждения повторялись, в конце концов, вернулись и «частная собственность» и «конкуренция». В короткий срок был подготовлен согласованный, тщательно проработанный пакет документов. И в начале октября в Алма-Ате 12 глав республиканских правительств парафировали проект договора об Экономическом сообществе суверенных государств.

Это была настоящая победа Г. А. Явлинского. От него в течение всех переговоров требовалось принятие очень сложных компромиссных решений. Настойчивость должна была уступить место диалогу и убеждению или поиску обходных путей. Последовательно и энергично он шел к созданию нового государственного образования, к созданию Союза на качественно новом уровне.

В связи с договором любопытна реакция на него и на личность Явлинского так называемых вершителей судеб. Вот что говорил о нем председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. Хасбулатов:

— Я единственный среди политических деятелей в Советском

Союзе, который резко отрицательно относится к этому мальчику. Он вечно сует свой нос туда, куда его не просят… Вообще нам надоела эта фамилия, которая упоминается всякий раз в связи с нашими реформами, к которым он никакого отношения не имеет. Если вы (японцы) его любите, то, может быть, вы возьмете его себе?

Я его охотно уступлю…[68]

Однако это не помешало Хасбулатову в 1992 году использовать имя Явлинского, чтобы придать большую солидность своей программе.

Команда Явлинского действительно «сунула нос» в разрешение краеугольной проблемы 1991 года. Осенью того года ЭПИцентр подготовил договор об Экономическом союзе республик, который предполагал банковский, таможенный и платежный союз, финансовую резервную систему, договоренности о защите взаимных инвестиций, целый ряд социальных проектов, связанных с перераспределением рабочей силы. Проект был направлен на поддержание хозяйственных связей и сохранение общего рынка на территории СССР. Это была вторая попытка остановить развал СССР, ведущий к крайне негативным последствиям и для экономики и для граждан.

Сегодня говорят, что договор «остался лишь на бумаге». Это не правда. Это не так. Договор был подписан десятью республиками СССР за исключением Прибалтийских, Грузии и Азербайджана. Наряду с Белоруссией и Казахстаном наибольшими сторонниками этого союза стали Среднеазиатские республики. (Справка пресс-службы «ЯБЛока».)

Однако, когда я рассуждаю об Экономическом сообществе, я вижу не одну лишь экономику, не одну лишь политику, но еще и человека, усилиями которого был подписан этот договор. На протяжении долгих лет Г. Явлинский настойчиво шел к цели. В этом проявились сила духа и твердость характера. Очень удивляют в связи с этим выводы некоторых политиков 1996 года. Приведу эту большую цитату полностью:

— «Я-концепция» у Григория Алексеевича развитая, сложная, что позволяет говорить о высоком уровне его самосознания и политической рефлексии. Представляется, что при высокой самооценке и стабильных внутренних стандартах у него несколько травмировано его «психологическое я», что в известной мере определяет особенности его политического поведения.

Ведущий мотив поведения этого политика — потребность власти, которая носит в первую очередь компенсаторный и во вторую — инструментальный характер. В качестве ключевых индикаторов, характеризующих стремление лидера «ЯБЛока» к

власти, предоставляется возможным выделить следующие: нежелание разрешать другим разделить с ними действительную или, теперь уже накануне президентских выборов, предполагаемую власть;

— нежелание получать советы относительно своих функций при осуществлении действительной или предполагаемой власти;

— нежелание консультироваться относительно собственного функционирования с теми, кто хотел бы разделить с ним власть;

— стремление изобретать и навязывать организованные системы функционирования другим действующим лицам на политической арене;

— проявление агрессивности к другим лицам, имеющим высокий политический статус.

Достижение труднодоступных целей приносило и приносит Г. Явлинскому психологическое удовлетворение. При этом мотивация достичь успеха выше мотивации избежать провала[69].

Очень сомневаюсь по поводу потребности власти, об этом я уже говорила раньше. В той ситуации, о которой идет речь, ярко выраженную волю к власти проявил Б. Ельцин, сломав в одночасье все договоренности, под которыми стояли его же подписи, и провозгласив о создании СНГ. Вполне возможно, будь у Григория Алексеевича воля к власти, он бы мог прийти к ней. Тогда в 1991 году его имя было очень популярно, в атмосфере неустойчивости и хаоса, он, пожалуй, был единственным, кто предлагал наиболее разумный выход из кризиса. Он и в 1990 году не проявил инициативу, выдающую его «потребность власти», добровольно уйдя в отставку.

12 июня 1991 года прошли выборы. За Ельцина проголосовало 57 %, за Рыжкова — 17, за Жириновского — 8 %. Явлинского среди них не было. Наверное, он, хотя и мог выдвинуть свою кандидатуру, просто не думал об этом. Не знаю, выиграл ли он бы тогда, но и не отрицаю эту возможность.

Остальные замечания о нежелании получать советы, консультироваться, об агрессивности… Наверное, смотря кто советует и смотря что. Если вспомнить международную экспертизу программы «500 дней», то к их консультациям и советам он прислушивался и мнением профессионалов очень дорожил. В случае переговоров, о которых сейчас идет речь, он использовал очень сложную тактику гибкого лавирования, позволяющую найти компромиссные решения.

Порой, читая подобные «глубокомысленные» исследования, я вспоминаю… Евгения Базарова, то есть не его самого, а его слова: «Аркадий, не говори красиво». Сказано-то все красиво, да не про Явлинского. По крайней мере, анализируя его биографию,

приходишь к совершенно противоположным выводам.

В рассматриваемой ситуации агрессивность проявил не Явлинский, а его оппоненты. В Алма-Ате, когда парафировали проект договора, подпись от России поставил заместитель председателя Совета Министров РСФСР Е. Сабуров. Эта подпись и вызвала яростную агрессию парламента. Б. Ельцин в это время отдыхал в Сочи.

Пожалуй, уместно сделать небольшое отступление и объяснить, кто такой Сабуров: «Е. Сабуров активно подключился к подготовке реалистической, как он сам говорил, программы реформы в минувшем апреле, когда поверил в серьезность намерений политиков-демократов. Тогда же Силаев предложил ему занять все еще пустовавшее место Явлинского, но Сабуров отказался. По его мнению, только располагая конкретными механизмами влияния, а не просто высокой должностью, реальной экономической властью, скажем руководителя Министерства экономики, можно надеяться на проведение реформы.

Когда он возглавил Министерство экономики (15 августа) и получил соответствующее удостоверение (20 августа) ситуация коренным образом изменилась — проводить намеченное можно было уже без Павлова и старого Центра, которых прежде следовало учитывать как важный осложняющий фактор. Но главные идеи оставались в силе: это приватизация с доведением доли частного сектора до 30 % за 2–2,5 года плюс макроэкономическая стабилизация.

Сабуров с самого начала выступал за подписание договора об Экономическом сообществе при условии закрепления в нем ряда принципиальных положений. В их числе — сохранение или создание единого межгосударственного банка для рублевой зоны, свободы передвижения товаров, капиталов, услуг в рамках сообщества и согласованная экспортная и таможенная политика»[70].

Одним словом, по своим убеждениям, мировоззрению он был близок Явлинскому. Перед поездкой в Алма-Ату он приехал к Ельцину в Сочи, показал ему документы. По словам Сабурова, «он (Ельцин. — *Прим. авт.)* внимательно изучал отдельные статьи проекта договора, оставляя на них свои пометки. Он неоднократно высказывался за подписание этого документа, хотя никто не рассчитывал тогда, что окончательный текст окажется приемлемым для 12 республик. Наделенный полномочиями президента России — а давать или не давать такие полномочия, именно его прерогатива, так как подписывать договор должны главы государств, — я поехал в Алма-Ату»[71].

Однако эти объяснения Сабурову не помогли, а Б. Ельцин отмалчивался в Сочи, предоставив ему самому выбираться из этой путаницы. На заседании парламента Н. Федоров обвинил Е. Сабурова в том, что он «взял на себя ответственность выражать волю народа РСФСР»[72]. Правительство России, осудив Сабурова за его «дерзость», приняло постановление, в котором было записано, что «оно никого не уполномочивало вести переговоры или консультации с представителями суверенных государств»[73]. Это делало недействительной подпись Сабурова под договорами и перечеркивало деятельность и всего Комитета, и Г. А. Явлинского. Он пытался заступиться за Сабурова, но тщетно.

Григорий Алексеевич на совместном заседании палат упрекал депутатов в том, что они в течение одного года дважды изменили подход к сохранению Союза. Если совсем недавно они вели речь о примате экономических связей, то нынче вновь поднимается вопрос о предварительном заключении политического союза. «Если опять политику ставить впереди экономики, то паралич народного хозяйства нам будет обеспечен уже к весне»[74].

Говоря так, Г. Явлинский сеял смуту в душах и умах государственных мужей. Он пытался внушить им, что они, отрицая подписание договора, действуют отнюдь не в интересах России, старательно объяснял им значимость этого договора для судьбы страны. Дабы прекратить «вредное» действие речи Г. Явлинского на коллективный ум парламента, председательствующий напомнил ему о пятиминутном регламенте. На что Григорий Алексеевич тут же парировал, грустно уходя от микрофона: «Неужели вы надеетесь развязать этот узел за считанные минуты?»[75]

В другой раз у него было больше времени. Он прочитал доклад. Доклад был интересным, вызвал сочувствие и понимание. Приведу его полностью:

— Чаще всего противники заключения договора апеллируют к тому, что республикам легче выходить из кризиса в одиночку. Расчеты показывают, что цена освобождения — цена в буквальном чисто финансовом смысле этого слова — многократно перекроет стоимость приведения законодательства и нормативных актов республик в соответствие с общей договоренностью. Сегодня все без исключения республики охвачены нарастающим спадом производства. Ожидается, что в 1991 году объем национального дохода в целом по стране снизится на 15 %. Важнейшими причинами этого является разрыв хозяйственных связей, нарушение обязательств по поставкам продукции, несогласованность действий республик. Расплачиваться за обособление республик и регионов приходится и дальше придется их

населению, которое и так не очень-то, мягко говоря, богато. Ни одно суверенное государство не имеет сейчас бюджетных средств, чтобы компенсировать эти потери. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на один чисто системный момент: выходить из любого кризиса с чисто экономической точки зрения тем легче, чем шире рынок. 99 % нашей продукции неконкурентоспособна на мировом рынке, а остальное продается там по демпинговым ценам. Для наших же производителей нужен постоянный рынок сбыта продукции, иначе они просто не могут развиваться. И этот рынок может быть пока только внутрисоюзным.

Разрезав связи, которые сложились за 70 лет, большинство республик не найдет достаточно внутренних резервов, чтобы выйти из кризиса. Сегодня экономические взаимосвязи республик интенсивнее связей Европейского экономического сообщества. Например, в 1989 году объем межреспубликанского обмена отечественной продукцией составил 20 % от валового национального продукта СССР, а аналогичное соотношение взаимосвязей стран — членов ЕЭС — 16 %. Поэтому уповать на то, что размежевавшись, мы сразу заживем лучше, наивно и безнадежно.

Второй довод, который присутствует постоянно, — то, что отдельные республики обирают друг друга и грабят ресурсы. Характерно, что абсолютно все считают себя ограбленными. И это на самом деле так и есть. Только грабили друг друга не республики, грабила их та система, которая существовала. Поэтому при самых минимальных различиях все оказались нищими.

В условиях рынка грабежа ресурсов просто не может быть, потому что никто не в силах приказать республике, производителю, живущему в ней, отдать свой товар, не считаясь с экономической целесообразностью. Движение ресурсов при рыночных отношениях регулируется свободными ценами, свободой хозяйственных связей и интересом производителя.

Что касается якобы попрания договором республиканских суверенитетов, то эта мысль порождена ложным представлением о суверенитете как о верховенстве местных решений над общими. Подписывая любой международный договор, мы, тем самым, признаем, что принятые нами обязательства выше, чем внутренние. И после этого проводится работа по приведению внутреннего законодательства в соответствие с достигнутыми договоренностями. Иначе не было бы смысла в международных соглашениях.

Скептики говорят, что договор, даже если его заключат, не будет выполняться, как не выполняются все наши договоренности. Но если говорить, например, о срыве выполнения

межреспубликанских соглашений 1990–1991 гг., то это, по нашему мнению, не проблема кризиса договорного процесса, а проблема качества и содержания самих этих договоров. Когда правительство одной республики заключает с правительством другой соглашение о взаимных поставках леса и кирпича, это означает, что оба правительства должны установить госзаказ, принудительную цену, собрать одно — лес, другое произвести кирпич и передать их друг другу. Но для производителей это тот же атавизм прежней командной системы, поскольку они лишены возможности продать свой лес и кирпич кому хотят, и по той цене, по которой хотят. Это насилие над производителем, и с экономической точки зрения такая система ничем не отличается от той, когда два республиканских госснаба обменивались натуральными потоками.

Если исходить из того, что мы будем выполнять договоры только по принуждению, то вообще нет смысла пытаться договориться. Договор об экономическом сообществе, как любой другой, будет выполняться при том единственном условии, если на его основе будет создана заинтересованность производителей и потребителей в его соблюдении.

Последний аргумент противников договора заключается в том, что сначала нужно достигнуть политического согласия, а лишь потом экономического. Кто возражает? Давайте попробуем, но я думаю, что заключить политический договор нам сейчас будет очень непросто, и произойдет это очень не скоро. С другой стороны, договоренности, достигнутые в сфере экономики, уже содержат в себе элементы политики, поскольку регулируют межгосударственные экономические отношения. Республики, которые торгуют между собой, не будут воевать.

В нашем государстве существует одна особенность, которой нет в других странах. У нас этнические общности переплетены очень тесно, буквально вклинены друг в друга, а это всегда потенциальная угроза. Нейтрализовать ее можно, только направляя энергию людей на созидание, на производство, торговлю, развитие контактов. Любые войны, в том числе и экономические, сколько бы они не длились, всегда заканчиваются заключением договора[76].

Однако у Григория Алексеевича в этом вопросе было слишком много оппонентов. Этот вопрос актуален и сейчас, обсуждался он и в 1993 году: «Союз без России невозможен, а Россия сможет, лишь когда сама будет независима… Значит, сначала объединенная, крепкая единая и неделимая Россия — потом Союз»[77]. Но сейчас можно констатировать очень тревожный факт — появление центробежных тенденций внутри

самой России. Конечно, Чечня — это крайность. Город Калининград уже открыто заявляет о своих планах-мечтах, правда, пока только на бытовом уровне. Город Норильск высказывается за вхождение в Таймырский автономный округ. Федеративный договор сильно страдает неточностями, размытостью формулировок.

Если же вернуться к методу разработки Экономического договора, родившегося в результате длительных соглашений, переговоров и компромиссов, то, невольно сравнивая с Федеративным договором, приходишь к выводу, что этот Экономический договор был более четким, чем Федеративный и все последующие договоры, разработанные в 1992 году и далее.

В то время, когда Григорий Алексеевич читал свой доклад парламенту, политическая ситуация в стране накалялась. Пожалуй, наиболее активными факторами, стимулирующими центробежные тенденции, были литовские события (13 января 1991 года). Страх перед тоталитаризмом был вполне реальным. Противодействовали сохранению Союза и другие силы, в том числе и Москва. Чем внимательнее просматриваешь события 1991 года, тем больше приходишь к выводу не об исторической закономерности, повлекшей за собой распад Союза, а о сознательной политической воле правящих, проводимой в высших эшелонах власти не союзного, а российского правительства, парламента. И это не только мышиная возня вокруг Силаева и Сабурова, кстати, спровоцировавшая отставку последнего. Эта политика началась намного раньше. Наверное, где-то в 1990 году.

В 1990 году прошли альтернативные выборы в местные и республиканские органы власти. А в 1991 году прошли выборы Президента РСФСР и мэров городов. Если до этого главное противостояние локализовалось внутри союзного парламента, то теперь оно прошло между Центром и российским руководством. Более примитивно его можно обозначить как противостояние между Горбачевым и Ельциным. Примерно с 1990 года российский парламент отчаянно сопротивлялся проведению в жизнь решений союзного парламента, правительства, усиливая тем самым настроения сепаратизма в республиках. Так, например, 27 ноября 1990 года на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР вспыхивает яростная полемика по вопросу о включении проекта Союзного договора в повестку дня съезда. Следует напомнить, что проект был опубликован за три дня до съезда. М. Горбачев направил его в Верховный Совет союзных и автономных республик, Советам народных депутатов автономных областей и округов для обсуждения. Может быть, причина

«яростной полемики» в том, что с исчезновением Союза Россия приобретала не только суверенитет, но и приоритет.

На этом фоне голос Г. А. Явлинского, тщательно проработавшего с представителями республик 24 соглашения, был голосом вопиющего в пустыне. И все же он выстоял. В этом поединке он достиг победы. Договор был не только парафирован, но и подписан.

18 октября в Кремле был подписан договор об Экономическом сообществе суверенных государств. Этот договор никто не отменял, но изменения в политической жизни бывших республик, а именно создание СНГ, не дали возможности реализовать планы, намеченные Договором. Григорий Алексеевич и тогда, и сейчас придает большое значение этому договору. Впоследствии в документах «Я БЛока» будет записано: «Наша приоритетная задача — заключение Экономического союза на базе договора, подписанного в октябре 1991 года»[78].

Сразу после подписания договора об Экономическом сообществе Явлинский с группой экономистов и финансистов вылетел в Бангкок на совещание «большой семерки», где обсуждались вопросы оказания помощи Союзу. А вскоре и в Москву прилетит делегация, состоящая из замминистров, финансистов «большой семерки».

Началось обсуждение и подписание меморандума, которым гарантировалась выплата внешнего долга СССР. Обозначились ориентиры радикальной экономической реформы. Но по-прежнему осуществляется противодействие и весьма сильное. Один из наиглавнейших органов нового Экономического сообщества — Международный экономический комитет, который должен был возглавить И. Силаев, умирает по независящим от него обстоятельствам, так и не успев родиться. 1 ноября 1991 года И. Силаев был рекомендован на этот пост, 6 ноября 1991 года Госсовет принимает решение об упразднении 36 общесоюзных министерств и 37 ведомств, из состава которых должен был формироваться Комитет.

Весьма вяло идет поддержка со стороны союзного руководства. Если только можно считать поддержкой обсуждение вопроса о подготовке Союзного договора, сопутствующего уже подписанному экономическому договору.

Реакция на подписание Экономического договора у стран Запада и США, образно говоря, напоминала вздох облегчения. Западная пресса так комментировала визит делегации замминистров «большой семерки»: «Еще несколько недель назад подобная поездка не имела бы смысла: в стране царила полная экономическая и политическая неразбериха. После подписания 18

октября Договора об Экономическом сообществе определились контуры будущего Союза»[79].

Однако контуры эти определялись очень болезненно и медленно. Почему-то для обсуждения этого вопроса вновь выбрали Ново-Огарево. Теперь этот процесс часто называют «Ново-Огарево-2». 14 ноября 1991 года семь руководителей бывших республик, собравшиеся в подмосковном городке, высказались за создание нового политического союза — Союза Суверенных Государств. Его судьба обсуждается на заседании Госсовета 25 ноября. Руководители семи суверенных республик решили не парафировать проект нового Союзного договора, а направить его на рассмотрение своих парламентов.

Вполне возможно, что будь подписан этот договор до 8 декабря, по другому пути пошла бы история и России, и СССР, и, кстати, судьба Явлинского. Комментируя заседание Госсовета, один немецкий журналист (Д. Зегер) говорил: «Думаю, что Союзный договор еще возможен. Альтернативой ему могла бы стать ситуация, которую переживала Европа 300 лет назад: войны, нищета, голод»[80].

В правительстве России в это время происходят перемены. Президент РСФСР, возглавляющий теперь и правительство, назначает двух вице-премьеров: Егора Гайдара и Александра Шохина. С первых же шагов обозначилось противостояние между Явлинским и Гайдаром по поводу того, какими методами и в какой последовательности проводить реформы. Явлинский, находясь в руководстве союзного масштаба, по идее должен был располагать большим влиянием. Но союзное правительство терпело жесточайший кризис, авторитет Горбачева сошел на нет и реальной власти в структурах союзного правительства не было или было очень мало.

Вновь, как и в 1990 году, когда конкурировали и спорили группы Шаталин — Явлинский и Рыжков — Абалкин, разгорелись дискуссии о целесообразности повышения цен. Гайдар настаивал на повышении цен. Явлинский проводил другую политику. В начале декабря в Москве члены Экономического сообщества, в том числе полномочные представители России и Белоруссии решают вопрос о ценах и объемах поставок товаров по взаимным межгосударственным договорам и для общих нужд. В качестве приложения к соглашению принят перечень товаров народного потребления и услуг, на которые согласовываются розничные цены на 1992 год (хлеб, молоко, творог, кефир, растительное масло, детское питание, сахар, соль, спички…). Не успели. С запозданием на день доносится до глав правительств государств, собравшихся в Москве, весть о создании Союза Независимых

Государств. Заседание было прервано ориентировочно до 18 часов. С тех пор прошло шесть лет, похоже, что часы остановились, потому что 18 часов так и не наступило. Что испытывал Явлинский, который дирижировал этим заседанием? Позже он с горечью напишет в «Уроках экономической реформы»: «Они (лидеры России, Беларуси, Украины. — *Прим. авт.)* были настолько преисполнены энтузиазма относительно новой договоренности, которая забрела в их головы, что даже не остановились перед тем, чтобы дезавуировать свои подписи на предыдущем обязательстве»[81].

Сейчас, пожалуй, многие понимают важность начинаний Явлинского по укреплению экономических связей между бывшими республиками СССР. Но тогда Явлинский не пользовался поддержкой ни у парламента, ни у общественности. В массах преобладали националистические настроения. Крайне негативно воспринималось все, что касается Союза, Горбачева, в этот же ряд попало и Экономическое сообщество и, кстати, имя Явлинского тоже. Националистические настроения, мобилизовавшие массы, политика президента России и многое другое позволили разрушить «имперское чудище». Но было ли это победой? Не пришло ли на смену «чудищу» более страшное «чудовище»? При «чудище» по крайней мере люди имели и работу, и зарплату, и хоть и не очень хорошее, но бесплатное медицинское обслуживание и образование. С точки зрения укрепления позиции Б. Ельцина, безусловно, это была победа. Но… Без добровольного союза постсоциалистических государств, скрепленного общностью жизненноважных интересов, все эти государства, в том числе и Россия еще долго будут бороться за выживание.

Собственно говоря, никто кроме М. Горбачева, обозвавшего СНГ мыльным пузырем, всерьез и громко не выступил против СНГ. В своем заявлении Горбачев указал на «скоропалительность» минского документа и на необходимость обсуждения этого вопроса во всех Верховных Советах республик и Верховном Совете СССР с последующим созывом съезда народных депутатов СССР для изменения формулы государства, не исключая плебисцита. Но никто не поддержал его. Он уже не пользовался доверием. 12 декабря Верховный Совет РСФСР принимает постановление «О ратификации соглашения о создании Содружества Независимых Государств».

Еще через несколько дней оказавшийся не удел Явлинский приезжает в Токио. Показательно, что вновь приглашение Японии, как и в апреле этого года официальное приглашение Госдепартамента США на заседание совета «большой семерки»,

было направлено не Горбачеву, не Ельцину, а Явлинскому. Очевидно, японцам нужны были не официальные церемонии, а знание истинного положения дел в России, в бывших республиках. Ему была составлена программа, которая включала переговоры «практически с половиной японского кабинета министров, всем руководством правящей партии, с целой когортой бывших премьеров и с премьером нынешним, с ведущими финансистами и банкирами Японии…»[82].

На международном политическом Олимпе авторитет Явлинского по-прежнему высок. К его мнению прислушиваются, его спрашивают. Перемены, грядущие в России, Явлинский сравнивает с шахматной партией — правила игры известны, каждый знает, как должны ходить фигуры, а успех зависит от последовательности ходов, от задуманной комбинации. Реформы, которые предстоит пережить России, он охарактеризовал как программу «на грани разумного риска». По его прогнозам страну ожидало: снижение валового национального продукта, снижение объема промышленной продукции, снижение объема продовольствия, падение объемов добычи нефти, падение производства в черной металлургии и машиностроении, сокращение объемов торговли… Розничные цены возросли за год в 4 раза, оптовые — в 3,5. Денежная масса в обороте увеличилась вдвое. Внутренний государственный долг доберется в конце года до 1 триллиона рублей. Внешняя задолженность (общая) составляет 83 млрд долларов…

Через неделю Григорий Алексеевич вернется в Москву. Начнутся переговоры с нижегородским губернатором Б. Немцовым, который обратился к нему за помощью.

В среду 25 декабря по телевидению с прощальным словом выступит М. Горбачев. Он уходит с поста президента СССР «по принципиальным соображениям». На следующий день — 26 декабря он еще находился в своем кремлевском кабинете. Еще не просохли чернила под его указом о снятии с себя функций Верховного главнокомандующего (право на применение ядерного оружия он передал президенту России Б. Ельцину), а уже 27 декабря Ельцин вселяется в рабочий кабинет Горбачева в Кремле.

Как говорил Бакунин, на следующий день после того, как берут власть, заботятся не об идее, а о самих себе. Заботились о себе и народные избранники. Заменив красный флаг на российский, они поспешили вселиться в Кремль. Но кому-то пришлось остаться в старых зданиях, потому что в Кремле для всех места не хватило. Их оказалось намного больше, чем могли вместить Кремлевские стены, ранее вмещавшие союзный аппарат.

Страна горячо приветствовала и создание СНГ и утверждение

в Кремле Ельцина. В Алма-Атинской декларации, принятой 21 декабря 1991 года, все государства Содружества подтвердили, что они гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР. Однако документы СНГ уже не отличались тщательной проработкой. Не были определены компетенции, состав комиссий, которые должны координировать деятельность республик. Было непонятно, как будут проходить границы и кто отвечает за их безопасность, противоречивыми остались военные связи. Все участники хоть и были заинтересованы в создании единого экономического пространства, так и не определили, что под этим конкретно имеется в виду. Кто-то воспринимал СНГ как временное новообразование, необходимое в условиях переходного периода, кто-то говорил о постоянном государственном образовании.

Дальнейшее развитие России и стран СНГ шло под знаком «де»: демилитаризация, денационализация, деколлективизация, деиндустриализация… Пожалуй, единственное, что не имело этой приставки — монополии, они, наоборот, получили благоприятную почву для роста. Авторитет Б. Ельцина был по-прежнему высок.

Понадобился не один год для того, чтобы общественное сознание переосмыслило идею создания СНГ. Сейчас острое ощущение временности, невозможности осмыслить будущее, состояние половинчатости, незавершенности все больше проникает в сознание масс.

Идут годы, слова о стабилизации, произносимые вверху, по образному выражению Явлинского, больше напоминают шаманские заклинания, потому что стабилизации не видно. 20 февраля 1998 года, выступая по телевидению в передаче «Герой дня», Григорий Алексеевич говорил: «У нас сейчас застой и застой очень опасный. Застой в политике, в экономике».

Что же к этому застою привело и как из него выбраться? Когда произошел «номенклатурный реванш»? Или это вовсе не номенклатурный реванш, а пресловутая историческая закономерность? Слишком крепко сидят в сознании людей стереотипы поведения, слишком мало времени прошло после падения «имперского чудища». У власти стоят все те же люди. Все та же армия бюрократов радостно горлопанит: «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем» — теперь уже демократическим. Может быть, жизненный цикл социализма еще не успел завершиться? Так или иначе, но экономика, да и все общество вошло в штопор и забыло оттуда выйти.

Часть вторая

ОТ ЭКОНОМИКИ К ПОЛИТИКЕ

«Диагноз»

Г. А. Явлинский, будучи уже в который раз отстранен от участия в государственной жизни, зиму и весну 1992 года провел в своем родном ЭПИцентре. Нынешняя ситуация была очень похожа на ситуацию с отставкой 1990 года. Сейчас так же, как и тогда, он мог остаться в высших эшелонах власти и продолжать работу, но уже не в соответствии со своими идеями, а в соответствии с идеями Ельцина — Гайдара. Одного интересовала власть, другого… Гайдар жаждал отпустить цены как можно скорее, а дальше, дескать, само пойдет, потому что законы рынка универсальны. Однако выражение «само пойдет» может быть применимо разве что к сорняку в поле.

Одно из главных свойств характера Григория Алексеевича, на мой взгляд, полное отсутствие способности к приспособлению. Для него невозможен конформизм. Невольно вспоминаешь характеристику, данную А. С. Макаренко его отцу: свободолюбивый. Не захотел он подчиниться и руководству Гайдара, хотя и имел возможность остаться у власти и при хорошей должности. Пожалуй, это было обусловлено не гордыней и амбициями, а неприятием идей Гайдара, и об этом он неоднократно говорил: «Я не могу участвовать в политике, которую не понимаю и не принимаю».

Наверное, даже революция, наподобие 17-го года, не смогла бы отменить в один день плановую экономику и ввести рыночные отношения. Не один Г. Явлинский, многие не понимали, каким образом экономическое преобразование «само пойдет». Все фазы развития общества, касаются ли они политики, экономики, психологии, не преодолеваются моментально. Необходимо, как минимум, иметь четкую программу выхода из экономического кризиса.

Необходимо подвести законодательную базу под реформы. Закон, а не стремительное повышение цен должен регулировать взаимоотношения товаропроизводителей. Если пустить все эти вопросы на авось, дескать, само пойдет, то оно, скорее всего, зайдет не в ту сторону. Когда один нувориш, он же товаропроизводитель не отдаст вовремя долг другому и нет закона, способного его заставить заплатить долг, то на сцену выйдет преступность. Такие и подобные споры решаться все равно будут, но уже по-своему, без свидетелей.

Нет законодательной базы, нет демократических институтов, нет жизнеспособных судов, нет программы. «Правительство неоднократно критиковали за то, — оправдывался перед прессой

Е. Гайдар, — что оно не представило на рассмотрение общества развернутую программу экономических реформ. Но мы считаем, что после одиннадцати широко обсужденных и не оказавших влияния на реальное развитие событий программ представлять двенадцатую было бы не серьезно. Мы считаем, что наша программа должна в первую очередь реализоваться в конкретных экономико-политических решениях, в структурных поворотах, в финансовой политике, в нормативных актах»[83].

И в 1992 году беспрограммная программа Ельцина-Гайдара вошла в нашу жизнь резким повышением цен. Таким резким, что Б. Ельцину вскоре пришлось объясняться: «Оценивая ход реформы, президент признал, что повышение цен в январе оказалось значительно большим, чем рассчитывало правительство, удар был болезненным. Но одновременно докладчик (Б. Ельцин на VI съезде народных депутатов. — *Прим. авт.)* заявил, что либерализация цен, начавшаяся 2 января, означала не начало российских реформ, а логическое завершение политики Рыжкова — Павлова, которая привела страну к развалу»[84]. Против этой политики Григорий Алексеевич выступал еще в 1989 году. Но и Горбачев и Ельцин тогда сосредоточились на других проблемах — проблемах приоритета. Нечто похожее происходило и сейчас.

И президент, и депутаты, дружно шагавшие в Кремль в 1991 году, теперь тщетно пытались выяснить, кто главнее? Президент говорил о президентской республике, парламент — о парламентской, и все ссылались на Конституцию. А в Конституции были заложены как принципы разделения двух ветвей власти с отчетливо выраженными признаками президентской модели, так и формула полновластия Советов, оставшаяся с тех времен, когда Советы были по преимуществу декоративными и служили ширмой для лидеров КПСС. Борьба эта (или попросту перетягивание каната) продолжалась в течение всего 1992, 1993 годов и закончилась кровавыми октябрьскими событиями. Политологи называли это кризисом власти, конституционным кризисом, но суть от этого не менялась. Шла борьба за власть, за сферы влияния.

Верховный Совет создает свои штаты — тысячи сотрудников радостно рассаживаются за столами, цепляясь ногтями за свои стулья и кресла. Президент тоже создает свои штаты. Верховный Совет «сочиняет» указы, президент накладывает на них вето и наоборот. Съезд принимает решение об упразднении в месячный срок института представителей президента в регионах, а президент издает указ, которым упраздняет представителей только в республиках, входящих в состав Федерации, оставляя их

в краях и областях.

Правительство, возглавляемое президентом, возмущается против урезания своих полномочий. Правительство должно править, а не быть на правах мальчика на побегушках. И в связи с этим вспоминает, что по этой же причине ушел в отставку и Явлинский. Р. Хасбулатов парирует: «Сейчас складывается такая ситуация, когда уже можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство»[85].

Недовольный правительством и его беспрограммной программой, Р. Хасбулатов готовит свою программу реформ. Среди прочих идейных вдохновителей он называет имя Явлинского, очевидно, забыв, что когда-то относился к нему плохо. Газеты спешили заверить, что Явлинский к программе Хасбулатова отношения не имеет.

Народ, шокированный повышением цен, вспомнив старую русскую традицию, отправляет ходоков в столицу — искать правду. И тогда, и сейчас ее искали многие, а она, словно испугалась, спряталась за громкими демократическими лозунгами. Использовав демократические лозунги в качестве тарана, разрушив с их помощью старый политический режим, наши вожди увлеклись выяснением отношений и забыли о демократии. А честный советский труженик, всерьез увлекшийся демократическими призывами, теперь находился в очень тяжелом состоянии.

Однако в 1992 году многие россияне еще были полны надежд на скорое чудо. Б. Ельцин с помощью общественного признания, горячо поддержанный средствами массовой информации, был возведен чуть ли не в ранг доброго волшебника. Демократия, реформы и все передовое, выводящее к свету, прочно идентифицировалось с именем Б. Ельцина. Что поделаешь, людям, воспитанным советской властью, в немалой степени присущ инфантилизм ума.

Люди защищали не столько реформы, сколько человека, объявившего себя реформатором. При этом в суть реформ мало кто вникал. Поставив знак равенства между президентом и демократическими преобразованиями, передовая общественность без всяких сомнений отнесла всех несогласных с Ельциным к номенклатурным реваншистам. Так, в числе реваншистов оказались и народные депутаты во главе с Р. Хасбулатовым. Люди, насмотревшись по телевизору баталий очередного съезда, где отчаянно критиковали Б. Ельцина, выходили на митинги с плакатами: «Верный Руслан, не кусай хозяина!».

Многие мирились с инфляцией, а потом и с гиперинфляцией, надеясь, что скоро все пройдет и начнется возрождение. Причем

возрождение должно пойти само собой, потому что у добрых волшебников всегда есть волшебные палочки. С недоумением прислушиваясь к «бесовским» съездам, большинство населения не понимало, почему и за что депутаты нападают на президента. «Борис Николаевич, — возмущался Аман Тулеев, — вы россиян обманули, все, что можно разрушить, вы уже разрушили, больше разрушать нечего»[86]. «И нельзя выдвигать за одобрение реформ то, — говорил С. Федоров, — что люди не взбунтовались, не умерли этой зимой»[87]. С 1992 года многие семьи перешли на хлебное питание, но тем не менее сплотились вокруг священного имени вождя, наверное, мало кто догадывался, в чем же причины перехода на так называемое хлебное питание.

— Величина прожиточного минимума в денежном выражении в 1988 году была рассчитана с учетом цен колхозного рынка и установлена в размере 84 рублей в месяц.

В марте 1992 года Ельцин издал Указ, в соответствии с которым Правительство Российской Федерации было обязано разработать новую методику определения прожиточного минимума. Это поручение было выполнено Госкомстатом и Минтруда РФ. Как только стало ясно, что избранные методики относят половину населения к числу людей, чьи доходы ниже минимальных норм, возникла политическая потребность в их корректировке. Слишком большое содержание жиров и белков было уменьшено, после чего Минтруда РФ установил единый прожиточный минимум, действующий с 10 ноября 1992 года[88].

Вообще-то удары судьбы — это испытания духа и, конечно, надо благодарить Бога за то, что он шлет их. Правда, с 1992 года удары шлет не столько Бог, сколько президент и правительство, но все равно надо благодарить. И народ благодарил за повышение цен, за безработицу, за разгул бандитизма… и, наверное, благодарит до сих пор. Иначе как можно объяснить настойчивую поддержку Б. Ельцина и на референдуме, и на выборах? Ведь поддержали же Б. Ельцина на апрельском референдуме 1993 года, и на президентских выборах 1996 года.

Я по своему малодушию старалась от ударов судьбы увернуться, но, увы, не всегда удачно.

Совсем другое дело Явлинский. Он еще в юности на боксерском ринге привык на всякий удар отвечать контрударом. Он и сам мобилизовался и весь ЭПИцентр мобилизовал. Они заняли боевые позиции (мировоззренческие, этические) и в мае 1992 года нанесли мощный контрудар по высшим эшелонам власти, а именно: президенту, правительству и всем, причастным к проведению реформ.

А тем временем бушевал парламент, нанося частые и мелкие

удары по тем же реформаторам. Р. Хасбулатов, дирижировавший многоголосым хором народных депутатов, стал слишком самоуверенным. Власть плохо действовала на него. Он разнуздался, позволял себе высокомерно-презрительный тон по отношению к депутатам. Порой он обращался с достопочтенными депутатами так, словно это были его крепостные крестьяне. Изучив проект бюджета, он сказал, что Мишке Киселеву да Петьке Филиппову лучше было бы заняться своим делом. Народные депутаты Мишка и Петька обиделись. А депутат А. Волков и вовсе в суд на Хасбулатова подал. Хасбулатов сказал, что Волков убегал во время путча, а он не убегал, он честно и храбро защищал демократию.

Творческое горение Руслана Имрановича сильно отличалось от творческого горения Григория Алексеевича. Григорий Алексеевич никого никогда не оскорбляет, в выражениях разборчив. И вообще не любит переходить на личности, предпочитая рыцарские турниры в сфере идей. Григорий Алексеевич всегда говорит вежливо, спокойно, с чувством собственного достоинства. А весной 1992 года он и говорить-то не имел возможности. Сидел в своем ЭПИцентре и писал всякие исследования и отчеты. Но тем не менее уже очень скоро он стал вызывать у правительства, у президента аллергию еще большую, чем Хасбулатов и все депутаты в целом.

Выпав из уютного гнездышка в высших эшелонах власти, Явлинский, похоже, не очень огорчился. Полагаю, что это выпадение его вряд ли тяготило. По крайней мере в отчаянии или унынии его еще никто не обвинял. Наверное, он, как и всякий талант, самодостаточен. То, что называется американскими горками, когда человек, то занимает высокий пост, то теряет его, то поднимается вновь, не характерно для Г. Явлинского. И это не только мои наблюдения. Это уже успели заметить и другие журналисты. Немножко забегая вперед, приведу мнение о Григории Алексеевиче журналиста И. Засурского, сказанное им в январе 1994 года:

— Когда, отвечая на вопросы о своем возможном назначении на место Гайдара, Григорий Явлинский назвал правительство «советским», он ни в коем случае не хулил его. Просто «советское» правительство всегда было органом второстепенным, по отношению к идеологическим аппаратным структурам на Старой площади… В этом контексте упоминание амбициозного и рационального Явлинского для замещения идеолого-реформаторской декорации способно вызвать только улыбку. Хотя следует признать, что не будь у главы ЭПИцентра серьезной материально-идеологической базовой структуры, он вынужден

был бы отвечать согласием[89].

Все так, кроме одного. Серьезная материально-идеологическая базовая структура, то есть ЭПИцентр, не появился у Григория Алексеевича как счастливый случай или лотерейный билетик. Он сам создал ЭПИцентр, поэтому и смог амбициозно отказаться от роли декораций.

И сейчас — весной 1992 года — он был озабочен, пожалуй, не тем, как вернуться во власть, а сосредоточился на исследовании социально-экономической, политической ситуации, складывающейся в стране. Когда другие мобилизовывали энергию для приобретения новых благ, пытались подчинить себе других людей и насладиться властью, Явлинский изучал проблемы демократии и рыночной экономики.

Результатом этих исследований стал «Диагноз», опубликованный в «Московских новостях» под первоначальным названием «Реформы в России, весна 1992». Вулканические эмоциональные взрывы, определявшие тональность недавно прошедшего VI съезда народных депутатов, поблекли перед обстоятельным, тщательно продуманным «Диагнозом».

Однако, когда Г. Явлинский, изучая процесс реформ, пытался направить его в нужную, то есть демократическую сторону, Н. И. Рыжков коварно обвинял Явлинского в развале экономики.

2 февраля 1992 года Н. Рыжков говорил в телепрограмме «Итоги»:

— Вот видите, как все плохо, этого хотели и авторы программы «500 дней», а мы предупреждали, что так нельзя[90].

Г. А. Явлинский промолчал. Но С. С. Шаталин, лежавший тогда в больнице с воспалением легких, подскочил на своей койке, словно ужаленный, и побежал к телефону-автомату, маячившему в проеме больничного коридора. Он звонил в редакцию газеты и возбужденно кричал в трубку, что начинать надо было еще в 1990 году и не с освобождения цен, а с финансовой стабилизации, приватизации, но без ваучеров, земельной реформы… «Известия» все это опубликовали, но экономике от этого не полегчало. По образному выражению Г. Явлинского, ей дали слабительное, а потом — снотворное. Но «болела» экономика как-то странно: и цены на товары росли, и сами товары уходили в дефицит. Вроде бы боролись с дефицитом, а получили еще больший дефицит; боролись с теневой экономикой, а она еще больше ушла в тень. Этим уже переболели в Польше. Польский экономист Г. Колод-ко назвал странное заболевание «инфляцит», соединив слово «инфляция» и слово «дефицит». Обескураженный народ недоуменно взирал наверх, пытаясь своим житейским опытом и здравым смыслом осознать

логику происходящих экономических преобразований. А вершители судеб кивали друг на друга в поисках козла отпущения. Борис Николаевич, как уже упоминалось ранее, предлагал сыграть эту роль Николаю Ивановичу, обвинив его в том, что либерализацию цен начал он и В. Павлов. Павлов молчал, а Н. Рыжков пытался передать эту роль Григорию Алексеевичу. Явлинского отстоял С. Шаталин. Роль козла отпущения осталась вакантной, свободна она и сейчас, хотя потребность в ней очень острая.

Но тогда, в 1992 году, проблемы с этой вакансией отошли в сторону. Все вершители судеб дружно объединились в одном: все это не что иное, как номенклатурный реванш. Передовая общественность прониклась состраданием к бедным вершителям судеб, которым какие-то гадкие реваншисты мешали преобразовывать экономику.

Это мнение было поддержано и за рубежом. Некий иностранный наблюдатель Дэвид Липтон, размышляя о ходе российских реформ, сетовал, что после того как Гайдар «стремительно двинул Россию по этому (монетаристскому) пути в начале 1992 года, почти тотчас же последовала мощная ответная реакция; за шесть месяцев, — сокрушается Липтон, — реформа оказалась связана по рукам и ногам ее политическими противниками»[91]. Если перевести чересчур интеллектуальные рассуждения иностранца на русский язык, то это будет звучать так: решил крестьянин приучить лошадь много работать и совсем не есть. День лошадь работала, второй работала, а на третий умерла. «Если бы она не умерла, — сокрушался крестьянин, — то я бы, конечно, приучил ее работать и не есть».

В уже упомянутом «Диагнозе» тоже есть размышления об «эксперименте», в котором вместо лошади выступает народ. Только, по мнению авторов, консервативный реванш был тут не при чем. Авторы указали на непоследовательность и непродуманность политики правительства, возглавляемого Б. Ельциным, намекая между строк, что король-то голый. Для начала приведу общую характеристику «Диагноза», данную заместителем директора Института гуманитарно-политических исследований В. Я. Гельманом:

— Критика в отличие от коммунистов или «Гражданского союза» — не носила идеологического (в привычном понимании) характера. Напротив, «Диагноз» был пронизан идеологией реформ, основанных на принципиально ином мировоззрении, с иными, чем у властей, представлениями не только о демократии и о рынке, но и о ценностях и приоритетах. «Диагноз» стал практически первым в России целостным программным документом демократической

оппозиции.

Выводы «Диагноза» носили характер почти что приговора политике президента и правительства России конца 1991 — начала 1992 гг. Авторы доклада отметили следующие результаты шести месяцев реформ:

1. В экономике — непоследовательность и несбалансированность либерализации цен, провал финансовой стабилизации, отсутствие реальных институциональных преобразований.

2. В государственном строительстве — нарастание дезинтеграции (в первую очередь — как следствие развала Союза), неэффективность и бессодержательность региональной политики.

3. В социальной политике — резкое снижение уровня жизни большинства населения, массовая социальная дезориентация.

Выводы ЭПИцентра были для властей не менее убийственны. Помимо отрицания монетаристской доктрины экономической реформы (что было болезненно для Гайдара как идеолога реформ, но, строго говоря, не подрывало догмата об отсутствии альтернатив официальному курсу), авторы доклада указали на причину неудач: имитация решения проблем и социальная манипуляция, применявшиеся властями как методы практической политики. Эти доводы аргументировались как конкретными примерами (блеф о помощи России в объеме 24 млрд долларов или псевдоотставка правительства России на VI съезде народных депутатов), так и доводами общего характера. Правительству и (в меньшей степени) президенту был вменен в вину намеренный разрыв между целями реформ и средствами их осуществления, провоцирующий негативные последствия в обществе. Прогнозы «Диагноза» прямо говорили и об углублении кризиса власти в результате намеренного нагнетания властями политической напряженности, и об угрозе возведения незаконных методов в ранг привычной модели поведения, и о нарастании изоляционистских настроений как реакции на политику в отношениях с Западом — обо всем, ставшем реальностью полтора года спустя…

То, что авторы доклада апеллировали даже не к президенту (хотя «Диагноз» отмечал, что только в его силах ввести политику в конструктивное русло), а к общественному мнению, также было необычным для российской практики явлением. За редким исключением прежние аналитические документы такого рода, созданные как диссидентами в 1960—1970-х гг., так и демократами в конце 1980— начале 1990-х гг., были адресованы властям, институтам, организациям (в лучшем случае — своим товарищам по партии в качестве проекта программы). «Диагноз» стал первой заявкой на не связанную с той или иной группировкой

вне-институциональную содержательную альтернативу.

Такой подход представлялся наиболее опасным для властей, поскольку чисто экономические доводы можно было парировать различными выкладками, а чисто политические — проигнорировать или же ответить на них какими-нибудь обвинениями. В данном случае (как и впоследствии) анализ и выводы авторов «Диагноза» носили характер мировоззренческой, этической оппозиции; спорить с такой оппозицией на ее языке правительство было не в состоянии [92]. Признаюсь честно, что «Диагноз», поскольку это не детектив и не роман о любви, мне читать было скучновато, но это только до определенного момента. Проблемы, которые встали передо мной в последние годы, оказались чересчур сложными и моя неспособность их решить очень дорого мне стоила. Читая «Диагноз», я, к своему удивлению, нашла ответы на волновавшие меня вопросы. Полагаю, что не я одна прошла через приватизацию, акционирование и тому подобные «новшества», поэтому и осмеливаюсь подробнее остановиться на комментарии отдельных глав «Диагноза», так поразивших меня. Например, такая цитата: «Несмотря на то, что в большинстве негосударственных предприятий контрольный пакет принадлежит государству (свыше 80 % в акционерных обществах и около 60 % в товариществах), отсутствие контроля со стороны собственника позволяет руководству общества фактически полностью распоряжаться его имуществом».

Доказательства тому я часто наблюдала в бывших колхозах и совхозах, в которые ездила в командировки. Приехала я однажды в бывший совхоз, а ныне акционерное общество «Щепкино», что в Аксайском районе Ростовской области. Здесь каждый тракторист, каждая доярка были акционерами, но никто не понимал — какой ему от этого прок? Руководство хозяйства богатело, само хозяйство беднело, что выражалось в снижении поголовья коров, в ухудшении культуры земледелия, в обветшании машинно-тракторного парка… Кроме того, шустрые дельцы, договорившись с руководством АО, быстро переделали баню в пекарню, напрочь забыв о технике безопасности. Единственным вентилятором служила распахнутая дверь. Месили тесто вручную, работали по ночам, зарплату получали чисто символическую. Это было похоже на добровольное рабство. И все то же благоразумное молчание, правда, шепотом жаловались многие. Какой же толк от того, что они акционеры? Руководство с этого имело толк, но не доярки, не трактористы, не те, кто работал в пекарне.

Хорошо известны случаи, когда директора предприятия ежемесячно получали зарплату 60 миллионов рублей, а рабочие не получали ее вовсе[93]. Шахтеры и их семьи ведут

полунищенское существование, потому что им регулярно не выплачивают зарплату в течение вот уже двух лет.

Понять, каким образом такое становится возможным, мне помог «Диагноз» и некоторые другие книги Г. Явлинского. Возвращаюсь еще раз к цитате из «Диагноза»: «Несмотря на то, что в большинстве негосударственных предприятий…» Выяснили первое: предприятие (будь то шахта, совхоз, аэропорт) не государственное, а частное. Кто же тогда этот злодей-частник? Тракторист? Шахтер? Да он, если и имеет одну акцию, то от нищеты давно ее продал, а хоть и не продал, с одной акции толку не будет, нужен пакет акций. У кого пакет — тот хозяин.

Читаем цитату дальше: «… контрольный пакет принадлежит государству (свыше 80 % в акционерных обществах и около 60 % в товариществах)». Получается, что хозяином негосударственного предприятия все-таки является государство. Но не стоит торопиться к выбросу негативных эмоций в его адрес, пока не дочитаем цитату до конца: «отсутствие контроля со стороны собственника позволяет руководству общества фактически полностью распоряжаться его имуществом». Выходит, что самый большой злодей не государство, а директор. Государство не контролирует, не проверяет, вот директор и присваивает себе зарплату рабочих, получая по 60 миллионов ежемесячно. Где же на злодея управу найти? Голодовками его не запугаешь, демонстрациями протеста, может быть, слегка позабавишь и только.

В советское время, если директор «химичил» с зарплатой, то на него легко можно было найти управу. Да и сами директора тогда «химичили» со страхом и оглядкой. Сейчас страх переселился в дома рабочих, селян, интеллигенции — страх оказаться без работы, страх перед самой обыкновенной голодной смертью, когда изо дня в день хочется есть, кружится голова и дрожат колени. Неужели больше нет закона? Ведь он же был! Я хорошо помню, был! Когда и кто начал возводить беззаконие в ранг закона? Почему тогда молчал Г. Явлинский и другие профессионалы?

Г. Явлинский не молчал. Он еще в 1990 году разработал совместно со своей группой проект приватизации. Люди (один человек) выкупали у государства предприятие не за ваучеры, а за деньги на открытых аукционах. Новый хозяин (хозяева) обязан был представить программу модернизации предприятия, сохранения и увеличения рабочих мест, расширения производства. За государством оставалась функция контроля, если хозяин не выполнял взятые на себя обязательства, к нему применялись строгие меры, вплоть до банкротства. В 1990–1991

годах еще до сумасшедшей гиперинфляции, «съевшей» все сбережения, многие люди могли пойти на такую приватизацию. Но в 1992–1993 годах стать собственником мог, пожалуй, лишь тот, кто имел либо связи, либо нечестные деньги или много ваучеров.

В приватизации по-Явлинскому ваучеров вообще не было. Он был против разгосударствления даром. В той приватизации, которая вошла в обиход под названием «прихватизация», все было по-другому.

«Главная концепция приватизации по Чубайсу, — пишет Явлинский, — заключается в следующем: собственность должна быть как можно скорее переведена в частную. Неважно, кто первоначально ее получит, достаточно свободной торговли вновь приобретенными правами собственности и тогда более эффективные собственники эту собственность получат»[94]. Далее Григорий Алексеевич объясняет суть ваучеров. В то время как «цены на основной капитал выросли во много десятков раз», рыночная цена ваучера — 20 тысяч рублей. А ведь подлинная стоимость ваучера должна была бы корреспондироваться с общей суммой основного капитала, измеренной в ценах семидесятых — восьмидесятых годов. Вывод Г. Явлинский делает такой: «Вся идея «народной приватизации» фальшива от начала до конца. Общая сумма ваучеров, розданных гражданам, в настоящее время соответствует всего лишь нескольким процентам все той же массы богатства, которую должны были представлять»[95].

Иногда меня посещает мысль от лукавого: а не виновны ли мы сами, позволив себя так обмануть? Вырисовывается образ беззащитного доверчивого существа, почти ребенка, которого обманули злые Чубайсы. Однако в нормальном здоровом обществе народ чаще ассоциируется с русскими богатырями, победителями в войнах…

Вся эта история с ваучерами напоминает мне прекрасно описанную М. Булгаковым сцену в варьете из «Мастера и Маргариты», когда на людей посыпались деньги. «Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки глядели на освещенную сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки. Запах не оставлял никаких сомнений: это был ни с чем по прелести не сравнимый запах только что отпечатанных денег. Сперва веселье, а потом изумление охватило весь театр… Кто-то уже ползал в проходе, шаря под креслами»[96].

Вспомните, что с ними стало потом, когда прошел денежный дождь, похожий на наши ваучеры, после дамского магазина, похожего на приватизацию? Они, к своему ужасу, обнаружили, что их обокрали, обманули, ограбили. Не потому ли так часто

обманывают нас, что сами мы не очень-то честны и любим получать даром то, что нам не принадлежит?

Сейчас часто раздаются возгласы, что в Америке, на Западе капитализм строили пираты да бандиты, что первоначальный капитал просто необходимо украсть, иначе нельзя. Бандиты и пираты вообще не умеют строить, они могут только разрушать и грабить. И в Америке и на Западе капитализм строили самые обыкновенные трудяги, которые работали от зари до зари. А насчет первоначального капитала — есть у нас хорошая пословица: на чужом несчастье свое счастье не построишь. Может быть корни узаконенного беззакония не в государстве, не в директорах, а в психологии населения, коли стала возможной пропаганда таких настроений в прессе?

А тогда в 1990 году идеи Явлинского о приватизации не были услышаны внизу. Вверху-то их слышали, но они там пришлись не ко двору. Зато «подвиги» приватизаторов нашли своих певцов и вверху и внизу. Некто А. Усов, подводя под «прихватизацию» чуть ли не историческую закономерность, говорит, что надо не продавать (как хотел Явлинский. — *Прим. авт.),* а отдавать даром, поскольку в 17-м году экспроприировали[97]. Возникает вопрос: у кого экспроприировали и кому теперь отдавать? Если мы взяли все по ваучеру, то чего ж теперь на зеркало пенять? Впредь надо быть осторожнее и не забывать простую истину о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

В 1992 году не один Г. Явлинский выступал против приватизации, ваучеризации и тому подобных нововведений. Против этого выступали и другие экономисты, например Лариса Ивановна Пияшева. Но А. Чубайс вежливо поставил ее «на место»: «Лариса Ивановна и ее соавторы утверждают: правительство намерено создавать «цивилизованного» смешанного коллективного собственника, оставляя фактически право владения и распоряжения собственностью в руках государства». Помилуйте, какого «смешанного» да еще и «коллективного»? Мы хотим как раз противоположного — чтобы собственниками стали не некие коллективы, а конкретные люди, из коих эти коллективы состоят. Мы хотим, чтобы и те, кто не является членом коллектива, тоже владели своей долей имущества — и потому, кстати, всячески форсируем введение именных приватизационных счетов…»[98].

На словах-то все правильно и даже благородно. А как оно в жизни? Когда говорят о праве акционера на свою долю имущества, мне вспоминается трагикомический случай, произошедший в одном акционерном обществе (бывшем совхозе). Захотел один агроном из этого акционерного общества выйти и

зажить своим фермерским хозяйством. Землю-то ему дали, а вот долю имущества… Вслед за ним потянулись и другие селяне на вольный фермерский хлеб. Они тоже, получив землю, стали просить долю имущества. По словам А. Чубайса, они как акционеры имели на имущественную долю законное право. Осознавая это право, они теребили свое руководство. Кто-то надеялся на трактор, кто-то мечтал о грузовике. «Будет тебе и трактор, будет и грузовик», — сказало руководство. В поле стоял заброшенный деревянный коровник. Его замеряли — рассчитывали, ходили вокруг да около. А потом выделили каждому новоявленному фермеру по одному квадратному сантиметру сарая: это твоя доля имущества.

Так что вглядевшись повнимательнее в жизнь, начинаешь понимать, что прав-то все же Г. Явлинский. Не является де-юре собственником ни тот акционер, что получил один сантиметр сарая, ни тот, который ему это «пожертвовал». По-прежнему собственником в большинстве случаев остается государство, потому что контрольный пакет акций у него, только контролировать оно перестало и в законодательстве сплошные пробелы там, где речь идет о финансово-хозяйственных злоупотреблениях. Поэтому директор и живет в свое удовольствие, хотя он де-юре собственником и не является.

Часто директора создают на основе производственного предприятия разнообразные малые или хозрасчетные организации. Такое малое предприятие можно даже в другом городе зарегистрировать, чтобы обезопасить себя от проверок, а то налоговая инспекция, полиция могут и наказать. Правда, штрафуют они очень интересно. Они штрафуют не лично директора, а производственное предприятие, которое он возглавляет. В таких ситуациях, когда создаются малые предприятия, не только скрываются доходы от уплаты налогов, но и сами доходы часто скрываются за границей или за воротами шикарных дач директоров. Рабочие, служащие чаще всего не догадываются, трудясь на своем рабочем месте, что работают они не на основное производство, а на хозрасчетное или малое предприятие. И уж тем более не подозревают о двойной бухгалтерии и о том, куда уходит их зарплата. А если и узнают, то все равно закона, наказывающего за подобные экономические манипуляции, нет. Об этом же говорил Григорий Алексеевич еще в мае 1992 года, когда это только начиналось:

— Возникший разрыв между фактическим статусом собственности не так безобиден, как это может показаться на первый взгляд. Независимые от собственника-государства, но сами не собственники, руководители госпредприятий не стремятся

вкладывать средства в развитие производства. Это делает почти невозможной структурную перестройку и модернизацию технологической основы производства. В то же время на счетах российских юридических лиц и граждан в западных банках находится, по разным оценкам, от 5— 7 до 20 млрд долларов, причем основная часть этих средств имеет «государственное происхождение» [99]. И сейчас — в 1998 году — тоже рычаги управления в руках директора. Он контролирует доходы-расходы, перекачивая деньги из карманов рабочих себе в карман. И он не несет ответственности, он знает, что его не накажут. Ему невыгодно радеть за свой родной совхоз, завод, шахту, но выгодно нажиться за счет агонии вверенного ему производства, за счет оскудевшего питания чахоточных детей шахтеров, рабочих.

Это и есть наш родной, хотя и не любимый Чичиков, породивший грязную компрадорскую буржуазию. Обуздать аппетит Чичикова помог бы закон о банкротстве. По мнению Е. Ясина, «в нормальной ситуации вопрос о банкротстве — не государственный. Это кредиторы, которым не платят, должны бы инициировать судебные процессы в отношении своих партнеров. Но реально у нас пока этого не происходит. Нет финансовой дисциплины, нет даже понимания, что это такое. Не знают пока своих прав акционеры»[100].

Не знают своих прав и не умеют их защищать учителя, врачи, библиотекари и другие люди, работающие в бюджетной сфере. Не знает своих прав человек, привыкший во всем полагаться на государство. Когда я ездила в командировки по области, я видела, как главы администраций, кстати, выбранные демократическим путем, платили миллионы за саморекламу, покупали новые служебные машины и устанавливали в них телефоны. За один такой телефон можно было выплатить задолженность по зарплате десяткам учителей.

И это будет продолжаться до тех пор, пока не будет выполнено одно из наиглавнейших условий создания демократического общества, условия, о котором так часто говорит Г. Явлинский: КОНТРОЛЬ. В нашей стране становление демократических институтов, в том числе и института контроля было брошено на самотек. Не была разработана система подотчетности правительственных институтов. Избранный демократическим путем глава области, города, района подотчетен перед избирателями только на бумаге. И если он получает деньги из федерального бюджета, то только он решает потратить ли их на новый телефон в свой автомобиль или отдать отощавшим педагогам. Нет контроля общественности. И нет инициативы снизу, требующей этого контроля.

Порой кажется, что никому ни до чего нет дела. Шахтерские дети голодают? Пусть голодают. Учителя не получают зарплату? Пусть не получают. Не умеешь торговать, не умеешь воровать? И не надо. Ты имеешь право выбора. Не хочешь воровать, не воруй, но тогда не жалуйся, что кушать нечего. Эти же настроения прослеживаются и в творчестве «мудрых» иностранных советников, насоветовавших нашему правительству провести «прихватизацию» и тому подобное.

Читая статьи советников российского правительства, я с удивлением поняла, что их совсем не интересовала жизнь россиян, они преследовали свои корыстные цели.

Программа «структурного приспособления», уже опубликованная Международным валютным фондом (МВФ) в десятках стран третьего мира, везде давала один результат: нищета большинства населения, разрушение отечественного производства, рост и укрепление компрадорской буржуазии. С 1982 по 1990 годы только в виде процентов западные банки получили от стран третьего мира более 700 млрд долларов. Получила кредиты, которые потом придется возвращать с процентами, и Россия. Одновременно существовали и другие альтернативные программы, которые предполагали обойтись без этих кредитов. Возмущение передовой общественности против альтернативных программ Хасбулатова подогревалось тем, что творческая активность Руслана Имрановича ставит под угрозу возможность получения кредитов. Они были очень нужны? Прошло шесть лет. Кредитов страна получила предостаточно, а улучшений что-то не видать. Зато можно констатировать факт, так удачно подмеченный советниками из МВФ: «Сегодня в России любой директор (предприятия) может использовать программу (приватизации), чтобы обогатиться и остаться у руководства»[101].

Однажды, находясь в Давосе, Григорий Алексеевич разговорился с одним из иностранных советников российского правительства. Поразившись его безразличием к судьбам россиян, которые на горьком опыте познали ценность «мудрых» советов его самого и его коллег из МВФ, Г. Явлинский рассказал ему о старой русской традиции. В дореволюционной России существовал обычай, по которому инженер, руководивший строительством моста, обязательно стоял под мостом, когда по нему шел первый поезд. Но советника из МВФ это не смутило. Он просто отрабатывал свою зарплату.

Не смущало иностранцев и отчаянное сопротивление депутатов. Депутат Р. Абдулатипов говорил, что у экономической реформы есть не один, а несколько путей, и тот, который избрало правительство, вовсе не обязательно единственный. На VI съезде

депутатов Э. Остапенко сказал, что вся реформа проходит под контролем МВФ и «призвал включить в состав правительства международных специалистов».[102] Депутат С. Полозков говорил, что «все рекомендации МВФ не годятся для России, потому что она не Перу и не Парагвай»[103].

Руководство МВФ убеждало в том, что условия, выдвигаемые МВФ, идут на пользу национальным интересам России. Руководитель делегации Эрнесто Эрнандес-Ката пояснил всем неразумным и рассерженным, что «предоставляя миллиардные кредиты, МВФ вправе следить за тем, чтобы они использовались с максимальной пользой для стабилизации экономики и повышения уровня жизни населения России. Он категорически отверг мнение о том, что МВФ диктует России, какую ей проводить политику»[104].

Однако было бы очень наивно искать врага в советниках МВФ или среди своих правителей. Ностальгия по врагу — достояние полуобразованного ума. Прежде чем объявлять охоту на ведьм, не мешало бы повнимательнее прислушаться к собственному сердцу. Почему судорога кризиса, поразившая экономику страны, перешла в хроническое состояние? Велик соблазн списать кризис на происки иностранных советников или каких-то внутренних врагов, но будет ли это соответствовать истине?

Помню, как в одной Ростовской телепрограмме в начале 1998 года прозвучало заявление директора средней школы из Азова, коллектив которой объявил голодовку. Директор требовала погашения задолженности по зарплате и наказания виновных. В самой постановке этого требования уже прослеживается то, что человек согласен с существующим политическим режимом, с проведением реформ, с установившимся «порядком». Дескать, все правильно, но где-то есть чиновник, из-за которого страдают педагоги школы. Надо найти его, наказать и все встанет на свои места.

В этом вопросе мне ближе точка зрения Григория Алексеевича, изложенная в его книгах и в «Диагнозе» тоже:

— Таким образом, анализ хода экономической реформы (по итогам апреля 1992 г.) позволяет заключить, что, несмотря на оптимистичные заявления российского правительства, ни одна из сформулированных им целей не достигнута.

Однако есть еще один, не менее важный вопрос, на который необходимо дать ответ: а насколько правильно изначально определен сам тип экономической реформы, ее курс, которому следует правительство?[105]

Все мы стремились к демократии, к свободе, но пришли совсем к другому — к хаосу. Причем хаос в экономике — это

всего лишь отражение хаоса, царящего в умах большинства людей, следствие непродуманности, недопонятости, смещения противоположного и отсутствие личной инициативы. Если мы хотели в 1991 году защитить демократию и радовались подавлению путча ГКЧП, если нам дорога свобода слова, совести, вероисповедания, то почему многие выступают сейчас против частной собственности, в том числе на землю? Ведь без экономической свободы невозможна политическая свобода.

Да полноте! Готовы ли мы к свободе? Может ли каждый из нас взять на себя ответственность за свою судьбу, за судьбу своих детей? Может быть, нам уютнее и легче сносить деспотию нового Сталина, чем строить демократическое общество? То общество, которое мы имеем сейчас, на демократическое не похоже. Мы спокойно отнеслись к разгону Съезда народных депутатов в 1993 году, правда, были робкие возражения некоторых — Явлинского, Казанника… А. Казанник говорил о том, что указ № 1400 неконституционен.

Весной 1994 года А. Казанник подал в отставку с поста Генерального прокурора. Он объяснил, что президент и его окружение в который раз продемонстрировали, что не намерены выполнять требования Конституции, закона, постановления Госдумы и Совета Федерации… «После моей драматической отставки я убедился, что президенту Борису Ельцину нужен карманный, марионеточный Генеральный прокурор, который будет выполнять любые, в том числе и незаконные, указания не только президента, но и каких-то клерков администрации»[106].

Голос А. Казанника не получил поддержки у широкой общественности. Голос Г. Явлинского тоже не нашел пока широкой поддержки. Похоже, что на широкую общественность не действуют доводы разума. А что же тогда действует?

Помнится, истеричные призывы А. Гитлера подействовали на широкую немецкую общественность гораздо сильнее, чем доводы разума. Он всего лишь воспользовался разложением демократии. Он сумел найти поддержку даже среди людей, которые относились к нему с нескрываемым отвращением. Многим тогда казалось, что именно Гитлер в состоянии навести порядок в Германии. И сейчас многие россияне в страстном порыве установить порядок готовы рукоплескать, наверное, самому Пиночету и Муссолини. Размышляя об этом, Григорий Алексеевич пишет:

— Сам по себе нынешний режим фашистским скорее всего не станет, но дорогу открыть в этом направлении сможет, как открыли ее в свое время власти Веймарской республики. И мы не видим другого способа противостоять этой угрозе, кроме

демократической альтернативы экономическому и политическому курсу властей[107].

Мы выбирали Б. Ельцина во многом еще и потому, что боялись реванша со стороны коммунистов, выбирали как антивласть. Но реванш тоталитаризма возможен и со стороны демократически избранного лидера. Вглядитесь, вслушайтесь в свои собственные мысли, идеи, лозунги на протяжении последних лет. Они противоречивы, а порой просто глупы. 1991 год. Москва. Демонстрация. Мальчик и отец несут лозунг: «Капитализм — это жизнь, социализм — это смерть». 1994 год. Москва. Первомайская демонстрация: «Капитализм — это дерьмо». Дальше лозунги и вовсе странные. Весна 1993 года. Москва. Васильевский спуск. Акция в поддержку президента: «Ельцин — моя вторая мама». Меня это не то, что удивляет, а ставит в тупик. Я всегда воспринимала Бориса Николаевича как мужчину, какая же он мама?

В 1989 году Б. Ельцин был избран, пожалуй, не столько за личные заслуги, сколько из-за неприязни многих к Горбачеву. Поддерживали не столько Ельцина, сколько новую власть в противостоянии старой. Эта же дилемма наименьшего зла не потеряла своей актуальности и сейчас. При этом никто, как правило, не обращает внимания на какие-то там идеи, курс, содержание… Черно-белое мышление не дотягивает до осмысления программ, идей. Как говорил Гёте, из-за недомолвок и недоразумений чаще всего происходят войны.

— Война в Чечне, — пишет Г. Явлинский, — в некотором смысле запрограммирована той самой Конституцией, которую самозабвенно и безотчетно поддерживали в 1993 году проправительственные демократы. Нельзя создать объединение против тоталитаризма, уходя от вопроса о содержании того курса, который и несет в себе эту угрозу [108].

Явлинский в отличие от Ельцина идет не в противостоянии кому-то, а сам по себе. Многие политологи считают, что это плохо, дескать, надо, чтобы одного вождя любили, одновременно ненавидя другого. По-моему, объединение людей плодотворно лишь тогда, когда основано на взаимопонимании, взаимоуважении, доверии и тому подобных светлых чувствах. В том же случае, когда люди объединяются в презрении к кому-либо, они всегда будут находиться в плену мелких грязных чувств и убогих мыслей. Многие люди объединились вокруг Ельцина, потому что отшатнулись от Горбачева. Сама жизнь подтверждает, что объединение от противного неплодотворно и творчески бессильно.

Сможет ли объединить людей Г. А. Явлинский? Большинство

населения жаждет порядка, порядка и еще раз порядка. А он говорит о демократии, экономических преобразованиях, частной собственности. Нынешние правители оклеветали демократию, а люди в силу своей человеческой слабости охотно верят клевете, давая выход обиде, злобе, ненависти… Редко, очень редко кто действительно хочет осознать, что же с нами происходит, почему так плохо стало жить и где выход? А может быть, еще не выкристаллизовался социальный идеал, способный вдохновить людей на длительное волевое напряжение, на созидание нового государственного устройства и всего жизненного уклада? Только ведь идеал кристаллизуется не сам по себе, тут нужна творческая работа и интеллигенции, и народа…

Пожалуй, не будет правильным обвинять абсолютное большинство в безразличии и покорности. Отдельные личности все-таки есть. Вспоминается мне в связи с этим одна женщина — экономист. Фамилия у нее запоминающаяся — Могильная. Живет в Пролетарском районе Ростовской области. Много лет проработала на руководящей должности в совхозе, а в 1992 году с первой волной ушла в фермеры. С бухгалтерией своей справляется, налоги выплачивает регулярно. Но мучают ее вопросы по поводу налогообложения. Куда бы ни обращалась, никто не мог дать четкого вразумительного ответа. Искать правду дело нелегкое.

Никто не даст вразумительного ответа и директору школы из Азова и никогда не накажут виновных, потому что в виновных окажутся и высшие органы власти, допустившие все это, и все общество, выбравшее этих правителей и позволившее обманывать себя. Не найдут ответа и шахтеры, хоть бы даже поселились на рельсах и получили «рельсовую» постоянную прописку. Ответ тонет в хаосе, корнями уходящем в сердца людей, недопонимающих, неосознающих…

Ответ есть у Г. А. Явлинского, но его голос не слышат или не хотят слышать.

Виновны в происходящих беззакониях и страшных бедах мы сами, когда, не вникнув в суть дела, отвергаем всякую альтернативу существующему политическому режиму. «Сколь не надувала бы щеки демократическая оппозиция, — пишет А. Усов, — сколь бы ни кричала о «грубейших политических и экономических провалах действующего режима», принципиальной альтернативы правительственному курсу реформ не было и нет. По крайней мере из того, что нам приходится слышать от Г. Явлинского, Б. Федорова, С. Глазьева и др., подобной альтернативы решительно не складывается»[109].

Напрасно Явлинский старался — «складывал» альтернативу

еще с 1982 года, как выяснилось, она не складывается. Складывается только безальтернативный хаос, рост самоубийств, детской смертности и рост небольшой кучки компрадорской буржуазии. Придется всем нам все же научиться складывать альтернативу, иначе будем по-прежнему месяцами и годами ждать зарплату и оплакивать гробики своих детей.

Кто просит о помощи?

1992–1993 годы, пожалуй, были основополагающими в формировании мировоззрения Г. А. Явлинского, в становлении его как политика. Если оглянуться на весь его предшествующий этим годам путь в политике, то увидим следующее. 1989–1991 годы — у Григория Алексеевича есть некоторые разногласия с Горбачевым, Ельциным, но тем не менее он все же является членом одной большой команды. Правда, его добровольная отставка 1990-го года уже намечает некоторый разрыв. Но эта отставка обусловлена больше морально-этическими соображениями, чем политическими разногласиями. Коллега Г. Явлинского Николай Федоров говорил по поводу отставки:

— Через какое-то время он (Г. Явлинский. — *Прим. авт.)* объяснил мне свою позицию. Его аргумент: президент и его окружение допускают не только тактические, но и стратегические ошибки, в команде нарастает кризис нравственности. Он считал, что эти ошибки слишком серьезны и об этом надо говорить открыто, а не поддерживать своим присутствием иллюзии, что эта команда что-то может. Пока же с президентом остаются люди, которым многие доверяют, народ продолжает питаться иллюзиями. Это мешает сделать рывок на следующую ступень с уже новой командой[110].

Во второй половине 1991 года Г. Явлинский активно работает в высших эшелонах власти. Ни о какой оппозиции и речи быть не может. Первые шаги в сторону оппозиции он сделал после того, как было заключено Беловежское соглашение. Тогда Григорий Алексеевич усмотрел в деятельности правителей элементы обыкновенной аферы. Но в то время он высказывался более мягко. Г. Явлинский деликатно сказал, что действуют правители на грани разумного риска, и отошел от них, потому что не мог участвовать в политике, которую не понимал и не разделял.

Очень болезненно пережив кончину СССР, он стал молиться о здоровье России. А в 1992 году констатировал, что грань разумного риска уже давно позади. Тлетворный воздух разложения заставлял российские регионы так же, как еще совсем недавно республики, думать о самоопределении. В «Диагнозе» целая глава посвящена этому вопросу. Причем диалог ведется не с правителями, а с читателем, что само по себе является революционным новшеством. В советское время, да и сейчас тоже народу, как правило, отводится скромная роль статиста, в то время как забота о его благе всегда лежала на плечах атлантов. И хотя Б. Н. Ельцин, на мой взгляд, несколько полноват для роли

атлета, он сумел внушить подавляющему большинству населения, что никто кроме него самого не в состоянии заботиться о народе. Общественное мнение поставило знак равенства между президентом и реформами. Всякий, критиковавший президента, неизбежно получал долю «благородного» гнева толпы. Дерзкого сразу же обвиняли в реакционности, реваншизме, фашизме и т. п.

Однако авторы «Диагноза» дерзнули, но в преамбуле заверили читателя в преданности реформам. «Авторы осознают возможность компиляционного использования критических положений этого доклада антидемократическими силами, выступающими против реформ. Однако это неизбежные издержки любых подлинно демократических преобразований. Настоящая работа, как мы надеемся, может содействовать радикальному совершенствованию деятельности нынешнего российского руководства и никаких других политических целей не преследует».

Но тем не менее «Диагноз», хоть и скрашенный реверансом в сторону Бориса Николаевича, вряд ли вызвал у президента желание совершенствоваться в соответствии с советами Григория Алексеевича и его коллег из ЭПИцентра. Тем более, что против тщательного, скрупулезного анализа нечего было возразить. И дабы Григорий Алексеевич впредь не смущал законопослушных граждан, средства массой информации предали его имя забвению. Если в печати что-то и публиковалось о нем, то, как правило, с неприязнью.

Но уложить Г. Явлинского в прокрустово ложе изоляции так и не удалось. Он писал книги и издавал их у себя в ЭПИцентре. Одна из наиболее важных — «Уроки экономической реформы». В его анализе двухлетнего (1992–1993 гг.) периода реформирования нет эмоций, но есть точная четкая мысль. Нет эмоций негативных в адрес правителей, но есть эмоция, несущая свет. Я бы определила настроение книги, как страстный порыв освободиться от скользких двусмысленностей экономических взаимоотношений, во многом обусловленным ослаблением центральной власти. И хотя книга сосредоточилась только на экономических проблемах, уже отчетливо звучат политические нотки, начало политических разногласий — не морально-этических, не нравственных, а именно политических. (Подробнее: С. 185).

Подходил к концу 1992-й год. В декабре на уже оголодавший народ обрушились отчаянные дебаты VII съезда народных депутатов, вошедшего в газетную летопись под определением «бесовский». На этот раз попытка президента сделать нашу республику президентской не удалась. Не удалась и попытка

принять Конституцию. Еще на VI съезде депутаты Николай Павлов и Илья Константинов обвинили разработчиков Конституции в том, что цель данной Конституции — оправдать Беловежское соглашение.

Но ни эти обвинения, ни «бесовское» неистовство депутатов на VII съезде не устрашили Бориса Николаевича. Он не боялся бесов. И 20 марта 1993 года заявил о введении «особого режима управления». Демократия корчилась в судорогах, и все депутаты разом не могли защитить ее. Г. А. Явлинский в этой ситуации не мог оставаться равнодушным. Тогда, может быть, впервые у него появились мысли о политической борьбе, о власти, о президентстве.

— Есть вещи, — писал он, — которые человек не выбирает. Он не выбирает время и страну, в которой родился, не выбирает родителей. Это так совпадает. Я вижу, что сегодня перед моей страной стоит ряд проблем, без решения которых жить здесь нормально невозможно. И рядом со мной есть профессионалы высочайшего класса, которые уже не один год работают над этими проблемами и готовы их решать. И в то же время люди, которые сегодня находятся у власти, не только ничего не делают для решения этих проблем — они их не видят, не чувствуют, не понимают…

Сначала была попытка им подсказать. Попытка закончилась ничем. Что остается делать? Махнуть на все рукой? Или же сказать: минуточку, раз вы не хотите ничего слушать — мы будем делать все сами. Но чтобы делать это самим, надо пройти весь путь публичного политика. Когда в 1990 году я принимал свое первое решение, я во власть не собирался. Я хотел помогать, участвовать. Но когда я оказался не один, когда рядом со мной был целый коллектив людей, нацеленных на решение ключевых для нашей страны проблем, людей, которые не ушли в бизнес, не уехали за границу, а хотели поправить дело в собственной стране, тогда осталось требовать права самому это делать. Тогда вы выходите к людям и говорите: я хочу сделать то-то и так-то, вот моя политическая биография, вот программа, вот кто я такой. Если вы мне доверите, я буду это делать честно. Если не доверите, значит, это будет делать кто-то другой. Что он будет делать, он вам скажет. Выбирайте[111].

Эти и подобные мысли стали своеобразным рубежом в личностном росте Г. А. Явлинского. Изучив теоретически, испробовав на собственном опыте (а он жил и живет в Москве и прекрасно знает, что такое гиперинфляция и прочие сюрпризы реформ, проводимых Гайдаром, под руководством Ельцина) процесс реформирования, он не отошел, а отшатнулся в

оппозицию. Так уж устроен человек: для того, чтобы открылась в нем новая сила, надо создать противодействие как основу для ее раскрытия. Противодействие было мощным, особенно если вспомнить кровавые октябрьские события. Он запасся еще одной парой белых перчаток, кислородной подушкой, педантично оделся и пошел на выборы в Государственную Думу с вполне определенными оппозиционными настроениями.

Настроения, взгляды, сформировавшиеся в 1992–1993 годы, стали основополагающими для всей его дальнейшей политической деятельности. Однако именно эти годы представляются мне наиболее сложными для описания. Если в предыдущий период он то поднимался на высокий пост, то спускался за свой письменный стол, го выступал перед парламентом… То в эти годы его активность, хоть и стала еще более напряженной, но акцент сместился в неосязаемую область идей, мыслей, в сферу познания и творчества. Пожалуй, кроме нижегородского лета 1992 года и выборов в конце 1993, больше и нет видимых поступков, действий, которые бы можно было анализировать и рассматривать.

Говорить о духовном мире, в котором живет человек, всегда трудно. Наверное, легче было бы описать словами язык музыки или пешком прогуляться на Марс. Но не поняв, какие страсти бушевали в его сердце в эти годы, мы не сможем понять, почему он поступил так, а не иначе в 1994, 1995 и последующих годах. Не сможем понять, почему в декабре 1993 года радостный гомон «яблочников» заглушил хрипатый голос Жириновского, обогнавшего их у самого финиша. Не сможем понять, почему Г. Явлинский долгие годы находится в меньшинстве, почему для многих своих соотечественников он остается «терра инкогнито». Не сможем понять, кто просит о помощи и каким образом Г. Явлинский собирается эту помощь оказать.

* * *

Умерла женщина в городе Лысьва Пермской области. Умерла от постоянного недоедания, хронической усталости, от обыкновенной пневмонии. Оставила мужу троих детей. Он отказался от своих троих детей и ушел на поиски сытой жизни. Приехала родственница, увезла их к себе на Дон. Стала воспитывать одна своих двоих детей и троих сирот. Полгода понадобилось ей, чтобы решить вопрос о выплате пособий трём детям, положенных им по закону. Одному Богу известно, как жила она и чем кормила пятерых детей.

Думает ли она о политике? Поддерживает ли демократию или тоталитаризм? Ей бы хлеба досыта, да чтоб дети не болели, а какое там государственное устройство, какой политический режим… Вряд ли она думает об этом. Но не спешите упрекать ее и подобных ей, путающих слово «рынок» и «базар», в неразумии, в отсутствии политической культуры и тому подобных грехах. Как знать, может быть, на этих неразумных земля держится? Только много ли у них сил? Умирают они, не успев вырастить своих детей. Уж очень трудно стало жить. И им самим, и их детям нужна помощь. Хлеб их горький и соленый, потому что потом и слезами полит.

Сейчас часто говорят об экономическом хаосе, о политической нестабильности, но мало кто вспоминает, что за всем этим слышится чье-то отчаяние, что за эти годы принесены невосполнимые жертвы, которые нечем оправдать. Боль утрат смешалась с надеждой, отчаянье — с верой. Большая пропасть образовалась между правителями и народом. Правители говорят о стабилизации, а народ не понимает их. Народ бунтует, тысячи людей выходят на железнодорожный путь, садятся на рельсы, блокируют движение. Они возмущены не только тем, что им уже два года не выплачивают зарплату, но и унижением своего человеческого достоинства. А правители не понимают их. Можно ли преодолеть эту пропасть?

Язык разума, светлого разума бессилен здесь. Язык чувств слаб и не найдет отзыва. Интуиция тоже бессильна. Пожалуй, лишь молитва, идущая от сердца, сможет преодолеть пропасть и будет повторяться из уст в уста, придавая хаосу очертания осмысленности.

Люди, погруженные в сиюминутные проблемы выживания, подчас не понимают происходящих перемен и не могут правильно реагировать на них. Полоснула молния августа 1991 года, заставив многих вздрогнуть в испуге, но мало кто понял истинный смысл произошедшего. Молния октября 1993-го года и вовсе оставила многих людей равнодушными, хотя именно тогда решался наиважнейший вопрос, определивший судьбу демократии в России. Нерв политической жизни, проходящий наверху, в верхних эшелонах власти и замкнулся. Большинство населения осталось безучастно к судьбам своих избранников — народных депутатов. Их не то, чтобы не поддержали, их просто не поняли.

Можно долго рассуждать об утрате инстинкта самосохранения, об утрате веры, об отчуждении народа от своих правителей. Можно даже обозвать весь народ, как это делают западные и американские исследователи, шариковыми и

швондерами… Грязное дело — дело нехитрое. Куда труднее найти общий язык с людьми, вдохновить их не популистскими лозунгами, но идеей истины и увлечь за собой. Все эти упреки в адрес народа, рассуждения об отсутствии лидера, о том, что надо ждать несколько поколений, очень напоминают мне диалог воронов:

Ворон к ворону летит
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где нам пообедать,
Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый»…

Рановато нас еще хоронить. Я верю, что у народа есть еще творческие силы, есть вера и Бог. Я знаю, что есть и лидеры. И не перевелись еще богатыри на русской земле. В той темноте, которая сгустилась над страной, где бесправие и беззаконие стали нормой, где деньги с откровенной наглостью заняли место святыни, ориентироваться надо духовным зрением. И оно есть у многих людей. Есть духовное зрение у женщины, воспитывающей пятерых детей, есть духовное зрение у шахтеров, требующих защиты своих человеческих прав. Есть оно у врача, который, не получая зарплату месяцами, продолжает лечить людей бескорыстно. Есть оно у учителя, работающего за чисто символическую плату, да и ту получает через раз, потому что надо работать, потому что дети пришли на урок и ждут… Дерзну сказать, что есть духовное зрение и у Явлинского, который говорит:

— Надо слушать шаги Господа и следовать за ними.

Он много говорит о демократии, об экономических реформах, но, может быть, наиболее ценное из всех его программных заявлений следующее:

— Мы боремся не с коммунизмом, мы боремся с бедностью.

В 1992 году он сравнивал свои первые шаги в политике с прогулкой босиком в туалете. Наверное, ему самому это показалось наивным, когда якобы случайно загорелся пожар в его родном ЭПИцентре; когда во время президентских выборов 1996 года анонимные телефонные звонки требовали от него снять свою кандидатуру, угрожая жизни его детей.

Как известно, шапка Мономаха тяжела. Не тяготит она только голову кесаря. Так уж устроен человек, что держит в сердце

своем, то и исполняется. Ты можешь сколько угодно повторять фразу: «Все для блага России», но если в тайниках души гнездятся помыслы о славе и богатстве, то славу, богатство и получишь, потому что кесарю кесарево. Если душа твоя до самых глубин, вся насквозь чиста и действительно все помыслы о судьбе родины, то никто не сможет помешать тебе. Каким обернется Явлинский? Злодеем, святым?

А может, исчезнет, сойдет с политической сцены? Сейчас только одно могу сказать определенно. Если сердце его чисто и исполнено поиском истины, а не личной выгоды, то рано или поздно он будет услышан и уже не меньшинством, и не большинством, а всеми.

Почему так трудно стало жить?

Приближался 1993 год. На посту премьер-министра находится В. Черномырдин. В начале его деятельности многие возлагали на него большие надежды. В газетах писали, что «новое назначение в российском руководстве должно прибавить энергии всей стране»[112]. Однако процесс реформирования был все так же абсурден, как и в начале пути. Население потуже затягивало пояс. Депутаты перешли на стихи и вместо прозаических поисков выхода из кризиса, то и дело цитировали: «Умом Россию не понять». Противостояние между парламентом и президентом нарастало, приближаясь к своему кровавому апогею.

У большинства населения постепенно накапливалась усталость от митингов и им подобных массовых мероприятий. Коммунисты осенью 1992 года пытались провести референдум против отпуска цен. Не состоялось даже первое собрание — пришло мало людей. Еще совсем недавно в январе этого же года на Манежной площади в Москве собирались тысячи людей с экономическими требованиями, с обвинениями в развале СССР. По поводу СНГ можно с определенностью сказать лишь то, чем оно не стало. СНГ не стало военным блоком, не стало единой страной, не стало единым правительством, не стало экономическим союзом. Чем оно стало, трудно сказать и сейчас.

Лето 1992 года началось попытками создать коалицию демократических сил России в поддержку реформ, президента и правительства. Соответственно, народных депутатов Верховного Совета общественное мнение записывало в антидемократы. Поводом для этого служило то, что Верховный Совет отвергал государственную программу приватизации, впоследствии переименованную народом в «прихватизацию», и запрещал правительству регулировать цены на энергоносители. Кроме того, никак не могли принять сам проект закона о правительстве.

Пока парламент и президент решали вопросы приоритета, активность некоторых граждан приобретала весьма неприятный привкус. В середине июня возле телецентра «Останкино» вырос палаточный город: проводили акцию по русификированию эфира. А 22 июня возле того же «Останкино», возле Рижского вокзала и Манежной площади провели манифестацию национал-коммунисты. Раздавались призывы к всеобщей политической забастовке.

Кризис власти, порождавший все эти явления, все более углублялся. Не было единства во взглядах на то, как надо проводить реформы. Ельцин бросал парламенту обвинения в

отказе от реформ. А Руцкой возражал, что «тактика российских реформ нуждается в срочной корректировке»[113]. Интеллектуальные споры по этому поводу, проходившие на VI, VII и последующих съездах народных депутатов, судя по стенограмме, были очень похожи на перебранку нашего ростовского рынка, только у нас на Дону это звучит естественно.

Читая стенограммы съездов, я часто вспоминала не менее жаркие споры между представителями бывших союзных республик об Экономическом сообществе. Они все же сумели договориться и прийти к единому мнению, завершившемуся подписанием договора. Но тогда многоголосым хором дирижировал Явлинский. Он никогда не использует в своей речи непереводимых оборотов, которыми грешили депутаты, не стучит кулаком и очень редко повышает голос. Но он обладает даром убеждения, умеет, как говорил один из его друзей еще по детскому саду, генерировать идеи и не переносит скуку. А перебранка съездов или как их иначе назвал А. Шаранов из «Российской газеты», политическое токовище, было до тошноты скучным, совершенно неплодотворным и опасным. На VI съезде все дебаты оказались напрасны и ни на йоту не изменили статус-кво президента или парламента. Это больше было похоже на игру в испуг. Кто первый испугается, тот и проиграл. Не было конструктивных, объединяющих идей. Тех самых идей, которые способен выдавать Г. Явлинский. Но здесь есть маленький нюанс. Парламент и президент были в большей степени озабочены не столько проблемами страны, сколько личными проблемами о первенстве: кто главнее, где будет центр принятия решений. Наверное, в таком аспекте и не могло быть объединяющих идей? Григорий Алексеевич, когда согласовывал с представителями республик вопросы будущего Экономического сообщества, думал не о собственных выгодах, а о союзе. Не потому ли до сих пор многие вспоминают идею Экономического сообщества как самую оптимальную для выхода из кризиса:

— Нет нужды изобретать велосипед. Союз должен строиться на принципах Европейского экономического сообщества. Есть для этого и необходимый пакет документов. Автор их Григорий Явлинский и его команда. Как вы помните, к концу 1991 года Григорий Алексеевич разработал Договор об Экономическом союзе суверенных государств, тогда еще в рамках СССР. К Договору прилагалось почти тридцать соглашений. И все это мы подписали, собравшись в Кремле, между прочим и Украина. Так стоит ли теперь от этого отказываться лишь потому, что все это делалось прежде, чем появился на свет СНГ. А если бы нам удалось еще уговорить Григория Алексеевича Явлинского возглавить наш

экономический союз — вот тогда бы мы действительно многого добились[114].

В Явлинского верили и тогда, и сейчас верят. Верю ему и я. В те первые годы реформ — 1992–1993 и с экрана телевизора, и через газеты всем нам внушали, что страна переживает якобы болезни роста, надо немного потерпеть и скоро все стабилизируется. Григорий Алексеевич в книгах «Диагноз», «Уроки экономической реформы» и других ясно давал понять, что речь идет не о болезнях роста, а об агонии умирающего. Говорил он это очень вежливо, осторожно, чтобы не поранить болезненное самолюбие правителей. «Если бы кто-то сказал Дэвиду Юму или любому другому экономисту его масштаба о том, что нация может быть готова отказаться от всей своей промышленности ради того, чтобы осуществить переход к рыночной экономике, он, наверное, счел бы этого человека сумасшедшим»[115].

В то время, когда общественности внушали, что другого пути нет, что надо терпеть, за рубеж активно перекачивались ценности, принадлежащие всему обществу. Тем не менее президент Б. Ельцин имел поддержку у населения. У социологов вошло в обиход выражение «резерв Ельцина». Это люди, которые не за Ельцина, но и не против него. Многие, расценивая деятельность Ельцина отрицательно, боялись номенклатурно-партийного реванша. По их мнению, новые лидеры, способные соперничать с Ельциным в демократических преобразованиях, не появлялись на политическом горизонте. «Независимая газета» ежемесячно публиковала список 100 ведущих политиков, среднемесячная ротация составляла примерно 12 человек. Большой популярностью пользовался А. Руцкой.

Г. А. Явлинский не имел высокой должности, где он был бы заметен, не был депутатом, не входил ни в какую партию. И все же его имя приковывало к себе внимание общественности. Ведь прогноз, который он сделал в «Диагнозе», подтвердился.

В декабре 1993 года интеллигенция составила ядро электората Явлинского. В основном это были люди, которые раньше голосовали за Ельцина, которые ни при каких условиях не стали бы голосовать за Зюганова и, скорее всего, колебались, оценивая возможности Е. Гайдара.

Может быть, это очень условно и спорно, но на мой взгляд, «Диагноз» и последовавшие затем «Уроки экономической реформы», а также весь предыдущий путь Григория Алексеевича сыграл большую роль в формировании его электората. Поэтому я позволю себе остановиться на «Уроках экономической реформы», на обзоре его идей подробно.

В этой книге Григорий Алексеевич анализирует процесс

реформирования 1992–1993 годов. И хотя она написана с преобладанием экономических терминов, читается легко и понятно, потому что поднимает весьма болезненные вопросы повседневности. Вопрос о том, можно ли нашу экономику вывести из кризиса, — это отнюдь не праздный вопрос. Кризис экономики — это задержка зарплаты и пенсии, безработица и бедность. Реформы, определившие нынешнее тяжелое состояние экономики, начинались в 1992 году. Именно тогда закладывался фундамент нового построения, которое даже условно домом не назовешь, уж очень оно неуютное и кособокое. В те годы все мы были шокированы гиперинфляцией. Цены росли не по дням, а по часам, и от этого страдали все. Сейчас от гиперинфляции наизнанку страдают шахтеры, работники бюджетной сферы… Для того чтобы правильно осмыслить такое «беззарплатное» положение вещей, надо вернуться к 1992 году и понять причину, из-за которой очень многим стало так плохо жить. Причина, пожалуй, не в том, что где-то в правительстве или в команде президента появился краснеющий Альхен из дома престарелых, описанного в известном романе Ильфа и Петрова. Никто шахтерские деньги не ворует, их просто нет. А почему их нет? Ведь люди работают, те же шахтеры добывают уголь, кто-то за него платит. Или не платит? Потому что «весь подход к реформам с чисто экономической и профессиональной точки зрения был провалом от начала и до конца», — объясняет Г. А. Явлинский.

— *Подход по типу шоковой терапии ставит своей задачей, чтобы экономические агенты сразу, в один день начали сами строить новую экономику. Это — идеологическая догма, сохраняющая в наших условиях все многочисленные реликты бюрократического регулирования, которые остаются законсервированными в экономической практике именно в силу того, что правительство с самого начала пытается полностью освободить себя от экономического регулирования процесса трансформации. Появляющийся в результате этого вакуум немедленно заполняется чем-то, что зачастую еще хуже, чем прежние органы управления*[116]. Нашу экономику Григорий Алексеевич определил не как плановую и тем более не рыночную, но постплановую, предприятия — постгосударственные. В первой части книги он дает характеристику происходящим процессам, анализируя понятия собственности, искажения в относительных ценах. Во второй — дает рекомендации, в соответствии с которыми можно было бы изменить положение к лучшему. Кстати, «друзья» Г. Явлинского часто обвиняют его в том, что он может лишь критиковать. Наверное, они не нашли времени для чтения его книг. В «Уроках экономической реформы» ясно и четко

расписаны его предложения, которые и сейчас не утратили своей актуальности. Первое — структурная и институциональная перестройка, решение вопроса о собственности: второе — демонополизация экономики, земельная реформа; третье — условия экономического роста на основе, совершенно отличной от той, которая существовала в плановой экономике; четвертое — отказаться от модели, предназначенной для малых открытых экономик, внедряемой МВФ; пятое — выходить из кризиса совместными усилиями России и бывших союзных республик. Беда в том, что далеко не всякий сразу сможет понять, что имеется в виду, когда говорят об условиях экономического роста. Это очень большой круг вопросов: и усиление роли государства, и ревизия законодательства, и приватизация, проводимая гласно на открытых аукционах; и новый налоговый кодекс, сориентированный на поддержку малого и среднего предпринимательства… Не всякий сможет понять, что значит отказаться от модели, внедряемой МВФ. Альтернативу, предлагаемую Григорием Алексеевичем, нельзя вместить в одну фразу, это комплекс мероприятий, выводящих страну из экономического кризиса. И тем более нельзя «спускать» его идеи к примитивизму, подстраиваясь под непосвященных. Мне очень хочется, чтобы эти поистине мудрые мысли стали предметом всеобщего обсуждения. Но это требует высокой культуры и желания понять.

В программах и идеях других экономистов, партийных лидеров действительно больше критики и, как правило, нет конструктивных предложений. Это в большей степени эмоциональные всплески, перечисление бед и невзгод, обрушившихся на нашу страну. Я не против эмоций. Но, когда одни эмоции и никаких мыслей по поводу выхода из кризиса, то…

У Г. А. Явлинского есть объективный анализ прошлого, нынешнего состояния экономики и показано возможное направление, выводящее из хаоса.

Я не могу и не хочу пересказывать его идеи, мысли своими словами и тем более не хочу их толковать. Каждый должен сделать это самостоятельно в меру своих сил. Каждый возьмет столько, сколько сможет. Поэтому я позволю себе, может быть, даже слишком большую цитату, но иначе я не могу Это идеи основополагающие, их нельзя обойти вниманием, если я действительно хочу понять сама и рассказать другим, кто такой Григорий Алексеевич Явлинский. Я очень хочу, чтобы читатель прочел их с таким же вниманием, как и я, чтобы потом перечитывал не один раз, обдумывая каждую фразу. Эти идеи

указывают, пожалуй, единственно возможный путь выхода из кризиса и объясняют, почему нам стало так плохо жить.

Еще 250 лет назад основатель монетаризма Дэвид Юм писал, что народ, который хочет добиться порядка в финансах, должен прежде всего заботиться о промышленности. Правительство Гайдара, а затем и Черномырдина делало и продолжает делать все наоборот.

Искусственно сдерживая падение курса рубля, правительство инициирует падение промышленного производства. Ради снижения инфляции не платит предприятиям за заказанную и уже произведенную продукцию. Чтобы не увеличивать дефицит бюджета, правительство сокращает государственные инвестиции, не занимается структурной перестройкой экономики, которая могла бы дать шанс жизнеспособным предприятиям.

В 1990 году, когда шла работа над программой «500 дней», при декларированной поддержке ее М. Горбачевым и Б. Ельциным у нашей страны была возможность предотвратить кризис и за полтора года заложить основы рыночной экономики. В начале 90-х годов Россия имела несколько козырей, которые могла использовать в борьбе за свои реформы. Одним из них была государственная собственность. Передавая ее гражданам за накопленные ими средства, можно было «снять» пресловутый инфляционный навес. Сегодня эта собственность распределена.

Второй резерв — это природные ресурсы, прежде всего нефть и газ и разница в мировых и внутренних ценах на них. Сегодня цены на ресурсы постепенно приближаются к мировым.

Третье — это иностранные кредиты. Однако поскольку курс доллара в нашей стране падает, а размер нашего долга достиг стоимости российской собственности за границей, что является «страховкой» Запада он неуплаты долгов, мы не можем не только эффективно использовать кредиты, но и рассчитывать впредь на серьезную западную помощь.

Итак, время упущено и сегодня Россия не имеет простых путей выхода из кризиса. Тем не менее мы уверены, что Россию можно вывести из экономического и политического тупика в течение 5-10 лет. Но для начала мы должны отказаться от навязчивой идеи «финансовой стабилизации любой ценой». Главной задачей мы считаем проведение институциональных и структурных изменений в экономике при относительно стабильной и прогнозируемой денежной политике.

Для предпринимателей приемлемым уровнем инфляции является 5—10 % в год. Когда экономика переходит этот рубеж, на первое место выходит фактор стабильности. Инвестору в этом случае гораздо важнее, чтобы правительство открыто

заявило о реальных темпах инфляции, признало, что может удержаться на уровне, например, 5—10 % в месяц, но зато ответственно гарантирует его устойчивость.

При таких условиях можно начинать проведение структурной реформы экономики: поддержать эффективные производства, начать процесс цивилизованных банкротств нежизнеспособных предприятий, процесс демонополизации, заняться проведением полномасштабных реформ — рынка труда, доходов, приватизацией для создания эффективных собственников, то есть тех, у кого есть реальные средства и заинтересованность в реконструкции и развитии производства.

Как получить инвестиции?

Реформы стоят дорого и правительство, экономя, приостановило движение в этом направлении с середины 1992 года. Те же усилия, которые предпринимаются, осуществляются за счет неотложных нужд россиян: массовой невыплаты зарплат, экономии на образовании, здравоохранении, за счет кредитов западных стран — «в долг», который придется отдавать нам и нашим детям.

В экономической политике правительства прослеживается только одна мысль — в условиях высокой инфляции невозможно оценить экономическую эффективность долгосрочных инвестиций, поэтому только финансовая стабилизация может привлечь капиталовложения в нашу экономику для продолжения реформ.

Мы предлагаем иное решение — для того, чтобы на предприятия пришли «свободные деньги», чтобы чужие деньги работали на наши интересы, мы начинаем с реформы инвестиционного законодательства. Закон «О соглашениях о разделе продукции», который принесет российской экономике миллиардные долларовые и триллионные рублевые вложения, был разработан фракцией «ЯБЛоко», которая добилась его принятия парламентом.

Поскольку в настоящее время большую часть экспорта у нас составляют природные ресурсы, то благоприятный инвестиционный режим для наших и иностранных предпринимателей в этой сфере может привлечь коммерческие кредиты с Запада, например, в добычу нефти и газа (причем, в самые труднодоступные месторождения) — до 7 миллиардов в год — больше, чем после многочисленных просьб на жестких условиях Россия получила в долг в этом году от Международного валютного фонда.

Особенно важно, что значительная часть доходов в соответствии с законом остается в региональных бюджетах. Таким образом регионы получают реальную возможность зарабатывать сами, а не быть вечными просителями центральной власти.

Проводимая разработка труднодоступных залежей обеспечит спрос на нефтяное оборудование, производимое российскими предприятиями, приостановится спад в машиностроении, облегчится проблема неплатежей, увеличатся доходы федерального и регионального бюджетов, а это означает создание новых рабочих мест и достойную зарплату, которая будет выплачиваться в срок… И для этого не нужно ждать финансовой стабилизации.

Остановить рост цен

Для безудержного роста цен в нашей экономике есть очень серьезные причины. Прежде всего — очень высокая степень монополизма, стимулирующая инфляцию: транспорт, энергетика, связь предлагают потребителям свои услуги, являясь фактически монополистами рынка. Освобождение цен в стране с монопольной экономикой создало для них тепличные условия, и сегодня поднимают цены на свои услуги как им угодно. То есть монополисты продолжают «оставаться на плаву», прежде всего за счет потребителей, возлагая на них еще один необъявленный налог — монопольную прибыль.

Линия правительства фактически сохраняет монополизм — в результате политики «шоковой терапии» останавливаются не только слабейшие предприятия, но и те, кто потенциально мог бы составить конкуренцию, хорошо живут не просто сильнейшие, а сверхмонополисты.

При этом правительство не выдерживает свою линию до конца и подкармливает предприятия, не давая им закрыться. В результате сегодня мы имеем сильнейшую скрытую застойную безработицу и миллионы работников с минимальной заработной платой, на которую невозможно прожить.

Для того, чтобы мы могли контролировать рост цен, нам потребуется 2–3 года упорной работы по изменению структуры экономики и отношений собственности, и только в результате системной длительной политики, с помощью ряда мер, в том числе непременно с грамотной организацией банкротства, о необходимости которых мы говорим с 1990 года, применяя бюджетные и кредитные ограничения (но не только их как

сегодня), мы будем в состоянии контролировать рост цен. Долгосрочного снижения темпов инфляции не достичь за 4–5 месяцев, болезнь будет лечиться долго, несколько лет. Зато мы можем вылечить ее окончательно.

И еще. Самое прямое отношение к росту цен имеет доверие правительству. Нам дорого стоят «инфляционные ожидания», стремительно разрастающийся теневой бизнес, неплатежи, концентрация предпринимателей в сфере финансовых спекуляций и множество других последствий неверия к возможностям исполнительной власти «удержать штурвал». Без доверия остановить инфляцию невозможно в принципе, а можно только мучить людей.

Приватизация: не через ваучеры, а по-людски

Нет никаких сомнений, что ваучерная приватизация была мероприятием политически вредным, потому что большинство граждан чувствуют себя обманутыми, и экономически бессмысленным. Экономически эффективная (а не жульнически-политиканская) приватизация проводится с двумя целями: чтобы предприятия получили управляющего, который умеет и хочет работать в сложившихся условиях, и средства на проведение реорганизации. Ни того, ни другого не произошло.

С 1991 года команда Явлинского говорит о порочности предложенной России системы. В результате «ваучерной приватизации» собственность оказалась фактически поделенной между директорами, государственными чиновниками и бандитами, произошло разворовывание предприятий, спад производства очень велик, инвестиций нет, российские капиталы уходят за границу, открытой остается проблема правового и социального признания новых собственников.

И тем не менее мы против какого бы то ни было административного передела собственности. Собственность неприкосновенна, — нарушить это правило не вправе никто. Сегодня «черный передел» может привести к большой крови. Да и кто поручится, что новое распределение будет справедливее первого? Приватизация должна быть лишена духа конфронтационности — другого пути успешного продвижения ее стратегических целей нет и быть не может. Поэтому нужно аккуратно приступать ко второму этапу — «поштучной» приватизации с переоценкой стоимости недвижимости, инвестиционными конкурсами, контрактами с управляющими, которые должны подготавливать предприятия к торгам, с

демонополизацией и множеством других мер. Такая программа для Москвы была разработана рядом депутатов «ЯБЛока».

Проект «Московская приватизация» рассчитан прежде всего на привлечение инвестиций на предприятия. Собственность должна отходить на конкурсной основе к тем, кто может выделить наибольшие средства в реорганизацию производства, кто лучше других может поставить предприятие на ноги. Что это будет означать для граждан? Развитие производства, регулярно выплачиваемую зарплату, на которую можно жить, и новые рабочие места.

Кроме того, «ЯБЛоко» уверено, что значительная часть неэффективности предприятий лежит в сфере управления. Именно поэтому «яблочная» программа приватизации не предусматривает банкротства с массовыми увольнениями. Уже с этого года можно было бы приостановить закрытие части предприятий, сокращение работников.

Представители Госкомимущества имеют право «опасаться», что «яблочный» проект «не сработает». Однако то, что предлагают они, не работает уже сегодня — в первом полугодии 1995 года приватизация принесла стране доходов в сто раз меньше, чем обещало само же правительство. Нет и намека на решение проблемы доходов, вопроса об инвесторах, а ГКИ, пытаясь любой ценой выполнить обязательства перед бюджетом, продолжает распределять собственность за бесценок.

Хотим платить налоги

Налоговая реформа — вопрос специфический. Мы, обычные граждане, исправно и добросовестно платим налоги. Проблема заключается в предпринимателях.

Здесь налоговая политика правительства зашла в тупик: за первое полугодие 1995 года налогов поступило в 2,5 раза меньше, чем планировалось. Доходы собираются за счет инфляции, предприниматели не верят правительству и используют все законные и незаконные средства для уклонения от уплаты налогов.

Правительство, поняв, наконец, бессмысленность дальнейшего повышения налогов, предложило Госдуме провести в 1995 году «налоговую реформу». Смысл правительственных предложений состоял в том, чтобы перенести налоговое бремя на тех, кто не желает или не может «уйти» от уплаты, и повысить те налоги, от уплаты которых сложнее уклониться.

Сегодня правительство собирает налоги только с государственных и в том числе с уже «лежащих» предприятий,

которым некуда деться, — у них все счета в банке, они «на виду». Те же, кто имеет реальные средства, уходит от налогов в силу того, что находятся не в зоне контроля, а «в тени», и никаких попыток «оседлать» их не предпринимается.

Возникает замкнутый круг. В него попадают прежде всего предприятия-гиганты, которые и так находятся в бедственном состоянии. С них берут налоги, которых на покрытие расходов бюджета все время не хватает; приходится постоянно повышать ставки; более высокие налоги платить еще труднее, дефицит растет и разваливает бюджет. Рано или поздно это приводит к очередному скачку налогов. Так и будет до тех пор, пока главной целью останется балансировка бюджета на бумаге.

По существу вопрос абсолютно ясен: больше доходов можно собрать за счет увеличения числа налогоплательщиков, но для этого налоговый пресс должен стать неразорительным. Общая сумма налогов должна быть не больше 30–35 %. Нет сомнений, что большинство предпочтет тогда работать в легальном режиме, платя в разумных пределах, нежели скрываться и утаивать доходы.

В целом же, налоговая политика должна быть гибче. Например, предприятия, способные выпускать продукцию, цена которой на мировом рынке в десятки раз превышает стоимость сырья, из которого она изготовлена, можно временно вообще освободить от уплаты налогов и таможенных пошлин.

Это решает сразу несколько проблем: мы производим высокотехнологичную продукцию, следовательно нам снова нужны конструкторские бюро, опять нужны инженеры, а следовательно, и вузы, значит можно решать проблемы студентов… Так начнет раскручиваться цепочка проблем.

Выкладки по вкладам

Защита вкладов населения — не поощрение страсти к накопительству, а одно из основных условий устойчивости государства. Помимо того, что вклады населения являются очень важным источником инвестиций, они представляют собой «индикатор» доверия людей к власти: доверяют граждане политикам — несут свои «кровные» в банк, нет — держат их в чулке или в «зеленых».

Для того чтобы заработать доверие, власти надо потрудиться и доказать, что на нее можно рассчитывать не только в ближайший месяц до введения очередного «рублевого коридора», но и на многие годы вперед. Наше правительство немало

сделало, чтобы разрушить существовавшее доверие.

Первый раз людей ограбили, обесценив в одну ночь сбережения в Сбербанке. Затем наступила короткая, но памятная эпоха финансовых спекулянтов, которые при полном попустительстве со стороны государства строили «пирамиды» из денег доверчивых и пока еще плохо разбирающихся в законах рынка россиян. Когда же загнанные в угол люди стали обменивать свои откладываемые «про запас» рубли на доллары, чтобы хоть как-то защититься от инфляции, государство дало им по рукам, обеспечив падение доллара на внутреннем рынке. Люди у нас всегда оказываются «крайними».

Программа «500 дней» предполагала расчет госсобственностью с гражданами по сбережениям. Сегодня мы считаем, что правительство обязано обеспечить финансовую безопасность граждан: взять под жесткий государственный контроль работу всех негосударственных финансовых институтов, привлекающих вклады населения; ввести систему государственного лицензирования на право привлечения вкладов населения; отслеживать и публиковать «черные списки» ненадежных компаний; незамедлительно принимать решительные меры к организациям, нарушающим установленные правила работы по вкладам населения.

Мы не можем обещать вам вернуть деньги, украденные бесчисленными «пирамидами». Но если мы будем властью, мы сделаем все, чтобы ни они, ни государство не смогли вас обмануть.

Что делать на селе?

Положение крестьянства сегодня едва ли не самое тяжелое в огромной степени из-за того, что у правительства нет никакой сельскохозяйственной политики, кроме линии на выдачу госдотаций.

Сегодня заботу о крестьянах «монополизировала» Аграрная партия. Эта — правительственная партия, лучше всех представленная в Кабинете. Именно ее члены определяют линию правительства в решении сельскохозяйственных вопросов. Но заботятся они не только о крестьянстве. Чтобы понять это, достаточно спросить крестьян: сколько из выделенных средств они получили? Деньги, которые аграрии регулярно выбирают из бюджета, оседают в коммерческих банках, которые распоряжаются ими по своему усмотрению.

Основные проблемы села сегодня, с нашей точки зрения, заключаются, во-первых, в губительном для крестьян дисбалансе

цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию и услуги. Во-вторых, в том, что центры по переработке сельскохозяйственного сырья монополизированы и находятся во владении не крестьян, а третьих лиц, которые и диктуют монопольные цены. Все это делает работу крестьян нерентабельной. В результате сегодня уровень импорта продовольствия очень высок, а российское крестьянство теряет рынки сбыта.

Наконец, ничего не делается для того, чтобы создать крестьянству условия для обеспечения цепочки реализации продукции: по ее хранению, транспортировке и т. д. Раньше этих проблем не было: собирали урожай солдаты или студенты, как он хранился, куда сдавался, как перерабатывался, крестьян не касалось. Сегодня крестьяне не готовы брать землю потому, что не видят возможности реализации своей продукции.

Мы считаем, что все средства, которые предполагается выделить сельскому хозяйству из федерального бюджета, должны быть сконцентрированы в единой федеральной целевой программе «Продовольствие», которую следует принять специальным законом. Ее смысл не в бесконечном вливании в аграрный сектор, а в максимальном стимулировании и частичном гарантировании со стороны государства частных инвестиций в сельское хозяйство. Как и в других отраслях народного хозяйства, наша задача в том, чтобы те, у кого есть деньги, захотели вкладывать их в сельское хозяйство.

И еще. Мы должны подчеркнуть: Россия — огромная страна с различными условиями, традициями и опытом работы в разных регионах. Где-то люди хотят собственности на землю, где-то создание фермерских хозяйств неэффективно с политической точки зрения. Поэтому подходы и пути решения проблем в этой сфере, начиная с вопроса собственности на землю, должны быть гибкими, разнообразными и конкретными.

Самоуправление — это мы с вами

Когда руководители нашего государства выдвигают в своих программах такие разумные и важные идеи, остается только спросить: зачем же вы откладываете выборы, отчего не «исправляете положение», не «делаете на практике», не «поощряете», все уже заждались!

Местное самоуправление — это мы с вами: домовые и родительские комитеты, сельские сходы; это мы — граждане-соседи по кварталу или селу, если хотим решить проблемы нашей

повседневной жизни. Если мы хотим, чтобы в нашем районе были ровные дороги, в наших подъездах чистота и порядок, чтобы в нашем квартале люди чувствовали себя в безопасности.

Теоретически главное назначение самоуправления состоит в преодолении взаимного отчуждения государственной власти и общества, а практически в возможности людей самим решать часть своих проблем так, как они хотят и понимают их. Мы прагматики: самоуправление существует, если его исполнительные органы могут решить конкретные вопросы, например, чтобы в каждом подъезде горела электрическая лампочка.

Поэтому мы считаем, что строительство «здания» системы местного самоуправления следует начинать с экономики, с создания грамотной экономической схемы, которая предполагает наличие у самоуправления собственных финансовых средств. Решение экономических проблем может дать толчок развитию системы самоуправления.

И первой задачей для органов местного самоуправления должно стать завоевание доверия людей. Если добиться доверия, можно рассчитывать и на то, что граждане сами начнут отчислять необходимые суммы на общественные нужды.

Наконец, еще одно и самое важное. В России сосуществует огромное количество разнообразных традиций, в нашей стране нельзя всех «грести под одну гребенку». В каждом из регионов в зависимости от конкретных условий может быть создана своя, уникальная система самоуправления.

Может и должна быть создана, потому что без этого построение сильного государства и улучшение жизни — невозможно.

Армия:

радость, а не боль

Каждый год при рассмотрении бюджета проблема военных расходов представляется непреодолимой. Между тем, затевая операции, подобные чеченской, Россия никогда не избавится от дефицита военных ассигнований.

Ситуация сложная: у нас нет денег, чтобы содержать армию в ее нынешних размерах, но и нет средств для того, чтобы сократить ее и передислоцировать в соответствии с новыми задачами. Поэтому сегодня важно абсолютно реалистично определить набор задач, перво-наперво необходимых для обеспечения безопасности государства, и целенаправленно

финансировать конкретные программы, ориентированные на реформирование армии.

Мы считаем, что ключевое значение в ближайшие годы будут иметь стратегические ядерные силы и прежде всего войска ракетно-стратегического назначения, потому что Россия в любом случае должна сор Григорий Явлинский хранить свой ядерный потенциал и способность исключить попытку ядерного удара по своей территории.

Вторым направлением является укрепление пограничных войск. Защита наших тысячекилометровых рубежей — важнейший вопрос внутренней стабильности: экономической, криминальной, демографической.

Третья задача состоит в создании такой армии, которая потенциально готова в случае необходимости вести одновременно несколько крупных операций по защите своей территории. Здесь главный упор должен быть сделан на укрепление ВВС и мобильных сухопутных сил.

Именно исходя из этих приоритетов «ЯБЛоко» выступало с поправками к законопроектам бюджетов -94, -95. И мы категорически не согласны с обвинениями в наш адрес о якобы антиармейских настроениях. «ЯБЛоко» стоит на проармейской позиции, почему и выступало против ввода войск в Чечню: эта операция, неподготовленная ни с военной, ни с политической точек зрения, нанесла престижу армии колоссальный урон, не говоря уже о гибели едва подготовленных солдат-подростков и мирных жителей.

Сконцентрировавшись на вышеуказанных направлениях, можно сделать соответствующие виды войск эффективными и оснащенными самой современной техникой. Но прежде всего нужно приложить все усилия, чтобы обеспечить материально наших военных, которые несут очень тяжелую службу. Им не должно быть стыдно перед своими семьями, согражданами и коллегами из других стран.

С другой стороны, офицер должен знать и помнить, зачем он служит, и верить в эти цели. Нужно, чтобы его жена могла гордиться тем, что она замужем за военным. Наши же правители до сих пор не поймут, что этого невозможно добиться, используя армию для достижения крайне сомнительных внутриполитических целей: перед армией изначально стоят другие задачи.

Основой реформы армии должна стать выработка внешнеполитической доктрины России. Только после этого можно начать разработку военной доктрины и программы развития ВПК. Улучшение положения в армии начнется только при радикальном изменении экономической, бюджетной политики и перехода к

реальной военной реформе.

Неопределенность целей, задач, будущего военных, безденежье армии, произвол властей, неуважаемое командование, утвердившиеся в армии порядки, из-за которых многие бегут от военной службы, как от тюрьмы, — сегодняшняя боль России. А нашей стране, которая не может быть членом какого-либо военного блока, с ее протяженными границами и крайне непредсказуемыми соседями всегда будет нужна сильная и современная армия. Это геополитический императив России как великой космической и ядерной державы.

Здоровое общество

Возрождение науки, уровня образования и культуры общества занимает долгие годы, хотя эти области более других устойчивы в кризисные периоды. Сегодня мы находимся как раз в такой ситуации. Поэтому наша основная задача — хотя бы сохранить в этих сферах то, чего Россия достигла за время советской власти и еще не успела растерять.

Прежде всего это касается образования. Долгосрочные социально-экономические и политические реформы бессмысленны и неосуществимы, если мы не сможем дать нашим детям современное образование. Мы должны полностью обеспечить финансирование бесплатной средней школы.

Средства должны быть потрачены не только на ремонт и оборудование, учебники и компьютеры, но прежде всего на то, чтобы вернуть уважение к труду учителя. Ни для кого не является секретом, с чего следует начать процесс: чтобы молодые талантливые люди не бежали из школы, учитель должен иметь высокую зарплату, чтобы покупка книг и путешествия не были для него неисполнимой мечтой.

Правительство должно разработать, а парламент принять программы финансовой, налоговой и иной поддержки государственным и негосударственным учебным заведениям, чтобы каждый молодой человек мог получить современное образование по своему вкусу.

Понимая необходимость поддержки и развития российской науки вообще, мы прежде всего выступаем за спасение тех прогрессивных отраслей, в которых преуспела советская наука. Программы конкурсной поддержки ученых и научных проектов могут дать значительные результаты, учитывая корпоративность интеллектуального сообщества, квалификацию российских ученых, их традиционную самоотдачу и энтузиазм.

Кроме того, одной их аксиом реформы сферы науки, с нашей точки зрения, должно стать ее развитие в соответствии с переориентацией страны с «гонки вооружений» на «гонку технологий».

Мы понимаем, что сегодня помощь нужна всем, но точно также мы вынуждены обозначить приоритеты финансирования программ и институтов в области культуры, имеющих национальное значение. Среди них, с нашей тонки зрения, должны быть программы «Памятники отечества» — по спасению музеев и памятников у нашего прошлого; «Наша книга» — по поддержке издательского и библиотечного дела, то есть того, без чего невозможны наука, образование и сама культура ни для нас, ни для наших детей; а также программа точечной помощи коллективам и школам музыкального, изобразительного и театрального искусства, имеющим общероссийское значение.

Наука и образование — области, достижениями в которых измеряется сила нации, успехи в этих областях делают государство жизнеспособным и конкурентоспособным; вне культуры в узком смысле слова в конце XX века невозможно создание полноценного внутреннего мира человека, а значит гармоничной личности и здорового общества.

Мы выступаем за свободу вероисповедания. Многовековую российскую веротерпимость и отделение церкви от государства мы считаем важными основами нашего общества. Поэтому мы не можем одобрить трату бюджетных средств на возведение гигантских культовых построек, например, храма Христа Спасителя в Москве (лучше спасать то, что мы уже имеем: сотни церквей, ветшающих по всей стране). Сегодня, когда значительная часть населения бедствует, проекты такого масштаба должны осуществляться на основе добровольных пожертвований.

Так мы хотим жить

Мы стараемся избавиться от чувства униженности. Мы больше не хотим жить вечными просителями. Ну сколько же можно! Поэтому мы говорим: «Это — наша страна! Мы должны решать и делать, потому что это наше будущее!»

Мы больше не позволим власть имущим унижать и мучить нас, они не имеют на это права. Мы, граждане, на собственные «кровные» нанимаем себе чиновников, аппарат управления — такой, как мы хотим, какой нам больше нравится, который должен делать то, что говорим им мы, граждане, которые им платят!

Мы больше не можем быть безразличны к тому, что происходит и будет происходить за порогом нашего дома. Мы, все жители нашей страны связаны друг с другом и несем ответственность друг за друга. Нам не безразлична гибель каждого Ивана, Петра и Федора, потому что это гибель части России, части нас! Нам не безразлична нищета любого человека, потому что это нищета части России! И нам совсем не все равно, сможет ли тетя Маша дать своим детям достойное образование. Нам вообще не все равно!

Мы все время чего-то боялись с самого утра и до позднего вечера: штрафов и выговоров, вахтеров и швейцаров, начальников и их секретарей. Мы уверены, что секретарша выкинет наше прошение в мусорную корзину, мы готовы к тому, что выключат свет, газ и горячую воду…

Мы не хотим, не должны и не будем больше жить в страхе, потому что мы, россияне, все теперь будем делать сами, и так, как считаем нужным. Но мы будем бережны и аккуратны, потому что не желаем участвовать в разрушениях. Мы стараемся строить новое вокруг старого, а не вместо него. Наш принцип — не навреди.

Мы хотим, чтобы все люди в нашей стране прочно утвердились в этой жизни. И поэтому мы говорим:

Стройте! Богатейте! Создавайте наследство! Мы поставим все законы и конституции на службу вашему наследству, вашему достоинству, вашей жизни.

Говорят, оптимисты надеются, что живут в лучшем из миров, а пессимисты боятся, что это правда. Мы не те, и не другие, мы — реалисты. Мы понимаем, что живем в такое время, когда на плечи и головы россиян чуть ли не ежедневно падают все новые тяготы и беды. Но мы знаем также, что жизнь можно изменить к лучшему.

Мы пытаемся это делать.

Мы предлагаем свои идеи, работу и силы [117].

Сила — в единстве

Я с отвращением отношусь к инфляции и породившим ее глупости и алчности. Я хорошо помню, что еще в 1990 году Г. Явлинский категорически возражал против резкого повышения цен, настаивал на совершенно ином подходе к изменению экономических отношений. В 1992–1993 годах, когда ящик Пандоры уже был открыт и все беды и несчастья вышли наружу, он вновь пытался повлиять на процесс.

Как уже было сказано, правительство Ельцина — Гайдара не спешило брать на себя ответственность за гиперинфляцию. Явлинский и не набрасывался на них, подобно чересчур эмоциональному Аману Тулееву. Он просто проанализировал причины инфляции с экономической точки зрения. Объясняя причины, Григорий Алексеевич особо упирал на то, что это своеобразный «способ добора налогов». Кому и зачем это надо, он рассказывал так просто, что, наверное, будет понятно даже малолетнему дебилу:

— В этой ситуации, помимо секвестирования, ограничения расходов государственного бюджета, государство с 1992 года, то есть с первого же года пост-плановой экономики, стало активно использовать ИНФЛЯЦИОННЫЙ налог. Независимо от намерений непосредственных исполнителей гиперинфляция 1992–1993 годов была не случайностью и не досадной ошибкой, а единственным действенным средством государственной экономической политики, способом добора налогов, который позволил государству как-то удержаться в седле без настоящих рыночных преобразований (нежелание бывшего союзного государства пойти на эту меру привело его к гибели). В этом смысле вся дискуссия прошедших лет между антиинфляционистами и инфляционистами выглядит, скорее, дымовой завесой, рассчитанной на простаков у нас в стране, и за границей. Лучше всего это видно сегодня, когда в изменившихся условиях вчерашние инфляционисты стали самыми ярыми антиинфляционистами.

Механизм инфляционного налога многообразен, в отношении промышленных предприятий он выглядит примерно так. Представим себе предприятие, закупающее сырье и материалы и рабочую силу на 1000 рублей и изготавливающее из этого всего продукцию, стоимость которой на рынке в данный момент составляет 1500 рублей. Если производственный цикл составляет, например, три месяца, то в условиях темпов инфляции 1992–1993 годов за это время цены вырастают вдвое. Готовая продукция продается уже не за 1500, а за 3000 рублей и по правилам

бухгалтерского учета прибыль предприятия составляет не 500 рублей, а 2000. Вся эта прибыль облагается налогом, без учета того, что для начала нового производственного цикла предприятию нужно заплатить за сырье, материалы и рабочую силу уже не 1000 рублей, как три месяца назад, а тоже в два раза больше. В результате налогом облагается по существу не только прибыль, но и необходимые издержки производства. Это ведет к неплатежам и свертыванию производственной деятельности, но государство (на данном этапе) благодаря инфляции свой доход получает [118].

В то время как государство укрепляло свои позиции, выбивая костыли из-под отечественного производства и собирая таким образом налоги для комфортной и сытой жизни, сразу раздавался ропот. Причем роптали далеко не одни шахтеры и учителя. Второй съезд Межрегионального биржевого союза, проходивший в Москве в середине мая 1992 года, констатировал следующее. Экономические условия на территории бывшего Советского Союза провоцируют и поощряют развитие нелегального бизнеса, черного рынка, коррупции государственного аппарата.

Одновременно росло напряжение во взаимоотношениях регионов и Центра. В начале 1992 года никто не получал денег из Центра, а налоги аккуратно отчислялись в Москву. Очевидно, наверху не совсем адекватно оценивали ситуацию в провинции. Вообще-то трудно понять как, кто именно и чем оценивал. Ведь, если я ежемесячно выплачиваю налоги, то с моей обыденной точки зрения могу рассчитывать и на зарплату сейчас и на пенсию потом и даже на медицинское обслуживание. Г. Арбатов говорил о шоковой терапии так: «Требовать введения в России рыночной системы то же самое, что убеждать водолаза всплывать на поверхность без декомпрессии»[119].

Провинция не хотела всплывать без декомпрессии и сделала отчаянную попытку оставить налоговые поступления на месте, чтобы было чем платить зарплату бюджетникам и пенсию старикам. Уже в первые годы (1992–1993) около 30 субъектов Федерации перестали вносить в федеральный бюджет свою долю. Они дружно требовали особого режима налогообложения, либо дополнительных федеральных субсидий. На какие же нужды расходовались налоги? К сожалению, в прессе такой информации нет, но некоторые сведения все же просачиваются, особенно, когда они окрашены конфликтом.

В Москве в январе 1992 года на пленуме Совета «Демократической России» на почве налогов произошел разрыв этого демократического движения. Некто, о ком пресса умалчивает, произнес пламенную речь, в которой взывал к

совести московского правительства и других органов управления. В своей коммерческой деятельности они нередко использовали деньги налогоплательщиков. Победил в конфликте, конечно, не он, а «московско-поповское» лобби, убежденное в своем праве пользоваться деньгами налогоплательщиков[120].

Может быть, они и имели такое право, не мне судить, но все-таки непонятно, а как же быть с зарплатами и пенсиями? Правда, в 1992 их еще платили. Но не повторяется ли то же самое и сейчас? Контроля-то нет. «Бесовские» съезды имели возможность контроля. Нынешний парламент лишен контрольных функций в соответствии с Конституцией, кстати, одобренной народом на референдуме. Так что налогоплательщикам с налогами шутить нельзя.

— Вообще новые налоги, — пишет в начале 1992 года Г. Явлинский, — напоминают антиалкогольную кампанию. То есть нечто такое, что перпендикулярно всей хозяйственной жизни… Это все равно, что человек спрыгнул с 30-го этажа, а все анализируют, какой рукой он в полете двинул…»[121].

Спрыгнул с 30-го этажа отнюдь не чиновник государственного аппарата, поднимался без декомпрессии тоже не он. Но это только моя точка зрения. Есть люди, считающие, что это именно Е. Гайдар и его коллеги прыгали, поднимались, голодали… «Взяв на себя неблагодарную работу по расчистке завалов командной экономики и проведения непопулярных мер, правительство Гайдара сыграло роль камикадзе»[122]. Некоторые приписывают эту роль президенту. Но камикадзе — это очень страшно и слишком серьезно. Не люблю я статистику, вечно она страдает неточностями. Но сейчас все же приведу цифры. С 1990 по 1994 годы в нашей стране добровольно на роль камикадзе претендовали многие. За эти годы количество самоубийств возросло с 26,4 до 41,9 %, то есть более, чем в полтора раза. На месте А. С. Ахиезера я бы не стала записывать на эту роль столь высокопоставленных лиц государства, все-таки это дело личное. Пока они, слава Богу, живы и, наверное, здоровы. А вот с мнением А. С. Ахиезера, что Гайдар проводил непопулярные социальные меры, я совершенно согласна. Только вот в камикадзе сыграл не он, а те несчастные, которые не сумели мягко приземлиться, выпав с 30-го этажа из-за непопулярных социальных мер. У нас на Дону в Дубовском районе из-за постоянных задержек зарплаты покончила с собой воспитательница детского сада, одна воспитывавшая ребенка.

Пожалуй, в приведенной цитате о правомерности непопулярных мер правительства Ельцина — Гайдара мы наблюдаем замечательный образец бюрократического приема

мышления. Этот прием отличается тем, что любая информация, будь то сообщение о гиперинфляции и налогах или о самоубийствах, всегда смешивается с пропагандой «за» и «против» данного правительства. Григорий Алексеевич не агитирует ни «за», ни «против», он просто объясняет, какие изменения необходимо сделать в экономике, чтобы люди могли ежемесячно получать зарплату, пенсию, чтобы восстановить обрабатывающую промышленность и народное хозяйство в целом. Но все его начинания, как уже заметил Д. Сорос, было легче выполнить, чем начать, потому что они требовали отставки правительства. Чтобы уменьшить количество камикадзе, Явлинский предлагает усилить роль правительства «в области демонополизации, создании конкурентной среды, с серьезным акцентом на защиту собственности и развитие национальной индустрии и создание финансовой системы поддержки сбережений, капиталовложений и роста, что является единственным путем к действительно финансовой стабилизации»[123]. Но все это невозможно выполнить, пока господствует компрадорская буржуазия.

Можно ли разорвать порочный круг? Наверное, все же не так уж много хозяев-преступников, есть и честные люди. Беда в том, что все они разобщены, а отсюда чувство собственного бессилия и бесправия. Нужно единство, единство добровольное и осознанное. Надо преодолеть разобщенность и дружным хором крикнуть: «Но пассаран!» хозяевам-преступникам и всем беззакониям сразу.

Созрело ли для этого наше общество? Смогут ли те же шахтеры вместо бессмысленных голодовок и митингов влиться дружными рядами, например, в «ЯБЛоко», чтобы лоббировать свои интересы на высшем уровне? На этот счет есть много мнений. Политолог А. Кива пишет, что «нужны кардинальные сдвиги в массовом сознании в пользу индивидуализма перед коллективизмом»[124], подразумевая неготовность человека взять на себя ответственность за свою судьбу. Но идеи самоценности человеческой личности, о которой постоянно говорит Г. А. Явлинский, нет ни в коллективизме, ни в индивидуализме. И вообще, если где и нужны сдвиги, то в сознании наших правителей. А то, что народ морально, психологически здоров и в сдвигах не нуждается, подтверждает уже то, что подавляющее большинство населения отторгло и культ денег, и культ силы, и стремление к успеху любой ценой. Душевное здоровье народа подтверждается его реакцией отторжения от абсурда, воцарившегося в стране. Эта реакция настолько яркая и сильная, что ее видно невооруженным глазом даже постороннему. «Я скажу, — говорит Д. Сорос, — что у вас получилась система грабительского капитализма, которую ненавидит большинство

населения»[125].

Да, большинство населения страны ненавидит и богатеющую на чужом горе компрадорскую буржуазию, и протестует против экономических и политических условий, порождающих ее; ненавидит политику дезинтеграции, спровоцировавшую развал Союза.

Но ненависть не то чувство, которое позволит создать что-то новое. Пожалуй, для того чтобы положить всему этому конец и создать человеческое, а не звериное общество, нужны не сдвиги в массовом сознании, не коллективизм или индивидуализм, а творческое объединение всех людей в одном порыве, с одной на всех молитвой.

Нижний Новгород

Летом 1992 года сотрудники ЭПИцентра во главе с Г. А. Явлинским приезжают в Нижний Новгород. Недавно назначенный губернатором Борис Немцов, предвидя серьезные трудности, ожидающие жителей области, обратился к Григорию Алексеевичу с предложением о сотрудничестве. Волноваться было из-за чего. Вообще-то Б. Немцов по образованию физик и, очевидно, любит точные науки и трудные задачи. Но задача, вставшая перед юным губернатором сейчас, была сверхтрудной: 60 % всей промышленности Новгородской области — оборонка, а программа конверсии хронически буксовала где-то в верхних эшелонах власти. В сельском хозяйстве зубной болью мучил отслуживший все сроки машинно-тракторный парк, мучила дороговизна горюче-смазочных материалов, семян, минеральных удобрений, но больше всего — диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Оставляла желать лучшего и социальная защита населения, предполагавшая наличие средств в областном бюджете, а средств не было (во избежание недоразумений сразу скажу, что Григорий Алексеевич в Нижний Новгород ни средств, ни волшебных палочек не вез). Работники бюджетной сферы месяцами не получали зарплату. Работники других сфер «отдыхали» в неоплачиваемом отпуске. Одним словом, в Нижнем Новгороде было, как и везде.

Немцов обратился к Явлинскому еще в 1991 году. Тот быстро откликнулся. Это предложение заинтересовало его, потому что представилась возможность на практике осуществить свои идеи. Правда, это был не масштаб Союза и даже не масштаб России, но все же… Желание было настолько велико, что Явлинский и его коллеги согласились работать, можно сказать, бесплатно. Нижегородцы заплатили 15 москвичам 200 тысяч рублей за три месяца работы: июнь, июль, август.

Все подобное взаимопритягивается. И следом за Григорием Алексеевичем в Нижний Новгород потянулись иностранцы-специалисты, которые тоже хотели воплотить свои мечты, свои идеи в жизнь. Например, Энтони Доран — специалист из Международной финансовой корпорации. Еще в 1991 году Григорий Алексеевич обратился в Международную финансовую корпорацию, а также в представительство Мирового банка в Москве к господину Читтэну. Григорий Алексеевич привлек их отнюдь не обещаниями больших денег, их, как известно, в Нижнем Новгороде не было, он объяснил, что у Читтэна будут хорошие условия для работы.

И работа началась сразу же, еще в Москве. В ноябре приступили к разработке проекта малой приватизации, обдумывали и обсуждали другие вопросы, искали выход из кризиса наличности.

Григорий Алексеевич согласовал свои мечты о воплощении несбывшегося с правительственными мечтами иметь подальше от себя этого неуемного и чересчур пылкого экономиста. Итак, летом 1992 года 14 сотрудников ЭПИцентра во главе с Явлинским отправились в Нижний Новгород.

На сессии облсовета москвичи объединились с нижегородской властью для борьбы с гиперинфляцией, с бедностью и прочей грязью, всплывшей на волне «демократических» преобразований.

Было подготовлено семь проектов по основным направлениям деятельности. Подобно ситуации во многих других регионах России, наиболее критическая ситуация в Нижегородской области была связана с кризисом наличности (в том числе огромная задолженность по зарплате) и фактическое банкротство большинства предприятий. Для решения этой проблемы был успешно разработан и реализован региональный заем, который позволил жителям Нижегородской области не только защититься от высокой инфляции, но и, что особенно важно, поверить в местную администрацию.

Над каждым из семи проектов работала отдельная группа, состоящая из нижегородских депутатов и специалистов ЭПИцентра. Руководство группами осуществлялось из вновь созданного координационного совета, в который вошли Б. Немцов, председатель облсовета Е. Крестьянинов, мэр Нижнего Новгорода Д. Бедняков и Г. Явлинский. Каждую группу возглавлял руководитель соответствующего подразделения администрации. Эксперт ЭПИцентра, входящий в группу, имел право совещательного голоса и на него замкнули информационные службы области. «Каждая рабочая группа готовит рекомендации. Решения принимаются в три этапа: на уровне местных экспертов (если что-то не соответствует местной специфике, предложение сразу снимается), на уровне координационного совета и на сессии областного совета, которая осенью либо утвердит реформу, либо заблокирует»[126].

После того, как тщательно изучили областную статистику, выяснилось, что область в состоянии, опираясь на собственные ресурсы, обеспечивать жителей всем или почти всем необходимым.

Другая группа занималась вопросами финансовой стабилизации. Но каким образом можно стабилизировать

денежное обращение, если ни у кого нет денег? Однако все гениальное просто. Почему задерживается зарплата бюджетникам? Потому что из Москвы не дают денег. Значит надо заставить отдать свое, заработанное, и сразу же после встречи своих гостей Б. Немцов, вдохновленный их идеями, подает в суд. И не в какой-нибудь, а в Конституционный Суд Российской Федерации.

От имени учителей, врачей, библиотекарей и других работников бюджетной сферы губернатор Нижнего Новгорода предъявил иск правительству Ельцина-Гайдара. Он напомнил, что правительство по закону обязано ежемесячно выплачивать зарплату людям, занятым в бюджетной сфере, в противном случае оно нарушает Конституцию и КЗоТ. Через неделю получили 1 миллиард рублей и погасили задолженность по зарплате, но только бюджетникам. На них с завистью смотрели рабочие с военных заводов и других предприятий, парализованных шоковой терапией.

Особенно сильно страдали жители двух городов Нижегородской области: Навашино и Арзамас. Почти все население (80 %) города работает на одном заводе. Все жизнеобеспечение и того и другого города, работа поликлиник и детских садов, соцкультбыт находятся на балансе предприятий. Ухудшившееся положение на предприятии — это боль и трагедия многих семей. В то же время предприятие не может свести концы с концами, уже не говоря о модернизации производства, потому что большую часть заработанных денег вынуждено вкладывать в социальную сферу.

Освобождение предприятий от этих забот Г. Явлинский назвал «конверсией социальной инфраструктуры». Было предложено дотировать не саму социальную сферу, а людей, отменив подоходный и некоторые другие налоги, то есть провести реструктурирование доходов населения. При этом обязательно сохранялся минимальный уровень зарплаты, позволяющий человеку оплачивать свое жилье, лечение, обучение детей.

Странный все же человек этот Явлинский. Съездил в Нижний Новгород, сделал хорошее доброе дело, написал книгу «Нижегородский пролог» и ни слова, ни полслова о своих достижениях. Помню, когда ездила по командировкам в Ростовской области, то большие и маленькие начальники большие деньги платили, лишь бы «прокукарекали» про их «достижения». Возможно, если бы Григорий Алексеевич внимательнее относился к «кукареканью», то есть к саморекламе, было бы меньше недоразумений и обвинений в его адрес.

Один читатель «Независимой газеты» Б. Маловатер прислал в газету гневное письмо по поводу «недостойного поведения» Г. А. Явлинского. «Недостойное поведение» заключалось в том, что Григорий Алексеевич сказал: «Мы обязательно должны выделить из госбюджета на школы». В конце письма-статьи Б. Маловатер дает гневную отповедь: «Надо стоимость оставить у производителя. Тогда производитель сам заплатит за обучение своих детей»[127]. Б. Маловатер не знал, что именно такой эксперимент и проходил в Нижнем Новгороде еще за два года до этого. Проводили эксперимент очень внимательно, осторожно, потому что одним лишь «оставить стоимость у производителя» не обойдешься. Нельзя совершенно отбрасывать социальную инфраструктуру, потому что могут быть и непредвиденные обстоятельства.

Группа социального прогноза внимательно следила за тем, чтобы денег, оставленных у производителя, хватало и на питание, и на сколько-нибудь сносную жизнь. В масштабах страны, к сожалению, такой группы нет, а хорошо бы… Социальный взрыв, которым все друг друга пугают уже несколько лет, накапливается на интропсихическом уровне, то есть в душе человека. Накапливается в виде отчаяния, когда он остается один на один со своим горем и некому помочь. Как и любую болезнь, эту тоже легко предотвратить на начальной стадии, но если болезнь запущена и человек в отчаяние дошел до осознания вседозволенности, тогда уже никто и ничто не поможет.

Одновременно нижегородцы распрощались и с талонной системой распределения продуктов. Цены подскочили, но поднялась на 10–15 % и зарплата, поэтому недовольных не было. «Стоимость потребительской корзины в Нижнем Новгороде летом 1995 года была на 11 % ниже общероссийской, темп роста среднедушевого дохода на 23 % выше, чем в среднем по России и на 37 % больше, чем рост прожиточного минимума»[128].

Была создана и группа по взаимодействию с общественными организациями. «Роль последней немаловажна. Общественная жизнь в провинции отличается от общественной жизни в столице, поскольку сосредоточена в организациях, созданных по профессиональным, культурно-просветительским, религиозным признакам. Политические же партии пока не играют заметной роли. Следовательно, с одной стороны, задача взаимодействия властных структур в обществе, казалось бы, упрощается, но, с другой стороны, если к осени (имеется в виду осень 1992 г. — *Прим. авт.)* кризис наличности, спад производства и рост безработицы совпадают по времени, какие-то общественные организации могут стать центрами кристаллизации массового

недовольства и предсказать их поведение будет крайне трудно. Задача экспертной группы — уже сейчас наладить с ними конструктивный диалог»[129].

С этой же целью в городах Навашино и Арзамас была опробована разработка «Оперативного слежения социальных индикаторов» (ОССИ). Специалисты постоянно наблюдали за ситуацией, складывающейся в городе. Одна из важнейших задач ОССИ — своевременное выявление критических тенденций и разработка мероприятий, способных «погасить» назревающий конфликт, не загоняя его внутрь, чтобы избежать социальной напряженности.

— Суть ОССИ — в системном анализе тенденций роста потребительских цен, доходов населения, развития потребительского рынка труда. Благодаря анализу качественно изменились методы использования социальных мер: стало возможно оперативно направлять социальную помощь именно на те районы и группы населения, где происходило ухудшение ситуации.

ЭПИцентровцы первыми осуществили такую меру, как замена разрешительного порядка регистрации частных предприятий на заявительный, что очень упростило процедуру, предложили свой вариант проведения земельной реформы, немало было сделано по изменению налоговой системы, поиску эффективных решений для оборонных предприятий, была обновлена областная статистика — удалось, наконец, выяснить, чем же реально располагает область.

Вторым направлением работ была социальная сфера. ЭПИцентр использовал систему адресной поддержки малоимущих и беднейших слоев населения: компенсации и индексации денежных доходов с учетом уровня инфляции, натуральная помощь; было осуществлено формирование систем трудоустройства, обучения и переобучения, общественных работ[130].

Есть досужее мнение, что он делал все это только ради того, чтобы вернуться на политический Олимп. Может быть, это тоже сыграло роль, но вряд ли это было главным. Главное, пожалуй, кроется в особенностях его характера. Г. А. Явлинский — человек действия, поступка. Для того чтобы правильно понять его, надо очень внимательно всматриваться в его поступки, анализировать его деятельность на протяжении длительного времени. Это намного усложняется тем, что Григорий Алексеевич не склонен к саморекламе и вообще очень редко объясняет, что и как было им сделано в той или иной ситуации, улучшившей положение людей.

Г. А. Явлинскому не свойственен нарциссизм, который считается чуть ли ни главным капиталом политика, но он

обладает не показной, а истинной силой и способен находить оригинальные решения трудных задач. Это было проявлено в Нижнем Новгороде. Однако газеты не спешили рекламировать опального экономиста. Только лишь и промелькнула одна фраза Е. Ясина о том, что опыт малой и средней приватизации на Нижегородчине был признан наиболее удачным. Сам же он не заботился о своей рекламе. А зря.

Характер и судьба

То, что гусеница назовет концом света, мастер назовет бабочкой — так считает философия Востока. Разглагольствования некоторых ученых мужей о деградации, об усталости народа не что иное, как мнение гусеницы. Я, наоборот, вижу духовное пробуждение людей, чувствую в людях неизрасходованный, нерастраченный запас сил. И тем сильнее давит на сердце несуразица, непредсказуемость российской политики. Я никогда не идеализировала Ельцина и его окружение, но сейчас их ошибки видны невооруженным глазом. В их ошибках есть большая опасность.

Нечто подобное уже происходило в 1991 году, только тогда опасность была над Советским Союзом, а теперь… Теперь такая же судьба может постигнуть и Россию. «А опасность, которая сегодня возникла, — пишет Г. Явлинский, — заключается в следующем: пока вы смотрите наверх, что вам там что-то решат или сделают, под вами разъезжается земля. Ребята, она просто уходит, одна нога у вас тут, а другая — там. И вместо того чтобы думать, как взять багор, как встать, как скрепить разъезжающиеся половины, ты ждешь, не жди» [131].

Историческая судьба России связана с миллионами человеческих судеб. Грандиозность пережитой нами катастрофы не знает аналогий в мировой истории. Нам не поможет ни Пиночет, ни скопированная с «чужой выкройки» демократия. Бессмысленно спорить с тем, что пока нет частной собственности, не будет и демократии. Это правильно. Но это полуправда. Истинно также и то, что пока нет гражданского общества, людей, обладающих духовным, сильным характером, не будет государственности, а будет вечный хаос и грязь. Государственность уходит корнями в человеческое сердце или, как сказал Г. Явлинский, должна прорастать снизу, с корней травы. Частная собственность обязательно нужна, но это уже потом, а в начале… В начале, наверное, все же человек, который должен построить демократическое общество. Надо помнить, что ужас, охвативший нашу страну, не только разрушил слабые души, но и закалил сильные. В теплой инкубаторской атмосфере Советского Союза люди ходили по твердой земле, исключающей падение, и чувствовали над собой потолок, исключавший взлеты. Правда, всегда есть место для подвига, но само понятие подвига размывается сытой размеренной жизнью. Наше время, поставившее всех нас на край пропасти, дает равные возможности и для взлета, и для падения. Именно сейчас в провинциальных

городах и деревнях выкристаллизовывается национальный характер, которым во все времена славился человек, живущий в России. Человек, обладающий этим характером, может найти верный путь и вернуть России благоденствие.

Обладает ли этим характером Г. А. Явлинский? Друзья Григория Алексеевича редко говорят об этом, тем более в прессе. Объясниться в любви и нахваливать, восхищаться и благоговеть, трепетно подрагивая нервными окончаниями, скорее дело не женщин даже, а баб. Не знаю, есть ли в окружении Григория Алексеевича такие люди, а вот «друзья», ласково вставляющие палки в колеса, есть. Если бы не они, то мы бы о Г. А. Явлинском вообще ничего не узнали. Например, политолог А. Кива — он так часто и много говорит о Г. А. Явлинском, что не доверять ему просто стыдно. «Мода на Явлинского, — пишет он, — покоилась как на политической конъюнктуре, так и на некоторых константах русского национального характера»[132]. Жаль, что он не объяснил на каких именно: сила духа, мудрость, доброта…? Несмотря на мрачные прогнозы А. Кивы, Явлинский и сейчас еще в моде. Очевидно, мода, если она зиждется на константах, переходит в призвание. О том, на каких константах основан характер Григория Алексеевича и каким образом характер определил его судьбу, попытаемся выяснить.

С десятилетнего возраста он увлекался экономикой. В более зрелые годы замахнулся мыслью на механизм управления народным хозяйством СССР. С приходом к власти М. Горбачева участвовал в разработке экономической программы правительства Рыжкова — Абалкина. В 1991 году стал заместителем И. Силаева на посту председателя Комитета по управлению народным хозяйством РСФСР. Благодаря усилиям Г. Явлинского был подписан договор об Экономическом сообществе независимых государств. Созданию Экономического сообщества помешало Беловежское соглашение, породившее золотушного и недоношенного младенца — СНГ.

Григорий Алексеевич и тогда, и сейчас отстаивает идею консолидации бывших республик СССР. В программе «ЯБЛока» записано: «Наша приоритетная задача — заключение экономического Союза на базе договора, подписанного в октябре 1991 года». Под напором общественности в сентябре 1993 года вновь был подписан договор об Экономическом сообществе, но… остался на бумаге. Почему же Григорий Алексеевич позволил случиться такому кощунству? Почему не встал горой на защиту своего детища? Что это слабоволие? Нерешительность? Неумение постоять за себя и за свои идеи? Или здесь что-то другое? Наверное, это будет легче понять, если вспомнить, что таким же

или очень похожим образом были сметены со столбовой дороги истории и Верховный Совет, и съезд народных депутатов, тоже заступившиеся за идеи Явлинского.

За несколько дней до своей кончины — 17 октября 1993 года совместное заседание Верховного Совета заслушало Меморандум Хасбулатова. Р. Хасбулатов был не только главой парламента, но и председателем Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ. Он предложил трансформировать СНГ в более тесное Евразийское сообщество и выдвинул идею прямых выборов в Межпарламентскую ассамблею.

Надеюсь, читатель простит мне, может быть, не очень корректное обращение к образу страуса. Дело в том, что страус панически боится всякого, кто выше его ростом. Межпарламентская ассамблея сама по себе роста невысокого, но ежели прямые выборы ввести, то рост ее сильно увеличивается и даже оставляет где-то внизу Кремль со всеми его обитателями. Видать, кого-то из этих обитателей так же, как страуса, пугал «высокий рост» ассамблеи, что и стало одной из причин разгона парламента. Договор об Экономическом сообществе Г. Явлинского тоже претендовал на очень высокий рост.

И в 1991, и в 1993 году в борьбе с Меморандумом Хасбулатова, с договором Г. А. Явлинского использовался один и тот же прием — игнорирование права законных документов на жизнь. А если проще, то этот прием называется силовым авантюризмом. Договор об Экономическом сообществе был подписан с соблюдением всех законов и формальностей в октябре 1991 года. Была там и подпись Ельцина. И этот договор никто не отменял, его просто проигнорировали — вначале трое, вышедшие из Беловежской пущи, затем весь бывший СССР. Ученые сразу же поспешили убедить возмущенных сограждан, скандирующих «Советский Союз!» (бедняги тщетно скандировали это и в 1993 году,[133] а кое-где кричат и сейчас), в объективной закономерности этого процесса.

В 1993 году накануне кровавых октябрьских событий съезд вносит поправку в Конституцию — в случае принятия мер по прекращению деятельности представительных органов власти со стороны президента, его отрешение от должности происходит автоматически, а власть автоматически переходит вице-президенту.

Это решение съезда народных депутатов, а также решение Конституционного Суда, лишавшее Б. Ельцина полномочий, никто не отменял, их просто проигнорировали исполнительные органы власти.

И в 1991, и в 1992–1993 годах разрушению Союза, разгону

народных избранников сопутствовал всплеск проельцинских настроений. После 21 сентября все социологические службы зафиксировали массовую поддержку Б. Ельцина и новый всплеск популярности. Одновременно происходило падение рейтинга его оппонентов, то есть врагов исполнительной власти. В 1991 году пресса с наслаждением топтала Г А. Явлинского вместе со всеми его программами и договором. В 1993 году позору и бесчестию предали народных депутатов. Может быть, и они тоже безвольные амебы, не способные постоять за себя? Вряд ли. Ведь был не только истеричный Хасбулатов, но и Руцкой и такие народные герои, как Гдлян с Ивановым, и многие другие, известные всем как мужественные и бесстрашные люди.

Пожалуй, не в безволии депутатов дело и уж тем более не в безволии Григория Алексеевича, а в том, что противодействовать силовому авантюризму можно только силовым авантюризмом. Короче говоря, когда тебе ставят подножку, то каким бы храбрым ты ни был, все равно упадешь. Другое не менее важное обстоятельство заключается в том, что ни Явлинский, ни депутаты не получили массовой поддержки, но наоборот — всеобщее осуждение. Но психология толпы — не тема этой книги.

Как выяснилось, причина, из-за которой договор об Экономическом сообществе не был претворен в жизнь, заключается не в характере Явлинского, а скорее в невостребованности обществом его идей. В то же время нельзя сказать, что общество заинтересовалось идеями Б. Ельцина, потому что у него их вообще не было. Он вдохновил, наверное, внешней видимостью силы.

В 1991 году Григорий Алексеевич в надежде спасти Союз взывал к совести и разуму лидеров: Горбачева, Ельцина, парламента… Это не помогло. Союз распался и до сих пор некоторые умники обвиняют в этом именно Г. А. Явлинского. Сейчас, размышляя о Федеративном договоре в книге «Нижегородский пролог», он обращается к читателям, к избирателям.

Рядом с этим Федеративным договором поблекла и книга Р. Никсона (политическое завещание, пропитанное ядом ненависти к СССР), и мечты Г. Киссинджера — бывшего государственного секретаря США, сказавшего: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство». Никакой враг не причинит нам столько зла, сколько причиняет тухлая воля и беспомощная дряблая мысль правителей.

Федеративный договор начали разрабатывать еще в 1990–1991 годах. Подписали с фейерверком 31 марта 1992 года, а в

апреле одобрили на VI съезде народных депутатов. Он был включен в Конституцию Российской Федерации. Однако не все подписавшие находились в соответствии с договором в равных условиях. А некоторые и вовсе отказались подписывать этот договор: Татарстан, Чечня, Тюменская область. Кто они? И где, если не в России? Нет ответов на многие вопросы.

Федерация договорная или конституционная? С субъектами Федерации от национальных меньшинств вроде бы понятно — это национально-государственные образования, но каков статус руссконаселенных краев и областей или их права уже никого не интересуют? До каких нижних уровней должен доходить федеральный закон? В области, республике могут возникнуть ситуации, требующие немедленного разрешения, но как быть, если федеральный закон по этим вопросам еще не принят? Правомерно ли говорить о федеративном устройстве, если Центр не реагирует на нарушения Конституции в республиках, лидеры которых лояльны президенту? Может быть, это конфедерация?

По причине своего легкомыслия, я все же рискну подвести итог под Федеративным договором словами из детской песенки: «Только как их надевать? Хвостик некуда девать». Только у этого договора было аж целых три «хвостика» и много непонятных ответвлений.

Интересный анализ договора сделал Г. Явлинский. Он дошел до конца, то есть до полной систематизации всех «хвостиков» и «ответвлений». Он нарисовал географическую карту России. Каждая территория в зависимости от предоставленных ей прав была окрашена в свой цвет. Напомню, что договор состоит из трех договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами власти субъектов Федерации трех типов: суверенных республик в составе Российской Федерации; краев, областей, городов Москвы и С.-Петербурга; автономной области и автономных округов. Карта получилась трехцветная. Черным он окрасил территории со статусом свободной экономической зоны, серым — с дополнительными экономическими правами, серо-буро-малиновым — ходатайствующие о предоставлении дополнительных экономических прав. В соответствии с Федеративным договором, состоящим из трех договоров, права человека меняются, если он из черной области переезжает в серую и наоборот. А если человек переехал в Москву или С.-Петербург, то права его и вовсе увеличиваются.

Григорий Алексеевич уже не задает вопросы, но просто констатирует факт: «Такое разграничение сделано вне зависимости от того, что в преамбуле первого договора говорится

о реализации «приоритета прав свобод человека вне зависимости от национальной принадлежности и территории проживания, а также права народов на самоопределение»… Особенность наших Федеративных договоров и в том, что «Российская Федерация», субъект, который должен быть обозначен в договоре, права которого еще только предстоит определить субъектам федерации, сам подписывает все три договора на правах субъекта»[134].

Пока наверху решался философский вопрос субъекта-объекта, провинция решила свои вопросы сама. 30 января 1992 года в Киеве подписали уникальный договор — об экономическом сотрудничестве между Украиной и Ярославской областью. Речь шла о взаимных поставках продукции. На Украине открыли постоянное представительство Ярославской области, а в Ярославле — соответствующее постпредство от Украины. Помнится, в романе Ильфа и Петрова Нью-Васюки уже побывали в ранге мировой столицы, правда, речь шла только о шахматах. Но все это смешно, когда читаешь роман, а когда это становится твоей жизнью, то… Вдохновленный Федеративным договором, Свердловский облсовет летом 1993 года провозгласил Уральскую Республику в составе России, следуя примеру Вологды. Осенью этого же года порывы регионов остужаются указом Б. Ельцина, дезавуирующим их решения.

«Вместе с тем Федеративный договор, проект новой Конституции, а также череда эксклюзивных законодательных актов и полутайных договоренностей о взаимоотношениях Центра и с отдельными регионами России, число которых перевалило за полсотни, свидетельствуют лишь об отсутствии у теперешнего реформаторского Центра адекватной изменившейся ситуации региональной политики, что связано с неумением и нежеланием «встроить» интересы регионов в общегосударственные. Во многом традиционное, предусматривающее пассивную роль регионов содержание этого раздела в правительственных программах свидетельствует об органической неспособности идеологии реформаторства «сверху» к выработке региональной политики с учетом местных интересов»[135].

Некоторые так называемые специалисты уже мысленно расчленили Россию на множество (около 100) государственных новообразований. А некоторые республики всерьез думают о своем праве на самоопределение и о переделе границ. Например, Республика Коми отстояла свое право законодательной инициативы, право экспертизы проектов законодательных решений. В декабре 1993 года раздались требования включения в конституцию республики статьи о том, что Коми является

суверенной республикой, наделенной правом выхода из состава Российской Федерации. Требовали также и возвращение в состав Республики Коми пяти районов, «переданных ранее» Архангельской области. Центр постепенно утрачивает влияние на регионы. Но, по мнению Григория Алексеевича, проблема дезинтеграции России еще не осознана. Это неизбежно отразится и на ситуации с СНГ, усиливая ориентацию членов содружества, и на республиканский и областной уровень.

Что в таком случае есть Россия? Русская национальная идея? По поводу этой идеи сейчас много споров. Григорий Алексеевич говорит о корнях травы, другие говорят о выплавлении какой-то странной «чисто политической нации», а кто-то по носу щелкает, дескать, хватит вам искать правду, приехали. «Разыгравшаяся катастрофа не может быть объяснена личными недостатками советских руководителей, ошибками руководителей в политике, спецификой большевизма и т. д. Она — результат всей предшествующей истории, неадекватной и по целям, и по средствам — попытки утвердить «вселенскую правду», всеединство, свое особое место в мире как универсально значимое. Эта попытка дала определенный кратковременный эффект, но он быстро себя исчерпал, хотя то был, в известном смысле, звездный час России, к которому нет более возврата»[136]. По мнению автора А. С. Ахиезера, надо сосредоточиться на утилитаризме: звездный час засветил в тарелке наваристого супа. Вот и выбирай: Явлинского с его мечтами и идеями или Ахиезера с тарелкой супа.

Честно говоря, устала я от этих неразрешимых проблем. Жила спокойно у себя дома, никого не обижала. И вдруг меня гонят из дома в какую-то холодную темноту… А я хочу в России жить, досыта кушать и хлеб насущный, и хлеб духовный.

Но долог и труден теперь путь к дому. Когда-то в Москве все объединились в одном порыве. В 1991 году идея человеческой свободы и свободы наций у многих вызывала искреннее вдохновение. Что же случилось с теми людьми сейчас? Не в том ли секрет, что ими владела не столько идея свободы, сколько жажда мщения? Мщения советской власти, КПСС, тоталитаризму, мщение, переходящее в эйфорию? Уже в январе 1992 года Григорий Алексеевич грустно констатировал: «Сегодня мы переживаем не только распад государства, не только значительное падение уровня жизни людей, но и кризис демократического движения. Его разрушительный потенциал оказался сильнее созидательного»[137]. Судя по Федеративному договору, разрушительный потенциал еще не исчерпал себя.

Под идею самоопределения наций рядились представители

местных национальных кланов, смущая легковерные сердца своих сограждан пламенными речами. Смысл этих речей всюду был один и тот же — жажда власти, безраздельной, большой, неограниченной. А одежды, драпирующие циничные речи местных феодалов, были украшены призывами к расцвету культуры, к оздоровлению экономики. Все это уже было.

В книге «Нижегородский пролог» Григорий Алексеевич приходит к следующим выводам. Культура, искусство — все то, что относится к Царству Духа, не регламентируется внешними законами. «Духовно свободный человек живет в Царстве Духа, а не в Царстве объективации».

В 1991 году центробежные тенденции разметали когда-то мощную империю, наводящую ужас на пол-мира. Сейчас те же тенденции действуют внутри страны. Словно время повернуло вспять. Ведь печальный опыт бывших советских республик уже доказал правоту Г. А. Явлинского, но этот урок никого ничему не научил. Пожалуй, сейчас большинство населения бывшего СССР, лидеры СНГ осознали, насколько важна идея единства. И тем не менее все возвратилось на круги своя, но теперь уже в масштабах России. Теперь самостоятельности взалкали Екатеринбург, Вологда… Во всем этом чувствовалось сочетание изворотливости, цепкости местных элит и бесхарактерности, аморфности подавляющего большинства, от имени которого выступали вновь испеченные лидеры. Можно ли остановить вакханалию? Великие неудачи дают бесценный опыт, из неудач извлекают уроки. Но наши правители не торопятся извлечь уроки из неудачи, приведшей к распаду СССР. Недоученный урок будет повторяться снова и снова. Теперь уже в масштабах России.

Когда Григорий Алексеевич выступал за сохранение Союза, его дружно обвинили в имперских амбициях. Сейчас его стали упрекать попеременно то в национализме, то в имперских амбициях. А по-моему, Г. Явлинский не националист, не империалист, а обыкновенный человек, гражданин своей страны. Судьба России — это не только высокие слова. Как можно с такой ненавистью относиться к своей Родине, радоваться ее расчленению? Только больное сознание недочеловека может радоваться, наблюдая агонию.

Русский народ всегда славился силой духа. Что же случилось сейчас? Откуда это безвольное подчинение центробежным тенденциям, откуда и когда попал в душу людей микроб саморазрушения? Где найти опору человеку? Где найти опору России?

Ответ лежит не в демократических преобразованиях. А, может быть, в историческом прошлом России, в духовной жизни

россиян? Единство, возрождение России отнюдь не в экономических преобразованиях, которые сами по себе и нужны. Не изменят ничего к лучшему и социально-политические преобразования. «Прорастать надо снизу, с корней травы»… Опору надо искать в собственном сердце, ее нельзя получить извне: нет готовых рецептов возрождения России. Вся страна и каждый человек, живущий в ней, должен решить этот вопрос сам. Судьба определяется не только случайностью, но и характером, волей. Надо ли было начинать с перестройки и ускорения, о которых так заботился М. Горбачев? Или все же с воспитания духовного характера, с воспитания подвигом?

Духовный характер воспитывается не на эйфории разрушения, не на насилии. Нужны новые, не разъединяющие, а объединяющие идеи. Нужен новый не треххвостный, а единый федерализм, ведущий не к расчленению родины, а к согласию. Нужны президентские выборы и новый президент… помоложе, посимпатичнее, поумнее. Надо изначально выбирать высокие ориентиры. Кто боится мечтать и не умеет верить, тот не только не сможет помочь себе, но и не сможет принять помощь, если такая вдруг будет оказана.

Явлинского часто обвиняют в излишней мечтательности. Его мечты до последнего атома измерены и вычислены с помощью математических формул. В них нет пустого маниловского мечтательства, но есть благородство мышления, которое воспринимается узколобыми как нечто чуждое повседневной жизни. Он считает, что субъекты Федерации должны быть равными среди сильнейших. Но такая «дерзость» натыкается на федеративный договор, на Конституцию, на эксклюзивные законодательные акты и полутайные договоренности…

Однако он не одинок в своих мечтах. Многие люди мечтают о восстановлении оборванных связей с бывшими республиками, о возрождении единой России. Эти мечты тем сильнее, чем сильнее нарастание центробежных тенденций. Они растут одновременно в обратно пропорциональной зависимости. Мечты о возрождении России уходят корнями в историческое прошлое. Они крепче, чем алчность местных князьков-феодалов, пожелавших написать историю России по-своему. Безусловно, мы переживаем сейчас очень тяжелое время. И мало людей, способных подняться над хаосом боли и унижений. Но правое дело и не может быть сразу, что говорится, от рождения массовым. Людей, способных на духовный подвиг, не может быть много. Это всегда единицы. «Будем же твердо уверенны в возрождении России. И доведем себя до очевидности в вопросе о необходимости для России национального духовного характера. И тогда все сложится само

собою»[138].

Уже который год плачет Россия. Слезы не белые, а красные, потому что смешались с кровью. Не от войны, не от стихийных бедствий сиротеют и умирают наши дети. Никто не хочет войн и революций, но никто не знает, где предел терпению русского человека и как беспощаден его бунт. Все беды можно превозмочь, если знаешь, во имя чего приносишь жертвы. Неужели жертвы этих лет напрасны? Сможет ли Г. А. Явлинский остановить этот танец святого Витта? С тьмой нельзя бороться еще большей тьмой. С тьмой можно бороться только светом. Его помыслы светлы, его мечты созвучны многим россиянам. Дай Бог, чтобы он сумел, победил и построил.

«ЯБЛоко»

Нерв политической жизни проходил в высших эшелонах власти, а точнее — в сердцах политиков, одержимых жаждой власти. Изредка отростки этого нерва хватали судорогой сердца столичной интеллигенции, но ее всхлипы об участи культуры не находили отзыва в провинции. Провинция отнюдь не дремала, она активно занималась переделом собственности и борьбой за власть на местном уровне. Люди в общей своей массе жили по принципу: спасение утопающего — дело рук самого утопающего.

Конфликт между парламентом и президентом стал притчей во языцах. Они боролись друг с другом за власть и это не делало им чести. Народ, разобщенный, лишенный единого лидера, тоже не мог мобилизоваться на борьбу с трудностями самостоятельно. Впрочем, что такое трудности?

Можно ли назвать трудностями то, что за первый год так называемых реформ накопился целый океан детских слез? Беженцы из очагов конфликтов заполнили улицы русских городов. Их завшивленные дети просили милостыню, их старые родители молили Бога о смерти. Случалось, что и дети ранее благополучных москвичей вместо того, чтобы гонять в футбол, рылись в мусорных ящиках или собирали бутылки. Голод стал нормой жизни многих россиян.

Явлинский доказывал, что трудности определены не столько объективными причинами, сколько недальновидностью политики президента. Однако гнев и недовольство людей умело было переключено на так называемый фашистско-коммунистический реванш, обрекая народных депутатов на скорый конец. Общественное мнение четко расставило акценты: добрый, мудрый президент и глупые, злые депутаты. Надо разогнать депутатов и все встанет на свои места.

Григорий Алексеевич написал несколько статей, где разъяснил ложность этой полюбившейся многим дилеммы. Он настаивал на том, что в конфликте «президент — парламент» виноваты обе стороны, что сейчас нужна не конфронтация, а согласие. Средства массовой информации дружно записали его во фрондеры и сосредоточились на кусании пяток депутатов. Воззвания Г. А. Явлинского к дружбе и сотрудничеству уже никого не смущали. Они часто вызывали злобу, потому что нарушали основополагающий принцип психологии масс: кто не с нами, тот против нас. Подливало масла в огонь и то, что он еще в феврале 1993 года заявил о намерении баллотироваться на пост президента на следующих выборах. Однако злоба имеет не одни

лишь негативные стороны. О Явлинском, хоть и в такой форме, но все же вспомнили вновь, о нем стали говорить. Нисколько не смущаясь гневными выпадами в свой адрес, Григорий Алексеевич напряженно всматривался в предгрозовые всполохи на политической сцене и предрекал большие перемены. Он очень хорошо, может быть, лучше других видел, что происходит.

В 1991 году Б. Ельцин предпочел ему Е. Гайдара, не имеющего ни своей программы, ни известности за экономические или хотя бы какие другие подвиги. За бортом оставались ершистые до неприличия Е. Сабуров, И. Силаев, Г. Явлинский… Наверное, Ельцин поддался обаянию Гайдара. Нечто подобное повторилось с трудно объяснимым выбором С. Кириенко. Пожалуй, единственным критерием здесь был не профессионализм или что-то в этом роде, а нечто другое. Что именно — впоследствии разберутся историки, если смогут. Есть в этих выборах то Гайдара, то Кириенко нечто, простите за откровенность, чисто бабье. Так бывает с беременной, когда она чего-то хочет животом. Переубеждать и уговаривать в таких случаях бесполезно. Но с беременными проще, потому что через девять месяцев их капризы заканчиваются, а здесь конца не видать.

Е. Гайдар не смог даже предвидеть гиперинфляцию, его же «мудрой» политикой и порожденную. Причем о ее приближении говорил уже не только Г. А. Явлинский, но и другие экономисты. В феврале 1992 года на пресс-конференции вице-премьер Е. Гайдар бурно опровергал появившееся в печати сообщение о том, что он якобы обещает инфляцию в феврале на уровне 400–500 %. Повторение январского всплеска, по словам Е. Гайдара, просто невозможно. А вместо невозможного всплеска были торнадо и цунами вместе взятые, гиперинфляция перевалила за 2000 %. Неужели так велико обаяние этого полноватого и лысоватого реформатора, что даже, когда всем стала видна его некомпетентность, президент rio-прежнему защищал его?

Когда Гайдара все же освободили от должности и назначили В. Черномырдина, то… Менялись декорации, а спектакль — прежний. Сменился на посту премьера человек, но не изменился курс реформ. Инфляция как будто бы исчезла, переродилась в кризис неплатежей, задержки выплаты зарплаты, пенсии.

За 1992 год экономика из планово-убыточной перешла в просто убыточную, но выстояли директора убыточных производств. «Убыточность» опиралась на костыли дотаций из Центра, на погашение долгов и потихоньку крутилась на месте вместе с оголодавшим рабочим людом и толстеющим директорским корпусом. Спад производства, четко

обозначившийся в начале 1992 года, разрастался вширь и вглубь. Как пламя свечи на ветру, затухало инвестирование.

Трудности трудностям рознь. Где-то они обусловлены судьбой, и от них отказываться права не имеешь. Где-то трудности обусловлены действиями конкретных людей, сколачивающих свое счастье на чужих бедах. 19 февраля 1992 года в интервью, переданном по Российскому каналу телевидения, Б. Ельцин сказал: «Пусть россияне не беспокоятся о хлебе. Голода никогда не будет». Голода разве нет? Хлеб-то в магазинах есть, но купить его не за что, когда зарплату не платят. Уже привычными стали сообщения в информационных программах о падающих в голодный обморок детях. Сначала они падают в обморок, потом болеют туберкулезом и, несмотря на то, что болезнь излечима, нередко умирают. Но беспокоиться не надо: «Голода никогда не будет».

Парадоксально, но причины экономического кризиса многими напрямую связываются с демократией. Это не так. Но в общественном мнении уже сложился определенный стереотип. В то же время демократия сама испытывает жесточайший кризис. Некоторые ученые впоследствии обозначили 1992-й год датой ее смерти. «Демократическое движение было рождено государством, государством в конце концов обернулось. Оно выполнило свою миссию, уничтожив тоталитарную власть и после этого перестало существовать как движение»[139].

В 1993 году Григорий Алексеевич пишет «Тезисы к программе экономической реформы». Однако в данном случае инициатива шла не от него. В апреле 1993 года в Москве для обсуждения проблем выживания собрались предприниматели со всей России. Их голоса, придушенные налогами и чиновничьим произволом, в совместном усердии производили впечатление стройного хора. Они создали объединение «Предприниматели за новую Россию» (ПНР), которое, в свою очередь, избрало оргкомитет. Оргкомитет, представлявший рациональное ядро наиболее передовых предпринимателей, дал понять Григорию Алексеевичу, что не прочь видеть его своим лидером.

Г. А. Явлинский написал по их просьбе «Тезисы к программе экономической реформы», но в лидеры не торопился. Ему хотелось создать свое объединение. К этому времени Григорий Алексеевич сближается с Ю. Болдыревым, благополучно приземлившимся в ЭПИцентре после катапультического вылета из высших эшелонов власти.

* * *

Главный государственный инспектор Российской Федерации Ю. Болдырев тщетно пытался превратить Главное контрольное управление в деполитизированный орган, чтобы судьи были объективны. По его мнению, контрольные функции не могут совпадать с партийными. Контролируя, человек должен руководствоваться не интересами партии, а профессиональными экономическими интересами. Он почему-то не хотел работать так, как требовала атмосфера высших эшелонов власти, считая, что работа в расчете на сиюминутную политическую конъюнктуру не имеет смысла. Год проработал реформатор в управлении. 4 марта 1993 года Б. Ельцин освободил Ю. Болдырева от занимаемой должности в связи с упразднением этой должности и утверждением новой структуры администрации Президента. Ему не дали отработать два месяца и не предложили ничего другого как поскорее освободить кабинет, что он и сделал. Впоследствии он вновь вернется во властные структуры и станет вдохновлять атмосферу теперь уже Счетной палаты поиском объективности и непредвзятых оценок. С грустью делился он со Светланой Сорокиной в телепередаче «Герой дня» уже в 1998 году, что до сих пор тянется проверка избирательной кампании президента 1996 года, что 11 трлн рублей незаконно направлено на восстановление Чечни… И выражал сильное желание видеть в библиотеках России материалы Счетной палаты. Очевидно, на этот раз секрет «усидчивости» Болдырева кроется в том, что Счетная палата, заместителем председателя которой он является, подотчетна парламенту и освободить его от должности может только парламент.

Когда Ю. Болдырев проходил через первое чистилище избирательной кампании еще при Горбачеве (он депутат от С.-Петербурга), в одном из выступлений он сказал: «Общество вправе выбрать в качестве своих представителей и людей по известной терминологии «не в белых перчатках». Это будет означать, что система только видоизменилась, но в демократическую так и не превратилась». Таким образом еще один, воспылавший любовью к демократии, оказался в ЭПИцентре.

* * *

Григорий Алексеевич отнесся к нему с пониманием: самому не раз приходилось катапультироваться из тех же самых структур власти, да и «белые перчатки» всегда были его личным опознавательным знаком. Его начали упрекать за то, что он хочет

делать политику «в белых перчатках» еще где-то с 1990 года. На что он отвечал с чувством собственного достоинства: «Вся обида на меня у них (у власти. — *Прим. авт.):* почему не хочешь вместе с нами мараться? Не хочу! Не терплю туфты и грязи! «Ах ты, чистоплюй! Кому это надо?» Вам не надо, а мне надо, меня родители так воспитали»[140].

А потом подоспел и третий — В. Лукин, воспитанный родителями в том же духе. Вокруг них стала формироваться группа людей «в белых перчатках» и с горячими порывами души. К ним присоединился директор Института гуманитарно-политических исследований В. Игрунов, руководитель агентства Постфактум Г. Павловский и, конечно, сотрудники ЭПИцентра.

Тем временем неослабные усилия сыграли свою роль. Его рейтинг, как подтверждали опросы общественного мнения, был окрашен не только злобой, но и добрыми эмоциями. В начале августа 1993 года Григорий Алексеевич вышел на третье место, а в конце месяца оставил позади сцепившихся в борьбе за власть Ельцина и Руцкого.

* * *

21 сентября 1993 года в 20 часов по телевидению выступал Президент Российской Федерации Б. Ельцин. Он зачитал пресловутый указ № 1400: роспуск парламента, введение фактически президентского правления. Он обосновал свое решение тем, что эта мера вынужденная, предпринимаемая, чтобы устранить паралич власти. Помнится, в российской истории уже встречались подобные случаи преодоления кризиса власти. Правда, вопрос решался внутри одной фамилии и, конечно, без танков. Святополк избавился от своих братьев Бориса и Глеба, Екатерина — от своего мужа, убили и императора Павла… Борис Николаевич не только распустил парламент, но и назначил выборы в новый, а также пообещал, что в июне 1994 года пройдут президентские выборы. От последнего он вскоре отказался — передумал.

В Белом доме народные депутаты внимательно прослушали известие о своем роспуске и сразу же побежали на телевидение со своим контризвестием. Не успело население страны осмыслить первую новость, как услышало другую. Белый дом готовился к защите и призывал к своим стенам народ и прессу. Народ отреагировал вяло и недостойно. В вечерних сумерках у Белого дома собралась редкая толпа зевак, с любопытством поглядывая на окна. Скорее всего их привела не идея и не желание защитить

демократию, а любопытство. Политическая драма с самого начала приобрела очертания развлекательного шоу. Со знаменитого балкона выступали Зюганов, Анпилов… В этот вечер все обошлось, но в последующие многим пришлось заплатить за любопытство своей жизнью. В августе 1991 года народ уже собирался у стен Белого дома, но тогда Ельцину удалось идентифицироваться с демократией. Сейчас демократический нимб тщетно пытались приклеить к голове то Руцкой, то Хасбулатов…

К этому времени А. Руцкой уже был изгнан со своего поста, а 16 сентября в его кабинете был отключен телефон. Но это не смущало Александра Владимировича. Сдаваться, а тем более самораспускаться он не собирался. Не остановила депутатов и вялая поддержка народа. Они стали вооружаться. Оборону Белого дома возглавил генерал Ачалов. В Белом доме отключили правительственную связь, электричество. Но депутаты горели энтузиазмом и светились надеждой на победу. В ночь с 21 на 22 сентября в 00 часов Руслан Имранович открывает экстренную чрезвычайную сессию Верховного Совета словами: «Александр Владимирович, прошу на Ваше место», имея в виду трон президента.

А дальше события развивались, как в кошмарном сне. Белый дом блокировала милиция. Внутри осады люди, поддерживающие парламент, жгли костры и пели песни, похожие на «Марсельезу». Среди защитников Белого дома оказались и не только любопытные. Были там боевики из Тирасполя, казаки, остатки рижского ОМОНа. В ночь с 23 на 24 сентября они совершили нападение на штаб объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Начался кровавый отсчет.

Вечером 28 сентября, когда вооруженные формирования Белого дома пытались прорвать оцепление, были новые жертвы. И кульминация в ночь с 3 на 4 октября. Вооруженные формирования уже у стен «Останкино», мэрии… Десятки убитых, сотни раненых.

27 сентября в Белый дом пришел Григорий Алексеевич, чтобы переговорить с А. Руцким. Он тщетно пытался охладить воинствующий пыл Александра Владимировича и убедить его в необходимости мирных переговоров. Руцкой остался непреклонен. Он жаждал боя. Но то, что произошло в ночь с 3 на 4 октября, было похоже не на бой, а на бойню.

Многие до сих пор упрекают Г. Явлинского в том, что в эту ночь он выступал по телевидению: требовал навести порядок, обращаясь к президенту. То ли не надо было порядок наводить, то ли не к тому человеку обращался? Его позиция, мне кажется, как

раз-таки понятна — он пытался погасить пожар, который мог перейти в пожар гражданской войны. Позицию президента понять труднее. Чего он ждал? Только безумный во время войны преисполняется миром. Или у него был какой-то расчет? Что же это за расчет, который сопровождается стонами умирающих? Как бы то ни было, а правительственные войска хоть и с запозданием, но появились. Старый парламент расстреляли. Кровь убитых еще не остыла, когда начались выборы в новый.

* * *

В октябре 1993 года наша страна была доведена до братоубийства. Спустя два года Генеральная прокуратура заявляет — в смерти наших сограждан были виноваты обе враждующие стороны. Мы согласны с этим. И все же считаем, что в этой трагедии виноват прежде всего тот, кто был сильнее.

На совести исполнительной власти намеренное придание парламенту образа врага, с которым может быть только один разговор — с позиции силы. На совести Президента отказ от политического диалога с парламентом.

Экономические реформы начались «под ответственность» президента Ельцина, который получил чрезвычайные полномочия и взял под свое покровительство деятельность команды Гайдара. Конфликт Президента с представительными органами власти был предрешен: в реформах 1992–1993 гг. осуществлялась попытка привести россиян к неосознанному ими «светлому будущему». При этом исполнительная власть за полтора года не сделала даже попытки разговора с гражданами о тяготах их жизни, не выказала сочувствия им или намека на понимание их бед. В пику «шоковому терапевту» — Президенту, парламент выбрал маску «реаниматора».

Мы считаем, что власть должна разговаривать с людьми, объяснять им свои планы и действия, признаваться в собственных ошибках. Вместо этого тех, кто пробовал критиковать проводимую политику, вносили в «черный список» антиреформаторов.

Конечно, много усилий в разжигание октябрьского конфликта было приложено и Верховным Советом-Более того, защитники Конституции позволили собраться вокруг себя экстремистским силам и откровенным уголовникам…

Правдивый анализ и оценку произошедшего могла бы дать парламентская комиссия по расследованию событий осени 1993 года. Ее создание было одним из предвыборных обещаний «ЯБЛока».

Мы: и граждане, и политики должны были понять, как началось и развивалось противостояние, как и почему оно вошло в критическую фазу, что делать, чтобы история никогда больше не пошла подобным путем.

Парламентская комиссия по расследованию событий октября 1993 года была создана Государственной думой в самом начале ее работы. Но затем те, кто аплодировал действиям президента, «выменяли» у непримиримой оппозиции амнистию на забвение того, что пережила Россия в 1993 году [141].

Под расстрел Белого дома верноподданные идеологи подвели свою платформу. Вслед за «идеологами» многие люди с осуждением отнеслись к «номенклатурным реваншистам» из Белого дома и радовались новым «победам» Ельцина. Правда, были отдельные горестно изумленные выкрики людей, которые так же, как и Явлинский, искренне служили демократии. «Указ № 1400 неконституционен», — говорил впоследствии А. Казанник. «Демократия в опасности», — шептало эхо. «Зачем нужен парламент, который ничего не решает?» — удивлялись люди. Журнал «Социально-политические исследования», ни на что не намекая, цитировал Гитлера: — Ни в палатах, ни в сенате никогда не будет никаких голосований… Будут только работающие учреждения, но не голосующие машины. Каждый член учреждения имеет только совещательный голос, но не решающий. Решает только соответствующий председатель, несущий и ответственность[142].

Вообще-то радоваться новой «победе» президента было трудновато. Для этого надо было хорошенько заткнуть уши, чтобы не слышать плач осиротевших и овдовевших. Руцкой, Хасбулатов, Ачалов, Макашов, Баранников, Дунаев и другие отправились в Лефортово. Им дали камеры на двоих с унитазами и умывальниками. Такое «уютное» уединение, наверное, способствовало самоуглубленному сосредоточению и размышлениям о пережитом. По мнению Г. А. Явлинского, не в меньшей степени была виновата и другая сторона конфликта. «Другая сторона» жила в более уютных апартаментах. Белый дом зализывал раны. Депутаты с ярлыком, приклеенным президентом, — красно-коричневые — навсегда сошли с политической сцены. Конституция, принятию которой два года противились депутаты, была принята. Но принятие проходило несколько странно. Конституционное совещание не было уполномочено избирателями принять Конституцию ни прямо, ни через своих представителей. И говорить, что Конституция была ими принята или ратифицирована, нельзя. Отсюда и очень осторожные слова Ельцина: «Некоторые участники пожелали

оставить на память свои подписи под Конституцией. Надо им дать возможность это сделать»[143]. По этой Конституции Б. Ельцин получал еще больше прав, чем имел в свое время Сталин.

В новой Конституции уже не было ничего, что бы могло спровоцировать повторение двоевластия. Нет уже должности вице-президента, которую занимал А. Руцкой. Судебная власть поставлена в зависимость от президента: он представлял парламенту высшие судейские лица. Защитился Борис Николаевич и от опасности импичмента, поделив эту процедуру между Конституционным Судом и высшим судейским присутствием. Тогда же была заложена и процедура назначения премьер-министра, создавшая весьма двусмысленное положение в апреле 1998 года в связи с назначением С. Кириенко. Впервые текст этой Конституции был опубликован 10 ноября 1993 года в «Российской газете», а референдум назначался на 12 декабря. «Проект Конституции, внесенный президентом, если он будет одобрен на референдуме 12 декабря, — рассуждал Григорий Алексеевич, — нельзя рассматривать иначе, чем временный конституционный акт»[144]. Проект был принят: ощущение временности, неустойчивости происходящего стало нормой жизни.

Г. А. Явлинский занялся предвыборной кампанией. Для начала он сжег мосты, соединявшие его с ПНР. Часть ПНР влилась в ПРЕС С. Шахрая, часть рассыпалась на независимых кандидатов. Григорий Алексеевич создал свой собственный избирательный блок «Явлинский — Болдырев — Лукин». Много способствовал признанию нового избирательного блока высокий рейтинг Г. А. Явлинского.

РПРФ, переживавшая в это время серьезные болезни роста, частично влилась в новый блок Явлинского, который рос не по дням, а по часам. В него вошли и члены Клуба избирателей Академии наук (КИАН). Но мощь только тогда мощь, когда есть единство, а единства не было. Все собрались колючие, сами себе хозяева, каждый имел свое жизненное кредо и не хотел ни от кого зависеть или подчиняться. Например, Ю. Болдырев так же, как Н. Петраков, В. Игрунов и некоторые другие отрицательно оценивал политику президента и правительства во время октябрьских событий. А Шейнис, Лысенко поддерживали и президента и правительство. Они даже оправдывали президента за кровь, пролитую в октябре, называя это вынужденной мерой.

Так или иначе, но «разношерстные» сумели сплотиться и разработали свою программу, тем более, что, как выяснилось, они имели по паре белых перчаток. И первое, что записали они в

своей программе: «Мы против политики, для которой хороши все средства…. против политики «рынок», «демократия», «свобода» любой ценой… Цель не оправдывает средства. Средства достижения политических целей важны для нас не менее, чем сами цели. Мы исходим из того, что законность никогда не должна приноситься в жертву целесообразности»[145].

С этими программными документами можно соглашаться или не соглашаться, можно их критиковать, но все же хотелось, чтобы критика была обоснована, иначе мне трудно понять смысл критики. С. Глазьев среди своих претензий «ЯБЛоку» назвал «недостаточную оппозиционность, уход от политической ответственности при принятии решений (как в октябре 1993 г.), излишне прозападную ориентацию в ущерб национальным интересам»[146]. На мой взгляд, Г. А. Явлинский с 1993 года находится в оппозиции, стараясь реанимировать демократию. А его реакция на октябрьские события очень четко была сформулирована на заседаниях Госдумы в начале 1994 года. В Госдуме произошло следующее. Сперва приняли меморандум о согласии вместе с постановлением «Об амнистии за некоторые преступления, совершенные в сфере политической и хозяйственной деятельности», включающей амнистирование в отношении лиц, привлекаемых к ответственности за события 19–21 августа 1991 года, 1 мая 1993 года и в связи с противодействием 21 сентября—4 октября 1993 года. Затем было постановление Госдумы о ликвидации решения Госдумы о создании комиссии по расследованию причин и условий событий 21 сентября — 4 октября 1993 года. Получилось, что «фашисто-коммунисты» разбиты, но виноватых нет, а люди, убитые возле мэрии, «Останкино», виноваты сами: зачем они там оказались? Получилось, что «фашисто-коммунисты» и уголовники «варились» в одном котле, то есть голосовать за принятие амнистии предлагалось одним пакетом.

«ЯБЛоко» выступило против пакетного голосования, усмотрев в этом элемент политического торга. И категорически выступило против отмены решения о создании комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года. Как сказал «яблочник» В. Шостаковский, национальное примирение невозможно в «страусиной позе» — без оценки обстоятельств дела нельзя закрыть страницу истории». Основой для примирения должны стать расследование и оценка этих событий.

По-моему, все тут с позицией ясно. Или С. Глазьев усматривает уход от политической ответственности в том, что Явлинский не примкнул ни к одной из противоборствующих сторон? Да, он не был ни с Ельциным, ни с парламентом. Его

фракция выступала со своей особой позицией, требуя расследования октябрьских событий. «ЯБЛоко» было в меньшинстве, но это меньшинство духовно ближе мне, чем большинство, позволившее, мягко выражаясь, спустить на тормозах волнения людей. В этой позиции «большинства» депутатов Госдумы не было разумного компромисса, не было примирения, а было, пожалуй, многозначительное многоточие, открывавшее возможность для новых кровавых событий, в том числе и в Чечне.

Насчет прозападных ориентаций спорить не берусь. Однако, изучая программу «ЯБЛока», анализируя деятельность этой фракции, я так и не поняла, какой именно ущерб нанесен «ЯБЛоком» национальным интересам. Нечто подобное говорил и Жириновский 24 апреля 1998 года на пленарном заседании парламента, агитируя голосовать за С. Кириенко, он мимоходом прошелся по «ЯБЛоку», намекнув, что оно на содержании США. Здесь надо серьезно подумать. Куда же все-таки уходит корнями «яблоня»? В США? Может быть, в Японию? Явлинский туда тоже ездил. Или в Германию? Когда сняли с поста В. Черномырдина, он находился именно там. Прозападная ориентация, может быть, просматривается в том, что все поездки Григория Алексеевича сориентированы на Запад: то Германия, то Франция… Иной раз в Америку или Японию слетает, а так все Запад и Запад. На Востоке, наверное, и не был. Китай, судя по его высказываниям, не любит. Прокитайской ориентации не хочет. Вот что он говорил, когда в 1995 году ведущие политики и экономисты собрались в газете «Правда» за «круглым» столом: «И последнее соображение — это соображение, связанное с тем, что здесь много говорят о Китае и о китайском примере. Ничего из тех предпосылок, которые есть в Китае, у нас нет. Этот опыт для нас непригоден»[147].

Короче говоря, избирательный блок уже с первых шагов пользовался повышенным вниманием со стороны бдительных «друзей». Он шел к выборам в смятении и тревоге. Тяготила тревога и Г. А. Явлинского: «Стало ясно, что в случае ее (Конституции) принятия, даже получив очень большую поддержку этого альтернативного курса, реализовать его через Государственную Думу в условиях такой Конституции невозможно. Потому что… вся фактическая власть концентрируется в руках одного человека — президента… Как поступить? Продолжать убеждать людей в том, что демократическая альтернатива существует, или сказать, по крайней мере, самому себе: по политической ситуации, по тому, как все складывается, эту альтернативу ты реализовать не

сможешь»[148].

Очевидно, сомнения впоследствии исчезли. Его вера в победу, в успех демократических преобразований в России вызывает уважение. Он несколько раз был изгнан и осмеян вершителями судеб, они могли его презирать и ненавидеть, могли оклеветать и очернить, но они были бессильны отобрать у него веру. Эта вера придает его образу величие, которым, пожалуй, не обладает больше никто из действующих политиков. Поэтому он появился снова на политическом Олимпе, поэтому возле него стали объединяться люди.

Авторитет его имени был настолько высок, что порой его использовали в своих корыстных целях не совсем честные люди. В. Я. Гельман приводит любопытный факт:

— Характерна в этом отношении история, произошедшая в Саратовской области. Здесь на выборах в областную думу местные политики — выходцы из ДемРоссии, выпавшие из нее из-за своей нереспектабельности, создали «Блок Явлинского в Саратовской области». Этот блок менее всего соотносил себя с программными установками «ЯБЛока» и эксплуатировал имя известного деятеля. (В ответ на обвинения в самозванстве лидер саратовских «явлинцев» заявил, что блок назван «в честь дворника Явлинского из соседнего двора»…) Все же одно место по партспискам и два по округам блок получил[149].

Рейтинг Г. А. Явлинского стабильно держался на высоком уровне. Его блок уверенно шел к финишу, рассчитывая примерно на 70 мест в Думе. Но у самого финиша его обогнал В. Жириновский. Не знаю, что сыграло роль, то ли его обещания помочь выжить, то ли усталость избирателей от чересчур умных политиков. Феномен Жириновского, наверное, будет еще изучаться. Он слишком вольно себя ведет, так вольно, что порой задумываешься о необходимости медицинского освидетельствования. Пожалуй, пройдут многие годы, прежде чем мы поймем, почему становится возможным приход к власти людей с криминальным прошлым вроде А. Клементьева, людей с вульгарным настоящим вроде В. Жириновского.

«ЯБЛоко» получило 20 депутатских мандатов по общефедеральному округу. Болдырева вновь поддержал С.-Петербург, семеро прошли по одномандатным округам. Начался новый этап в жизни Явлинского. Однако борьба борьбе рознь. Г. А. Явлинский пришел на политическую сцену, вооруженный и боксерскими перчатками, и шпагой, и револьвером… А борьба перешла в сферу булавок, компотных дуэлей, резвых потасовок и черноязычия. Знаменитое высказывание Черчилля о борьбе бульдогов под ковром не отражает специфики Госдумы, здесь,

наверное, надо вести речь о мышах.

После выборов 1993 года, пожалуй, уже не могло быть вооруженного противостояния между президентом и парламентом. Страсти поулеглись. Но, несмотря на это, индивидуальные позиции лидеров фракций, депутатов, прочих лидеров оставались очень шаткими. Это неизбежно вело к подковерным играм. Не побоюсь сказать, что и сейчас главный девиз мирного сосуществования думских фракций — топи соперника. Не знаю, хорошо ли плавает Григорий Алексеевич, тем более, что плавать приходится в очень грязной воде, поживем — увидим.

В заключение приведу официальные документы, предоставленные мне пресс-службой «ЯБЛока»:

После разгона Верховного Совета осенью 1993 года нам не легко далось решение об участии в парламентских выборах. Были большие сомнения в целесообразности парламентской работы после того, как граждане оказались перед необходимостью голосовать за новую Конституцию, отводящую Государственной Думе призрачную роль. И уже совсем никакого доверия не вызывало «министерство демократии» — подчиненный Президенту Центризбирком. Не было, казалось, никакого смысла участвовать в игре без арбитра и возможности узнать, выиграл ты или проиграл.

Однако мы были ответственны перед людьми, которым несколько лет в глаза говорили о том, что в России может быть нормальная власть и гражданское общество. На нас лежала ответственность, так как мы понимали необходимость демократической оппозиции существующей власти и опасность любой внепарламентской оппозиции для России.

И еще. У нас был план действий, позволяющий России стать сильным и демократическим государством. Мы знали, что на это уйдут годы, но работу нужно было начинать немедленно. Ради этого мы пошли в Государственную Думу.

В 1993 году за нас проголосовало более 4 миллионов наших сограждан. Так в Государственной Думе появилась фракция «ЯБЛоко», в ней 27 депутатов. Многие предрекали нам раскол, но… Своих депутатов «растеряли» почти все, из «ЯБЛока» же за два года перешел в другую фракцию только один человек.

За время работы в Государственной Думе ни один из членов нашей фракции не воспользовался предоставленными президентом льготами и не получил ни привилегированных дач, ни квартир, ни автомобилей.

Часть третья

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Чеченская война

В начале 1996 года я приехала в командировку в Ремонтненский район Ростовской области. Район этот в советское время славился овцеводством. И сейчас тоже я вместе с сопровождающими поехала по овцеводческим хозяйствам. Далеко в степи затерялся домик чабана-чеченца. Встретил он нас приветливо, усадил за стол. Невольно речь зашла о войне, о Чечне. Его жена с болью в голосе сказала: «Они не боевики, они — люди!» и ушла. Мне показалось, что она заплакала. Тогда я не написала об этом в газете, потому что тема моей статьи была другой. Но мне очень запомнилась их гостеприимная большая семья. Прощаясь, глава семьи пожал мне руку и я почувствовала прикосновение жестких старых мозолей на его ладони.

И тогда я подумала, что нам — русским и чеченцам — нечего делить друг с другом. Мы понимаем друг друга, потому что у нас есть общий язык — язык труда. Политики делят между собой сферы влияния и для этого им нужна война, ради этого они не брезгуют человеческой кровью. 18 февраля 1992 года «Независимая газета» опубликовала интервью с Джохаром Дудаевым, поставив в заголовок его слова:

— И пусть я буду вандалом, если цель достигается.

Но обвинить в бедах, причиненных войной, одного лишь Дудаева, пожалуй, будет неправильно. Виновато руководство России, виноваты и мы все, молчаливо позволившие случиться этой позорной для России войне.

Политическая активность демократической оппозиции, в том числе Г. А. Явлинского, фракции «ЯБЛоко», напоминала аналогичные действия оппозиции времен перестройки, за которой последовала отставка М. Горбачева. Но если оппозиция времен перестройки сделала возможным принятие общественным мнением Беловежского соглашения, то сейчас общественное мнение не поддержало демократическую оппозицию. Ни сейчас — в начале Чеченской войны, ни потом — на президентских выборах 1996 года не было мобилизации масс вокруг демократических символов. Это заставляет задуматься над тем, а нужна ли нам демократия?

Отсутствие политической культуры приводит к тому, что коллективный интеллект простых смертных смешивает авторитарные и демократические представления. Например, многие выступают за наведение жесткого порядка, но одновременно хотят сохранить и свободу слова, и свободу вероисповедания, и прочие демократические завоевания. Многие

россияне связывают надежды на улучшение с приходом к власти «Жесткой руки», но избрать ее хотят демократическим путем. «Жесткая рука», как правило, захватывает власть силой, политическим переворотом, аферой, но не демократическим путем.

Накануне Чеченской войны, в 1993 году, был проведен опрос общественного мнения. Среди прочих вопросов был вопрос об отношении к тезису о том, что одной из задач режима «Жесткой руки» является применение силы для предотвращения распада России. Из сторонников установления «Жесткой руки» для достижения экономических целей «за» высказалось 35 %, «против» — 31; из сторонников социалистического авторитаризма «за» — 37, «против» — 28; из сторонников капиталистического авторитаризма «за» — 30, «против» — 38 %. Опрос был проведен среди жителей России 88 городских и сельских населенных пунктов (в 11 регионах страны). Такому опросу трудно не верить. Но если подавляющее большинство высказалось за применение силы для предотвращения распада России, то правильно ли обвинять в войне одних лишь правителей?

29 ноября 1994 года, было передано по радио и опубликовано обращение президента Российской Федерации:

— Выражая волю нашего многонационального народа и в соответствии с полномочиями, которые даны мне Конституцией Российской Федерации, обращаюсь ко всем участникам вооруженного противоборства в Чеченской Республике с требованием в течение 48 часов с момента моего обращения прекратить огонь, сложить оружие, распустить все вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан.

Если в течение установленного срока это требование не будет выполнено, то на территории Чеченской Республики будут использованы все имеющиеся в распоряжении государства силы и средства для прекращения кровопролития, защиты жизни, прав и свобод граждан России, восстановления в Чеченской Республике конституционной законности, правопорядка и мира[150].

Установление конституционной законности не потребовало бы принятия столь экстренных мер, если бы еще полтора года назад при заключении Федеративного договора были решены все вопросы взаимоотношения России и Чечни. Но тогда в газетах и журналах хвалили и президента Ельцина, и правительство за то, что они проводят осторожную выжидательную политику и даже по отношению к режиму Дудаева, демонстративно объявившему об отделении Чечни от России[151]. Если раньше Б. Ельцин ждал полтора года, молча наблюдая за тем, как Чечня вооружается и

готовится к войне, то теперь не дождался даже обозначенного им самим срока — 48 часов. Уже на следующий день был издан секретный указ № 2137 от 30 ноября 1994 года. Началась война.

В ноябре 1992 года (тогда еще был Верховный Совет, а не Государственная Дума) в парламенте был рассмотрен вопрос о конфликтной ситуации в Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республике. Тогда президент тоже настаивал на введении чрезвычайного положения. Ответ Верховного Совета народных депутатов был четким — нет. Депутаты заявили, что никакого чрезвычайного положения не может быть введено без ведома, согласия, обсуждения и утверждения на Верховном Совете. Нынешний парламент не имел таких прав, которые имел парламент, расстрелянный в октябре 1993 года.

После подписания указа № 2137 была создана группа руководства действиями «по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики. «В составе этой группы были: Грачев П. С. (руководитель), Егоров Н. Д., Ерин В. Ф., Круглов А. С., Куликов А. С., Николаев А. И., Паничев В. Н., Пастухов Б. Н., Старовойтов А. В., Степашин С. В., а также Ширшов П. П. и Юшенков С. Н. (два последних — по согласованию с председателем палат Федерального собрания)»[152]. На всю операцию отводилось три недели. О том, каким образом пытались противостоять началу войны депутаты Государственной Думы, в том числе и Г. А. Явлинский, наверное, лучше узнать из Чеченского дневника самого Григория Алексеевича.

— 5 декабря 1994 года Думская фракция «ЯБЛоко» получила информацию о том, что в ночь на шестое готовится крупная войсковая операция по захвату Грозного. На состоявшемся в этот день заседании фракции Г. Явлинского было поручено выступить с заявлением, направленным на предотвращение назревшей войны.

Заявление Г. Явлинского по поводу событий в Чечне (5 декабря 1994 г.)

(сокращенное изложение)

То, что сейчас известно о событиях в Чечне, говорит о том, что ситуация там вышла на грань Кавказской войны. Эта модель войны, типа вьетнамской, афганской, которые не имеют завершения. Почему и за что мы должны отдавать там жизни наших детей, остается открытым вопросом.

Нынешняя политика властей привела к сплочению людей вокруг фигуры Дудаева. Я не берусь сейчас оценивать, но я понимаю, что в результате всех этих действий Дудаев стал тем человеком, с которым Ельцин должен теперь вести переговоры.

Выходом из сложившейся ситуации могут быть только немедленные переговоры Ельцина с теми, кто представляет сейчас население Кавказского региона, в частности Чечню. Начать эти переговоры крайне сложно, тем более что в Чечне есть пленные русские люди, которых самым бессовестным образом просто обманули и вовлекли в авантюру.

Наше предложение: я и еще ряд депутатов готовы поехать в Чечню при условии, что пленные будут освобождены. Мы будем находиться там вместо них, на их положении до того времени, пока не начнутся переговоры. Вот два наших конкретных предложения:

— немедленные переговоры;

— обмен российских военнослужащих на депутатов Государственной Думы.

Я и мои товарищи, которые дали на это согласие, готовы вылететь в Чечню, как только это будет возможным для того, чтобы обеспечить возможность этих переговоров. Мы надеемся, что бомбардировки там будут прекращены и не будет боевых действий[153]. Вряд ли переговорный процесс входил в план российских правителей. Уж если они за полтора года не договорились, то, наверное, не потому что не могли, а потому что не хотели. Явлинский придерживается другого мнения. В телепередаче «Итоги» 11 декабря 1994 года, отвечая на вопрос Е. Кисилева, он сказал, «что эта власть не умеет ничего другого. Ну просто не умеет! Если человек не умеет играть в шахматы, он может только перевернуть доску, если ему сильно досадили. Вести демократическую политику — это же сложно. Это же сложно — вести разумную политику. Я понимаю, что гораздо интереснее рассказать какой-нибудь страшный сюжет, о каких-нибудь схватках под ковром, заговорах и всех таких прочих вещах. Наверное, кто-то что-то действительно где-то… Но не в этом суть нашей политической ситуации. Суть нашей политической ситуации заключается в том, что те лица, те люди, которые ее сегодня вершат, ни к чему другому кроме того, что мы сегодня видим, не способны».

Заявление Григория Алексеевича выслушали, никто не отказывался от его предложения о немедленных переговорах, но никто и не помог. Тщетно они просили президента Б. Ельцина помочь им добраться до Грозного — дать самолет. Самолет за ними прислал Президент Ингушетии Руслан Аушев. Вот как об этом рассказывает участник поездки в Грозный, депутат Государственной Думы от фракции «ЯБЛоко» Алексей Мельников: *— Вечером 5 декабря депутаты нашей фракции не расходились. Явлинский позвонил в Грозный из кабинета председателя*

Комитета Госдумы по обороне, который постоянно находился на связи с Грозным. Дудаев согласился с ним переговорить.

Г. Явлинский предложил ему, чтобы группа депутатов «ЯБЛока» приехала в Грозный с тем, чтобы предотвратить начало военных действий и запустить переговорный процесс. При этом Явлинский твердо сказал, что если мы приедем, то хотели бы, чтобы были освобождены все российские военнопленные, оставшиеся в Грозном. Дудаев дал на это согласие. Это уже потом телевидение и газеты выдвинули освобождение пленных как основную цель поездки. На самом деле главным было: 1) попытаться своим приездом вразумить безответственных политиков в Москве и попытаться остановить намеченную ими на 6 декабря военную авантюру; 2) проверить готовность Дудаева к серьезным переговорам с Москвой.

Освобождение военнопленных было очень важной, но сопутствующей задачей. Мы, как представители пусть законодательной, но ВЛАСТИ, понимали свою ответственность перед этими военнопленными, от которых отказался Грачев, назвав их «какими-то наемниками», хотя все это были офицеры и солдаты Кантемировской дивизии. Мы понимали всю ответственность как перед родными этих солдат и офицеров, так и вообще перед гражданами России. Ведь любой гражданин России должен быть уверен в том, что государство, отдав ему приказ о выполнении какого-либо задания, сделает затем все возможное для того, чтобы вызволить в случае необходимости из беды. Поэтому мы были просто обязаны что-то сделать…

Мы вылетели из Москвы в 2 часа ночи 6 декабря. Приземлились в Моздоке примерно в 5 часов утра и к 7 часам добрались на автобусах до Грозного. Город жил своей обычной жизнью, люди шли на работу, стояли на автобусных остановках… За все время пути от аэродрома до центра в Грозном вооруженные люди встретились дважды: первый раз чеченский пост с одним БТР недалеко от границы с Ингушетией и второй раз десяток охранников с БТР у административных зданий в центре.

На улицах мы не почувствовали враждебности, хотя, конечно, после штурма 26 ноября напряжение ощущалось… Но вместе с тем, даже вооруженные ополченцы, узнав Г. А. Явлинского и С. Н. Юшенкова, выражали им уважение за попытки разрешить чеченский кризис мирным путем[154].

Да, Григорий Алексеевич хотел предотвратить войну, хотел вести переговоры. Он не был поддержан широкой общественностью. Не было митингов протеста, вроде тех, что произошли в январе 1991 года в ответ на события в Литве. Не слышно было даже тихого шепота против. Заняли однозначную

проправительственную позицию и средства массовой информации. Умные историки и политологи и сейчас еще пытаются обосновать Чеченскую войну, доказывая ее неизбежность. Мне ближе точка зрения Г. А. Явлинского, которую он сформулировал в беседе с Е. Кисилевым 11 декабря 1994 года:

— Дело в том, что у нас Федерация ведь еще только складывается. Мы вообще можем сложить нашу страну только в результате процесса, длительного процесса. Это не просто разговоры, это переговоры о том, как организовать политическое взаимодействие между регионами и Центром. Это переговоры, как организовать экономическое взаимодействие. Это разговор о том, что всякие криминальные и экономически-криминальные действия в связи с Чечней должны быть абсолютно запрещены и должны быть выложены на стол переговоров. Это, наконец, военные вопросы, которые связаны с обеспечением безопасности. Если не разговаривают об этом, мы можем только сказать, что наша власть, наш президент становятся опасными для нашей страны. Потому что выдвигая тезис о том, что внутреннюю политику можно проводить только с по-мощью танков и боевых вертолетов, мы допускаем, что завтра будем решать и остальные вопросы таким же образом.

Была ли война неизбежна? Можно ли было ее предотвратить? Интересно, что ни Ельцин, ни Черномырдин, ни кто-либо еще из вершителей судеб россиян не захотели вести переговоры. Именно Г. А. Явлинский выступил с инициативой переговоров, именно он отправился в Чечню, собрав депутатов, чтобы предотвратить войну. О том, как переговорный процесс был сорван и кем, лучше узнать от него самого:

— Прежде нем встретиться с Дудаевым, мне пришлось три часа подряд беседовать с его вице-президентом, который, по моему мнению, является главным идеологом всего там происходящего. Как раз в эти часы состоялись первые переговоры Грачева с Дудаевым в Моздоке. Все это время меня продержали безвыходно в кабинете вице-президента, а остальных депутатов — членов делегации — в другом помещении. Так что, несмотря на последующие благородные заявления о том, что чеченцы заложников не берут, в эти часы они использовали нас именно как заложников безопасности Дудаева на переговорах с Грачевым в расположении российских войск. Но все же главная цель была достигнута — приезд нашей делегации послужил толчком к началу переговоров.

Когда Дудаев вернулся от Грачева, состоялась наша встреча один па один. Она продолжалась полтора часа. Это были тяжелые переговоры. Дудаев демонстрировал весь арсенал приемов

восточной дипломатии. Но тем не менее я все время чувствовал, что с ним можно разговаривать, можно достичь согласия, можно добиться своего. Правда, не все поставленные цели мы сумели реализовать. Мы планировали, отправив пленных в Москву, оставаться в Грозном в качестве гарантов безопасности от начала военных действий (наивные, как показал опыт С. Ковалева, расчеты). Но Дудаев сообщил нам, что одним из условий переговоров, которые поставил ему Грачев, было то, что, во-первых, нам передается только семь пленных из четырнадцати, а остальных получает сам министр обороны, всего несколько дней назад не желавший их признавать за своих солдат, а, во-вторых, что Дудаев поставит условием освобождения пленных наш отъезд вместе с ними из Грозного.

К сожалению, тот шанс для начала полномасштабных переговоров, который открылся в результате поездки нашей делегации в Грозный, не был реализован. Как стало ясно впоследствии, переговоры не входили в план властей на маленькую молниеносную победоносную войну. Вторжение началось[155].

Однако Г. Явлинский и фракция «ЯБЛоко» продолжали делать все возможное, чтобы остановить войну. Странно, но в своих попытках они остались в меньшинстве. Их не поддержали не только широкие массы, но даже парламент. 13 декабря 1995 года фракция «ЯБЛоко» выступила с заявлением:

О ситуации на Северном Кавказе

Нынешняя политика Президента и Правительства на Северном Кавказе есть лучший способ развалить Российское государство и получить затяжной гражданский и межнациональный конфликт, а проще говоря — кавказскую войну.

Учитывая состояние и компетентность федеральных силовых структур, сложность межэтнических отношений в кавказском регионе, исторические особенности и преступную запущенность чеченской проблемы, вся эта «операция» будет стоить россиянам многих жизней. Граждане нашей страны никогда не простят этого Ельцину, несущему всю полноту ответственности за трагические события.

Сейчас с каждым новым боем в Чечне утрачиваются шансы на успех переговоров.

Мы считаем:

— необходимы переговоры с представителями Чечни на самом высоком уровне, результатом которых должны стать немедленное прекращение огня, обмен пленными, поэтапный вывод войск и

начало разоружения;

— переговоры по политическим вопросам должны вести люди, не причастные к военным авантюрам последних недель и обладающие авторитетом в российском обществе;

— необходимо незамедлительно ввести в Конституцию изменения, которые позволят в большей степени поставить власть под контроль общества и провести в 1995 году выборы Президента [156].

На основании этого заявления фракция «ЯБЛоко» 20 декабря подготовила и внесла на рассмотрение Государственной Думы проект Федерального закона «О делегациях по урегулированию вооруженного конфликта в Чеченской Республике». Государственная Дума проект этого закона рассматривать отказалась… «ЯБЛоко» было в меньшинстве и пыталось противостоять Думе, Правительству, Президенту… Многие политологи ставят в вину Г. Явлинскому то, что он всегда находится в меньшинстве. Но меня больше привлекает меньшинство Явлинского, чем большинство развязавших войну. Мне импонируют многие его идеи. В вопросах о Чечне его позиция определилась очень четко, рельефно. И не менее, определилась позиция тех, кто на словах выступал с осуждением войны, а на деле не только не предпринимал никаких попыток остановить ее, но даже сопротивлялся, когда Явлинский и «ЯБЛоко» хотели остановить войну.

Интересен еще один момент, на который обратил внимание Григорий Алексеевич и который вызывает аналогии с последующими сложными социально-экономическими ситуациями, возникавшими в России:

— Причем я бы хотел обратить ваше внимание на анонимность всего происходящего, — говорил он Е. Киселеву в телепередаче «Итоги» 11 декабря 1994 года. — Генералы, которые ведут эти операции, только что чулки на головы не надели, а в остальном все похоже на известные ситуации из жизни уголовного мира. Уже сутки никто не вышел, не выступил по телевидению.

Анонимность становится атрибутом наших дней, входит в повседневную жизнь, у многих вызывая отчаяние от собственного бессилия. В чем причина невыплаты зарплаты врачам, учителям, бюджетникам? В чем причины задержек зарплат шахтерам? Кто виноват? Президент? Правительство? Парламент? Никто конкретно не виноват, а дети падают в голодный обморок. Никто не виноват, а из Чечни в Россию возвращались гробы. Конституционный Суд оправдал действия президента в Чечне. По словам Сергея Ковалева, президент, безусловно, несет

ответственность за ошибки и преступления своих подчиненных[157]. Кто же эти подчиненные? Кто развязал Чеченскую войну? Почему до сих пор никто не ответил за кровь, пролитую там?

Никто не хотел умирать в Чечне. Но солдат должен подчиняться приказу. 11 января 1995 года президент Чувашии Н. Федоров (бывший министр юстиции) издал свой указ, который нарушал Конституцию Российской Федерации, но позволял чувашским солдатам избежать Чеченской войны. Это был указ «О защите военнослужащих, не допускающий использование армии для разрешения внутренних конфликтов». Жаль, что такие указы не были приняты другими республиками. 2500 солдат и офицеров отказались воевать в Чечне. В связи с этим пресс-секретарь Комитета солдатских матерей России В. М. Мельникова задала Григорию Алексеевичу такой вопрос:

— Как вы считаете, может ли правительство выпустить директивное постановление о ненаказании?

— Здесь многое будет связано с позицией Конституционного Суда, который сейчас рассматривает ваше обращение. Если Конституционный Суд признает, что Указы президента о начале боевых действий в Чечне были неконституционными и незаконными, то это будет один поворот, судьбу этих людей будет решать значительно проще. Если такое решение не последует, то судьбу каждого придется решать в отдельности. Сложность и болезненность этой ситуации заключается в том, что, как вы понимаете, военные люди должны выполнять приказы. Если военнослужащие не будут выполнять приказы, то у нас не будет армии. А если в России не будет армии, то не будет и Российского государства. Мы не сможем защитить свои границы, свои территории. Ведь на юге, на юго-востоке страны у нас серьезное положение на границах. Поощрение со стороны общества невыполнения воинского приказа военнослужащими создает очень серьезное положение. Заяви сегодня; что воинские приказы могут не исполняться, — ив стране будет хаос. Другое дело, что отдаваемые приказы должны быть такими, чтобы их можно было исполнять по совести, по гражданскому долгу, по воинской чести.

Приказ о начале войны в Чечне был отдан Верховным Главкомом и военные должны выполнять приказ, который они получили. Но сказать, что те приказы, которые были отданы, когда началась война в Чечне и по ходу этой войны, были правильными, были направлены на защиту Родины, нашей государственности нельзя — это неправда. Наоборот, мы все убедились, что приказы, которые отдавались в армии по действиям на Северном Кавказе, вели к развалу государства, к развалу армии,

к вспышкам терроризма. Ситуация, сложившаяся с этими приказами, когда 80 % населения страны были не согласны с тем, что они вообще должны были быть отданы, когда у многих возникло сомнение в том, что такие приказы нужны для блага нашей страны, — все это поставило военнослужащих в очень двусмысленное, странное положение.

Вот перед какой дилеммой мы оказались сегодня. Выход из этой ситуации мне видится в объявлении общей амнистии.

В заключение приведу выступление Г. А. Явлинского, подготовленное по просьбе некоторых зарубежных газет прокомментировать ситуацию в Чечне, сделанное 21 декабря 1994 года.

— Кровопролитная война в Чечне — результат безответственного подхода российских властей к сложившейся в 1991 году ситуации после, мягко говоря, мало легитимной акции по объявлению независимости чеченским руководством. Вместо серьезных деловых переговоров по всему комплексу проблем, российское руководство на целых три года заморозило ситуацию: независимость Чечни не признавалась, но республике было позволено не участвовать в жизни России.

Заявление Ельцина, что, посылая войска в Чечню, он борется за целостность российского государства и за соблюдение Конституции, не более чем дымовая завеса. Президент, подвергаясь в последнее время резкой критике со стороны непримиримой оппозиции, просто решил, что настала пора разыграть национально-патриотическую карту, продемонстрировать, что он и есть та «сильная рука», которая не позволит своевольничать каким-то там чеченцам. Направив войска в Чечню, Президент самым непосредственным образом нарушил Конституцию, принятия которой сам же добивался год назад. Использовать войска он имел право только после объявления чрезвычайного положения в Чечне. Но для этого надо было получить одобрение парламента. Ельцин предпочел другой путь, издав Указ, где чрезвычайное положение назвал просто другими словами, он поручил правительству «использовать все имеющиеся у государства средства». Позволяя себе нарушать Конституцию, Ельцин сам ведет дело к развалу Федерации. Такие методы удержания в составе России субъектов Федерации безусловно вызовут и уже вызывают прямо противоположную желаемой реакцию.

Грачеву, который тоже был в последнее время объектом беспрецедентной критики по поводу коррупции в армии и стремительно терял ее доверие, нужна была небольшая победоносная война, чтобы доказать Ельцину свою преданность и

полководческий талант. Коррумпированным российским чиновникам и весьма высокопоставленным, как писала «Новая ежедневная газета», война в Чечне была нужна, чтобы скрыть следы своих связей с чеченской мафией.

В Чечне совершается преступление. Российские власти послали на смерть одних российских граждан — военных и обрекли на смерть других российских граждан — жителей Чечни, а также Ингушетии и Дагестана.

Использование российской армии против собственного народа должно быть немедленно прекращено. Должны быть начаты переговоры, длительные переговоры и по всему спектру существующих проблем, на самом высоком уровне. Никакие амбиции, никакие протокольные ухищрения не стоят ни одной потерянной в Чечне жизни. С Дудаевым можно вести переговоры. Я знаю это из собственного опыта. Ситуация там, конечно, очень непростая. Несомненно, там существуют и незаконные вооруженные формирования режима Дудаева и просто бандитские вооруженные группы, которые действуют там уже давно. Все их «художества» неоднократно описывались в прессе и были прекрасно известны федеральным властям. Более того, российские власти поддерживали одни бандитские формирования против других, надеясь на то, что антидудаевская оппозиция сможет вооруженным путем свергнуть режим Дудаева, а Россия останется как бы в стороне от внутричеченского конфликта. Не получилось. Вооруженное вторжение в Чечню вызвало уже народное сопротивление, причем не только в самой Чечне, но и в Ингушетии, и в Дагестане.

Отвечая на вопрос, согласен ли он на то, чтобы Чечня вышла из состава России, Явлинский так определил свою позицию:

— Я сторонник целостности и России и конституционной, а не договорной федерации. Если вы посмотрите на карту, то увидите, что выйти Чечне из России — это не столь простое дело. Кроме того, надо учитывать полнейшую интеграцию экономики и инфраструктуры этой республики и России в целом.

Если же говорить чисто теоретически о принципе, то да, я согласен. Но этот принцип не должен иметь цену в человеческих жизнях. По всему спектру Чечни, включая и этот вопрос, должны были все эти три года идти переговоры. Должно было быть обеспечено свободное волеизъявление жителей Чечни по вопросу о выходе из состава России. А война… Когда-то знаменитый стратег Клаузевиц сказал, что война — это продолжение политики иными средствами. Так вот, война в Чечне — это продолжение тупой политики преступными средствами.

На просьбу оценить изменение баланса политических сил в

результате Чеченской войны Явлинский сказал:

— Минувший год на конкретных примерах: «черный вторник» в экономике, Будапешт — во внешней политике, Чечня — во внутренней политике — доказал неспособность нынешних российских властей вести разумную политику ни в одной из этих областей. Развитие событий в Чечне поставило вопрос о смене действующих политических элит. Если война затянется, то естественной опорой существующего режима станут национал-патриотические силы. Силы демократии должны противопоставить этой перспективе требование досрочных выборов, что может привести нынешнюю власть в чувство. Престижу Ельцина чеченский кризис нанес непоправимый ущерб. Последний опрос общественного мнения показал, что только 22 % москвичей поддержали ввод войск в Чечню. Однозначно против высказалось 58 %. Каким бы ни был исход войны в Чечне, гибель в ней сотен, а может быть и тысяч людей, на многие годы останется кровоточащей раной российского общества» [158].

Избиратель «ЯБЛока», кто он?

Размышляя над трагедией Чеченской войны, невольно задумываешься над вопросом, а нужна ли демократия России? Страна послушно хоронила своих сыновей и отправляла новых в эту страшную мясорубку. Степняк-Кравчинский сказал, что ужаснее террора может быть лишь одно — безропотно сносить насилие. Однако с насилием, обусловленным политикой сверху (имеется в виду не только Чеченская война, но и приватизация, и многое другое), мог бороться разве что Г. Явлинский. И не потому лишь, что он, как однажды признался, научил себя не оглядываться и не бояться. Но потому, что он избрал единственно возможный законный вариант противостояния существующему политическому режиму. Он сумел организовать избирательный блок и провести его в Думу.

Но этот путь очень сложный и успех «ЯБЛока» часто сменялся поражением. Однозначно можно сказать лишь то, что многие проблемы демократической оппозиции, а именно на них сосредоточились «яблочники» были решены положительно. С 1993 года и по настоящий день — 30 мая 1998 года «ЯБЛоко» соответствовало всем классическим требованиям демократической оппозиции.

На парламентских выборах 1995 года «ЯБЛоко» устояло, причем значительно увеличился процент голосов в регионах, что дало возможность некоторым политикам говорить о «яблочном» буме. Это подтверждает устойчивость избирательной базы блока. За «ЯБЛоко» активно голосовали в Москве и Санкт-Петербурге, на Камчатке, в Нижегородской, в Ярославской, Тамбовской областях. Популярен Григорий Алексеевич и у нас на Дону.

Во всяком случае, мрачные прогнозы политолога А. Кивы о том, что «ЯБЛоко» как искусственная и по существу маргинальная структура скорее всего разделит судьбу «Выбора России», не оправдали себя. Г. Явлинский не предоставил политологу и иже с ним повода для злорадства и сумел сохранить и фракцию, и оппозиционный настрой. Но при существующей расстановке сил реально оказать влияние на события, происходящие в стране, было очень трудно. Во многом это определялось нечеткостью, юридической неопределенностью института президентства, значительно расширявшим его возможности. Но такая нечеткость по отношению к парламенту, наоборот, сужала его полномочия. Наиболее ярко это выразилось во время Чеченской войны. Отвечая на вопросы Е. Киселева в телепередаче «Итоги» 11 декабря 1994 года, Григорий Алексеевич сказал:

— Прежде всего я хотел бы напомнить, что парламент по новой Конституции больше похож на читальный зал. Он нужен для того, чтобы писать законы на будущее. Так его запроектировал Президент. Так он обусловлен в Конституции. И когда эту Конституцию принимали, надо было понимать, что эта Конституция выводит исполнительную власть из-под контроля парламента. Сегодня призывы к парламенту, чтобы он принял то или иное заявление, чтобы та или иная фракция написала какой-нибудь вердикт, — это в общем-то от бессилия. Ничего парламент в этом вопросе сделать не может по нашей Конституции, а тем более никакая фракция… Еще больше двух месяцев назад при рассмотрении вопроса о доверии правительству мы заявили о том, что смена правительства бессмысленна, вопрос касается Президента. Мы считаем, что демократию в России можно построить и без Ельцина. Мы настаиваем на том, чтобы прошли как можно скорее выборы, что нужно изменить Конституцию и только это позволит коренным образом поменять ситуацию. Мы будем действовать в этом направлении.

Добиваться чего-либо, лоббируя интересы избирателей в Госдуме, задача не из легких. Но и тогда, и сейчас в Явлинского многие верят, от него ждут каких-то новых оригинальных идей, поступков… В течение года я вела в газете «Молот» раздел о парламенте. Встречалась с руководителями региональных отделений думских фракций, изучала программы. Но тогда я бы засмеялась, если бы мне сказали, что я буду писать книгу о Г. Явлинском. Эта идея пришла ко мне после долгих поисков и размышлений. Случилось так, что из-за конфликта с главным редактором я была вынуждена уйти из редакции. Конфликт возник из-за того, что я спросила, куда уходят деньги от скрытой рекламы. Мне надоело жить впроголодь, потому что и зарплату, и гонорар, и командировочные не выплачивали месяцами. Мне надоело собственное униженное состояние.

За год до этого восемь сотрудников редакции написали коллективное письмо с просьбой провести проверку финансово-хозяйственной деятельности газеты. Проверку провели. Редакцию оштрафовали. А восемь человек один за другим ушли по собственному желанию. И все вернулось на круги своя.

Полагаю, что нечто подобное происходит и в центральных средствах массовой информации. В телепередаче «Герой дня» весной 1998 года заместитель председателя Счетной палаты Ю. Болдырев говорил, что есть структуры, которые Счетная палата проверить не может. И привел пример со средствами массовой информации, получающими деньги из бюджета и не подотчетных Счетной палате. Если они столь бережно охраняют

свою бухгалтерию от проверок, то, наверное, на это есть основания.

Размышляя над этими вопросами, я обнаружила, что двойная бухгалтерия типична не только для средств массой информации, но и для очень многих производственных предприятий: для тех же шахт, заводов… Бороться с этим, как выяснилось на личном опыте, невозможно, потому что нет законов, наказывающих за подобные финансовые вольности. В лучшем случае наказывают за сокрытие доходов от уплаты налогов — и то не руководство, а предприятие.

Таким образом от собственных злоключений я перешла к абстрактному вопросу о том, почему отсутствует контроль за финансово-хозяйственной деятельностью производственных предприятий. Изучение законодательства, Конституции и других официальных документов не дало никакого ответа. И тогда я вновь вернулась к программам различных политических движений. Теперь я их читала не по долгу журналистской службы. Я искала ответ на сокровенный вопрос. Спустя пол года я пришла к выводу, что если кто-то из действующих политиков и способен противостоять узаконенному воровству, унижению человеческого достоинства и прочей грязи, всплывшей в последние годы, то это Г. Явлинский.

Наверное, не последнюю роль в моем выборе сыграло то, что Г. Явлинский экономист. А вопрос-то у меня чисто экономический. Может быть, именно поэтому не у кого-то другого, а у него я нашла и ответ и возможные варианты выхода, из экономического, политического кризиса. На первый взгляд, вопрос мой вроде бы абстрактный. Ну кого может интересовать контроль над финансово-хозяйственной деятельностью производственного предприятия? Но вызван-то он был очень конкретной ситуацией: задержкой зарплаты и потерей работы из-за чрезмерной заинтересованности судьбой рекламных денег. К сожалению, или к ужасу (?), задержка зарплаты стала сейчас типичной для многих.

Перечитывая книги Г Явлинского, слушая его выступления по телевизору, я пришла к выводу, что он сможет вывести страну из кризиса. Сможет поднять промышленность и вернуть людям ежемесячно оплачиваемую работу. Мне созвучны его идеи. Я хочу, чтобы они были воплощены в жизнь, и считаю, что это реально.

Не знаю, читали избиратели «ЯБЛока» книги Г. Явлинского или они привлечены чем-то другим. Но круг избирателей «ЯБЛока» постоянно растет. Это признает даже его лучший «друг» А. Кива: «Увеличивается и тот слой общества, на который

Явлинский объективно мог бы опереться. Это люмпенизированная интеллигенция, особенно техническая, хотя и не только служащие отраслей (в первую очередь ВПК), оказывающиеся в особо трудном положении с началом шоковой терапии… Это люди, которые в коммунизм не хотят, но и с политикой Гайдара им не по пути»[159].

Соглашаясь с тем, что за «ЯБЛоко», за Явлинского голосует много представителей интеллигенции, не могу согласиться со словосочетанием «люмпенизированная интеллигенция». Да, избиратель Явлинского — это педагог средней школы, вуза, это врач, библиотекарь, инженер, архитектор… Все они месяцами не получают зарплату. (А по мне уж лучше быть голодным интеллигентом, чем сытым нуворишем, разбогатевшим на купле-продаже. Как говорится, не хлебом единым жив человек.) Но я бы не торопилась говорить о люмпенизации. Бедность и люмпенизация — не одно и то же. Кстати, именно интеллигенция легче, чем рабочие и крестьяне переносит участившиеся удары судьбы. В том смысле, что не бежит вешаться, напиваться и, как ни странно, умудряется иронизировать по поводу «мудрых» решений правителей и сохраняет веру в торжество разума и чести.

Сам Григорий Алексеевич так ответил на вопрос «Кто составляет социальную базу вашего движения?», который ему задали избиратели в г. Рыбинске накануне президентских выборов 1996 года:

— В первую очередь это люди, которые не получили никаких прямых преимуществ от реформы, которые, скорее, даже потеряли от нее. Это те, кто считает, что в России кроме демократического свободного развития экономики и прав человека другого пути нет. Вот наша социальная база. В ней много врачей, учителей, инженеров, военных, квалифицированных рабочих. Все они члены того огромного слоя населения, который раньше относился к среднему классу, а нынешними реформами буквально поставлен на колени и разрушен. Мы выражаем в основном интересы тех, кто работает 8 часов и живет в основном на зарплату. Мы хотим, чтобы люди, относящиеся к этому классу, имели бы собственное жилье, возможность приобрести автомобиль, раз в году отдохнуть, иметь возможность учить своих детей и содержать родителей[160].

Да, интеллигенции сейчас приходится очень трудно. Но в отличие от рабочего люда, она, как правило, находит возможность заработать на хлеб, очевидно, помогают знания, квалификация, культура. Что же касается люмпенизации, то это очень серьезная тема и сейчас не входит в мои планы подробно

останавливаться на ней. Огромные массы людей оказались вырванными из одной культурной среды и не ассимилировались еще ни в какой другой. Способствуют люмпенизации не только войны на Кавказе, порождающие толпы беженцев, но и остановившееся производство, безработица, активное разрушение десятилетиями складывающихся социальных образований.

В связи со стремительной люмпенизацией и деградацией общества очень большая ответственность ложится на интеллигенцию. Причем значительно большая тяжесть ложится не на столичную, а на провинциальную интеллигенцию, где результаты реформирования ощущаются намного болезненнее. Кто-то, наверное, уже спешит с вопросом: «Что же может сделать интеллигенция, которая сама еле-еле сводит концы с концами?» Очень многое.

Во-первых, преодолеть монополию высших эшелонов власти на суждение о положении дел в обществе, государстве, управлении. Наверху нет и не может быть объективности, потому что нынешнее бедственное положение людей во многом создано нашими правителями, которые не любят сознаваться в своих ошибках.

Во-вторых, разъяснять и пропагандировать возможности самоорганизации общества, тем более, что сейчас есть для этого предпосылки. Есть закон о местном самоуправлении, есть уже опыт создания и эффективной работы негосударственных некоммерческих организаций, есть различные политические движения… Уже сама жизнь доказала безрезультативность сидения на рельсах или голодовок шахтеров в забое. Нужны другие более эффективные методы, которые на самом деле позволят защитить интересы рабочих, шахтеров, учителей. И в этом смысле расширение круга избирателей «ЯБЛока» очень важно. Это позволяет лоббировать интересы все большего количества людей на высшем уровне. Сидящих на рельсах можно разогнать, применив силу, можно впоследствии найти и арестовать зачинщиков, можно обойти молчанием и временной подачкой гуманитарной помощи. Но с политическим движением, за которым стоят большие массы людей, должны будут считаться и президент, и правительство, и другие ветви власти.

Однако такой метод отстаивания своих интересов требует политической культуры и никто кроме интеллигенции не сможет научить этому людей, отвыкших за годы советской власти от политической самоорганизации.

Парламентские выборы 1995 года показали, что количество избирателей «ЯБЛока» увеличилось на 12 %. Как видно, не я одна пытаюсь найти ответы на вопросы, не разрешив которые

невозможно жить. Выборы — это лишь один из элементов политической борьбы, хотя и очень существенный. Человек, который идет под знамена Явлинского, делает значительно больший выбор. Это выбор между тоталитаризмом и демократией, выбор своего будущего.

На встрече с избирателями в г. Рыбинске в феврале 1996 года Григорию Алексеевичу задали вопрос, ответ на который мне очень понравился, потому что он лаконично и четко разъясняет влияние личного выбора каждого на политическое устройство страны.

— Вы говорили, что в отличие от парламентских выборов, на выборах президента будет решаться вопрос о выборе политического устройства России. Расшифруйте, пожалуйста.

— Если выборы в Государственную Думу — это, в основном, выбор между различной стратегией и тактикой проведения экономических реформ, то 16 июня на выборах будет решаться, какой режим власти установится в России на долгие годы. Даже не на 4 года, а, возможно, на всю обозримую перспективу. На них будут бороться две основные силы. Одна будет выступать за то, чтобы в России был политический режим, при котором будет свобода слова, свобода прессы, частная собственность, защищенные права человека, режиму при котором страна живет по закону, и этому закону подчиняется в равной степени и президент страны, и любой ее гражданин. С другой стороны на выборы выйдут силы, полагающие, что для России нужна сильная рука, что надо проверять, кто что говорит, кто что пишет, что собственность людей в значительной степени должна контролироваться государством. Иначе говоря, силы, выступающие за свободную страну, и силы, выступающие в лучшем случае за авторитарный способ правления[161].

Сейчас часто говорят, что нет разницы между программами, везде одно и то же. Наверное, они невнимательно читали программы. Что меня привлекло в программе «ЯБЛока», в идеях Г. Явлинского, чего нет в программах других партий — утверждение самоценности человеческой личности. Все 70 лет человеческая личность была подчинена воле коллектива. Я не против коллективизма, но не тогда, когда во благо всего человечества, не задумываясь, приносят в жертву отдельного человека, когда ради светлого будущего надо терпеть боль в настоящем. Когда коллективизм становится основой жизни всего общества, то исчезает человек. Коллективизм не допускает человеческой высоты, не знает личного подвига. В книгах Г. Явлинского на первое место поставлена самоценность человеческой личности, а это предполагает волю к культуре,

развитие чувства собственного достоинства. По мнению Григория Алексеевича, к которому я полностью присоединяюсь, это должно стать доминантой будущего России. И именно это требует изменения всей системы управления государством, смены существующего политического режима, то есть всего того, о чем говорит и пишет Явлинский.

Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что доминанта существующего политического режима — деньги и власть. Природные богатства страны, деньги, принадлежащие всему обществу, откровенно расхищаются, перекачиваются за рубеж. А после приватизации, носящей характер грабежа, обман и воровство стали нормой жизни. И ни для кого уже не секрет, что, чем выше находится государственный чиновник, тем наглее себя держит. Принадлежность к аппарату власти порождает у его членов чувство безнаказанности.

Сейчас при нынешней расстановке политических сил Г. Явлинский и «ЯБЛоко», на мой взгляд, единственная оппозиция, способная противостоять беззакониям, насквозь пронизавшим жизнь общества. Вот главные требования, не выполнив которые, мы никогда не дождемся установления в стране порядка и законности, никогда не придем к нормальному человеческому, а не звериному обществу:

— свободные выборы;

— подотчетность правительственных институтов;

— периодическая сменяемость политической власти (что вызывает серьезные сомнения в связи с возможностью переизбрания Б. Ельцина на третий срок);

— подчиненность высокопоставленных государственных чиновников закону;

— жизнеспособные суды;

— высокий уровень экономического развития.

В нашем обществе еще не утвердилось право закона. Общество не является демократическим. И идем мы сейчас не к демократии, а, пожалуй, к неосталинизму. Однако вина за совершаемые сейчас преступления, за надругательство над человеческим достоинством лежит не только на правителях, но и на всех членах общества. Очень слабо, если не сказать полностью, отсутствует давление «снизу вверх». Большинство населения не понимает значение и смысл политических партий, не связывает проблемы своей личной жизни с проблемами партий, с их программами. В г. Рыбинске на встрече с избирателями Григорию Алексеевичу задали вопрос:

— Каким образом вы собираетесь привлечь на свою сторону колеблющихся избирателей?

— Уже в апреле, — ответил он, — мы подробно изложим нашу программу, в которой покажем каждому гражданину России, что он получит в результате ее реализации и в какие сроки. Наши сограждане уже не могут больше жить пустыми обещаниями. Особенно обещаниями типа: сейчас вам будет плохо, зато потом, когда-нибудь станет хорошо. Это уже не работает. Нужно предлагать программы, которые дают конкретный и непосредственный результат. Бессмысленно привлекать избирателей обещаниями вроде: каждой женщине по мужу, каждому мужику по бутылке. То, что мы считаем необходимым осуществить в нашей стране, можно сделать только в том случае, если у нас будет подлинная и сознательная поддержка граждан, если они сами хотят это сделать.

Однако, как выяснил психологический и лингвистический анализ, проведенный накануне президентских выборов 1996 года, «убеждения, политические воззрения мало интересуют респондентов». Остается только догадываться, какими критериями пользуются люди, когда выбирают президента. Тем не менее, хотя мало кто изучает программу «ЯБЛока», отношение к его лидеру благоприятное: «…среди его соперников по президентской кампании Явлинский — самый привлекательный по оценке морально-психологических качеств. Он воспринимается как сильный политик и не только сторонниками, но и противниками. Он один из самых «светлых политиков».

Будет ли он президентом? Не знаю. Я знаю только лишь то, что я хочу, чтобы он был президентом, потому что считаю, что он сможет вывести страну из кризиса. У него верные идеи. За два года многое может измениться. Может появиться кто-то еще, но сейчас мне некого поставить рядом с ним. И вообще наша жизнь настолько нестабильна и изменчива, что может исчезнуть и сам институт президентства. А сейчас…

После президентских выборов 1996 года Григорий Алексеевич получил письмо от избирателя по фамилии Субботин:

— В присланной мне (Г. А. Явлинскому. — Прим. авт.) статье, которую он не сумел опубликовать ни в одной газете во время избирательной кампании, он писал: «… ему (то есть мне) остается пропаганда и агитация разумных экономических и политических идей, полезная повседневная работа в парламенте, шаг за шагом укрепляя позиции «ЯБЛока» в качестве лидера демократических движений и партий. Тем самым решаются две задачи: оказание давления на действующую власть, побуждение ее к корректировке курса (ведь даже самые удачные решения, найденные Ельциным в канун выборов, не гарантируют от возможного отката сразу после них — нужен постоянный

демократический прессинг власти) и одновременно формирование солидного всероссийского демократического движения, привлечение на его сторону новых сторонников.

Сейчас надо накапливать силы для будущих сражений, для будущих выборов. Надо вести широкую разъяснительную работу среди людей, изучать программу. Всем нам надо учиться демократии, учиться самостоятельному мышлению[162].

Когда преступность перехлестывает через край, с ней надо бороться всем миром

Вряд ли кто станет утверждать, что то государство, которое построено за последние годы, отражает интересы большинства населения. Большинство населения, как сказал Д. Сорос, ненавидит построенный у нас грабительский капитализм. Скорее оно отражает интересы узкого круга высокопоставленных чиновников. Забастовки, митинги протеста, ставшие привычным явлением жизни общества, подтверждают это. Рабочие, крестьяне, интеллигенция пытаются противостоять нарождающейся буржуазии, причем это компрадорская буржуазия, наживающаяся на посредничестве между иностранным капиталом и национальным рынком.

Начав «рельсовую войну», шахтеры АО «Ростовуголь» добились минимального сиюминутного облегчения своего положения и прекратили акцию протеста. Им тут же предъявило иск руководство Северо-Кавказской железной дороги за причиненный ущерб, ссылаясь на то, что сейчас всем плохо, а нарушать общественный порядок нельзя. Таким образом политическая акция плавно переводится в уголовную с поиском и наказанием виновных. О первопричине акции и об истинных виновниках очень быстро забыли.

Подобная трансформация происходит и с законом. В сложившейся ситуации при данной системе управления никакой, даже самый радикальный закон не улучшит положение бедствующих и бесправных. Конституция дает слишком большие права президенту, парламент лишен функции контроля за исполнительной властью; недееспособные суды… Превалирующие сейчас в нашем обществе идеи накопления капитала, коррумпированность, сращение правящих кругов с преступным миром — весьма ядовитые змеи, их укусы бывают смертельны.

Одновременно растет количество преступлений, связанных с наркотиками, в масштабах страны наблюдается рост преступлений, совершенных несовершеннолетними. Изменяется облик преступника. Это, как правило, молодой самоуверенный человек. Он имеет высшее образование и прекрасно знает закон. Из сферы корыстной преступности грязный уголовник с ножом в кармане постепенно вытесняется «интеллектуальным» типом. Появились новые, ранее неизвестные формы и методы преступной

деятельности. На этом фоне всеобщего хаоса, пожалуй, не стоит рассуждать о правах человека, а то уж очень обидно становится.

По классической схеме государственного устройства гарантом стабильности гражданского общества всегда был средний класс. Но сейчас в нашей стране нет как такового среднего класса. Есть меньшинство компрадорской буржуазии и большинство бедноты. И вряд ли в обозримом будущем удастся создать средний класс, если кардинально не изменится механизм управления государством. Вряд ли при существующей системе мы добьемся торжества порядка и закона, вряд ли сможем без страха выходить вечером на улицу и не опасаться за жизнь своих детей. А до тех пор люди, отчаявшись найти защиту у правоохранительных органов, будут пытаться защититься самостоятельно. Но при этом неизбежно утрачивается уважение к властям, к закону, а это очень опасная грань, переходить которую нельзя.

16 ноября 1994 года думская фракция «ЯБЛоко» выступила с заявлением:

> Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
>
> ФРАКЦИЯ «ЯВЛИНСКИЙ-БОЛДЫРЕВ-ЛУКИН»
>
> 121205. Москва, улица Новый Арбат, дом 36 телефон: 2907224. факс: 20292
>
> ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ «ЯБЛОКО»
>
> Преступность стала проблемой номер один, отодвинув на второй план экономические и политические реформы. Люди боятся вечерами выходить на улицы, опасаются за своих детей, подвергаются нападениям в собственных квартирах, не надеются на милицию.
>
> Ошибки в проведении экономической реформы создают питательную среду для роста организованной преступности.
>
> Коррупция разъедает государственную власть, немало ее и в системе МВД.
>
> Нет сомнений — в правоохранительных органах достаточно честных профессионалов, которые много знают о преступлениях и конкретных преступниках, могут обезвредить их, могут провести настоящую реформу МВД. Но руки связаны — не на кого опереться, нет уверенности, что это действительно нужно высшим должностным лицам страны. Остается либо молчать, либо уйти.

Раньше казалось, что власти не умеют бороться с преступностью. Сегодня, похоже, уже не хотят.

Не перестановка фигур, не спекуляции несовершенством законов, а подчинение власть имущих хотя бы действующим законам и Конституции, реальный контроль общества за выполнением ими своих обязанностей — вот путь к демократии, а значит и к безопасности граждан.

Руководитель фракции «ЯБЛОКО»

Г. Явлинский

16.11.94 г.

Я привела это заявление, потому что здесь, на мой взгляд, очень правильная мысль о необходимости контроля над деятельностью органов власти. Другая, не менее важная мысль о том, что только демократические преобразования могут обеспечить безопасность граждан. Безопасность невозможна при той системе управления, которая функционирует сейчас. Нужен контроль общественности над правителями всех уровней. Открытой должна быть не только политика, но и экономика. Нужен контроль жителей района над финансовой деятельностью главы администрации. Иначе и впредь учитель будет торговать на рынке, чтобы купить своему больному ребенку лекарства… Нужен контроль налогоплательщиков над тем, на какие цели расходуются их деньги. Иначе и дальше их будут использовать для коммерческой деятельности. Нужен контроль за деятельностью президента и расходами государственного аппарата. Иначе будет возможна новая война. Контроль — одна из наиважнейших функций демократии. Именно этого и нет сейчас.

В 1992–1993 годах Контрольное управление при президенте Российской Федерации возглавлял Ю. Болдырев. Приведу один пример из его практики, показывающий к чему приводит отказ Президента от контроля за деятельностью чиновников, в данном случае — военных. Но для начала надо вспомнить октябрь 1994 года, когда был убит журналист Дмитрий Холодов. Он собирал тогда материалы для статьи по Западной группе войск.

За два года до этого трагического события — 16 ноября 1992 года Ю. Болдырев лично передал Б. Ельцину подробный доклад по результатам проверки Западной группы войск (ЗГВ).

— А через неделю я направил ему детальный письменный отчет, — пишет Ю. Болдырев, — со всеми выводами и предложениями в отношении конкретных должностных лиц…

Потом в Западную группу войск была направлена вторая комиссия, она проверяла обвинения из знаменитых 11 чемоданов Руцкого. Результат известен, он был предопределен заранее: прозвучали лишь общие заявления о том, что ни один факт не подтвердился. Причем не было приведено ни одного конкретного случая, который бы проверяли, и он не подтвердился.

До сегодняшнего дня (а прошло два года) я не видел — ни в прессе, ни в одном официальном документе — опровержения выводов, изложенных в моей записке на имя президента.

И если бы президент России своевременно выполнил свой долг перед обществом, то тяжелой работой, которую делал журналист Дмитрий Холодов, занимались бы другие лица, несопоставимо более защищенные, имеющие несопоставимо больший доступ к информации, и соответственно результаты были бы иные…

В моей справке было достаточно фактов о незаконных, крайне невыгодных для России коммерческих сделках, заключенных в ЗГВ.

И то, что президент не предпринял никаких мер, а спустя два года назначил командующего ЗГВ генерала Бурлакова заместителем министра обороны, довольно красноречиво говорит об отношении нашего нынешнего руководства к проблеме коррупции и преступности.

В справке, составленной в 1992 году, лично Бурлакову не вменялись в вину какие-либо нарушения. Но речь шла о том, что происходило во вверенной ему Западной группе войск и в ее управлении торговлей.

С моей точки зрения, как руководитель, командующий ЗГВ, безусловно должен был нести ответственность за то, что творилось в его войсках. Ничего более конкретного инкриминировать ему я сейчас не могу… Но уж во всяком случае этот человек не должен был идти на повышение после вывода войск из Германии[163]. Примеров, подтверждающих связь высших государственных чиновников, в том числе и военных, с преступными элементами, можно найти много. Но мало находится журналистов, готовых говорить об этом вслух.

На печальном примере Д. Холодова можно сделать соответствующий вывод. Это было не просто убийство. Это было показательное убийство, совершенное в назидание другим. Самоценность человеческой личности невозможна в обществе, где закон подчиняется исполнительной власти, где прослеживается связь между ростом расходов на управление и хищением государственных средств. Анализируя ситуацию с затянувшимся расследованием по делу убийства Д. Холодова, Явлинский говорил:

— Надо сделать так, чтобы первые лица в государстве не были заражены коррупцией. Сегодня в России достаточно профессионалов, способных раскрыть преступления, тем более такие громкие, как убийство Холодова, Листьева, но следствие затягивается на годы, потому что власть не может. Она боится и не хочет раскрыть преступление. Вдруг правоохранительные органы не за ту ниточку потянут?[164]

Сейчас многие говорят о коррумпированности и олигархии. Но мало кто знает, каким образом это можно изменить. Неоднократно такой вопрос задавали и Григорию Алексеевичу. Интересно, что даже среди журналистов нередко встречаются люди, которые не могут или не хотят понять его ответ. Они, как правило, отходят от него со злорадным ликованием: якобы он ничего нового предложить не может. Его «лучший друг» А. Кива пишет, что сколько бы они («яблочники») не критиковали, однако, как только начинали говорить «как надо делать», становилось ясно: они не знают, ибо то, что предлагалось делать, в конкретных условиях России невозможно*. А ответ Г. Явлинского прост — надо взять чистый лист бумаги и начать все заново. Надо заново провести, но уже не «прихватиза-цию», а приватизацию. Надо разработать новый налоговый кодекс, потому что в этом что-либо изменить бесполезно, его надо просто заменить новым. Надо вернуться к Экономическому сообществу и к демократическим преобразованиям, надо установить подотчетность всех народных избранников вплоть до президента.

Почему А. Кива считает, что это в России невозможно? На мой взгляд, наоборот, без этого жить невозможно. Без установления демократического правления невозможно установление порядка и законности. Без соблюдения принципов демократии невозможно и бесполезно бороться с преступностью. Она будет расти, становиться более жесткой и изощренной. В пресс-службе «ЯБЛока» мне были представлены следующие материалы:

Ошибки в проведении экономических реформ: ваучерная приватизация, экспортно-импортная, финансовая политика последних лет создали самые благоприятные условия для расцвета преступности и прямо приглашают к нарушению закона. Мы видим несколько путей борьбы с преступностью, по которым нужно идти одновременно.

Первое — это изменение экономического законодательства, например, изменение порядка выдачи квот, лицензий и льгот. Сегодняшняя ситуация является питательной для преступной среды, поскольку при прочих равных условиях, привилегии, очевидно, даются тем, кто «больше даст». Второе — жесточайшая борьба с

коррупцией — от создания в соответствующих органах спецподразделений до полномасштабных изменений законодательства о госслужащих, которые устраняли бы возможность произвола со стороны чиновников, ужесточили бы их ответственность за невыполнение обязанностей и принятие незаконных решений. Реакция на любой факт коррупции должна быть молниеносной и жесткой.

Третье — борьба с преступностью останется словами до тех пор, пока у государства не будет надежных правоохранительных органов. Нет сомнений — в правоохранительных органах достаточно профессионалов, которые много знают о преступлениях и конкретных преступниках, могут обезвредить их, могут провести настоящую реформу МВД. Но руки связаны, — не на кого опереться, нет уверенности, что это действительно нужно высшим должностным лицам страны. Остается либо молчать, либо уйти. Поэтому неотложные меры должны быть приняты, с одной стороны, по очистке силовых структур от преступных и коррумпированных элементов, а с другой — по оказанию открытой политической поддержки всем честным профессионалам.

Четвертое: работа сотрудников правоохранительных органов связана с постоянным риском, с ежедневной угрозой их жизни и здоровью. Поэтому на социальную защиту их и их семей должно быть обращено особое внимание.

Необходимо разделить функции охраны общественного порядка и борьбы с профессиональной и организованной преступностью, передав первые вместе с финансами и кадрами в ведение органов местного самоуправления. Наконец, насущной проблемой сегодня стало принятие нового Уголовного кодекса, ужесточающего наказания за целый ряд преступлений, суть которых заключается в очень простом тезисе: вор, в любых смыслах, должен сидеть в тюрьме…

Искоренить преступность до последнего бандита нельзя, но качественно снизить ее уровень можно и даже в короткий срок. Однако для этого необходима политическая воля государственных лидеров, с одной стороны, и общественная поддержка, с другой.

Но, к сожалению, сейчас вор не сидит в тюрьме, а отдыхает где-нибудь за границей или строит себе домик в несколько этажей. Он не боится наказания, потому что наше законодательство перенасыщенно недомолвками, двусмысленностями, суды практически недееспособны. Политическая воля правителей за те годы, что правит Б. Ельцин, уже вполне определилась и не внушает оптимизма.

Если в 1992–1993 годах еще можно было размышлять о

происках номенклатурных реваншистов, о красно-коричневом реванше, то сейчас уже никто не мешает проводить демократические преобразования. Но…

Во время обсуждения кандидатуры С. Кириенко на пост премьера президент нарочито громко говорил журналистам:

— Дано указание П. П. Бородину решить материальные вопросы, которые у них (у депутатов. — *Прим. авт.)* имеются, но при конструктивном отношении к делу. Пал Палычу я сказал: «Воздержись до пятницы».

Григорий Алексеевич возмущался:

— Президент и команда премьера акцентировали свое поведение на вещах, которые иначе как подкупом не назовешь. Если бы президент предложил на третье голосование человека, который бы смог обеспечить стабильность власти и в случае болезни президента руководить страной… Третье голосование — это уже голосование не за Кириенко. Это голосование, связанное с судьбой Думы. Втоптана в грязь и унижена не только Дума, но и все институты демократической власти. Надо ли сохранять такую Думу? Лучше ее распустить. Этот кризис инициирован президентом и сам он должен искать выход из того тупика, в который он нас всех завел.

Это было сказано в телепередаче «Итоги» 19 апреля 1998 года.

Когда президент может приостанавливать закон Конституционного суда, когда никто не отвечает за кровь, пролитую в Чечне, когда можно так демонстративно унижать Государственную Думу, депутатов которой избирала вся страна, тогда о каких изменениях и исправлениях может идти речь? Что можно подправить в механизме управления, наиглавнейшими характеристиками которого стали верноподданность и бюрократизация? Только полностью сменив механизм управления государством, сориентировав его на демократические принципы, можно рассчитывать на установление порядка в стране, на право закона.

Г. А. Явлинский действительно не предлагает ничего нового, что бы могло избавить общество от разгула преступности, коррупции и тому подобного при существующем политическом режиме. Но он предлагает создать новое общество — демократическое общество и объясняет, как это сделать. При существующем положении вещей уже ничто и никто не сможет спасти нас от начавшегося разложения. И само собой к лучшему ничего не изменится. Нужна воля государственных лидеров, которые бы заботились не о том, как удержаться подольше у власти, а о своей Родине, нужна разумная и добрая воля. Нужна

поддержка общественности. С преступностью, когда она перехлестывает через край, надо бороться всем миром.

Явлинский и Ельцин

— Уютно ли работается вам в Думе, — спросила я Григория Алексеевича в первую же встречу.

— Я готов в любую минуту встать и уйти отсюда. Во-обще-то слово «уютно» здесь не подходит. Здесь другая система координат. Есть политики, приходящие к власти благодаря деньгам или потому, что их назначают. Меня выбрали. Миллионы избирателей проголосовали за меня. И я должен выполнять их волю. Почему-то журналисты часто задают подобные вопросы.

Уютно-неуютно, одиноко-неодиноко… причем здесь это? Со мной мои избиратели. Я должен что-то сделать для них, иначе все это теряет смысл.

Г. А. Явлинский действительно пришел к власти необычным путем. Он не был партийным работником и тем более секретарем обкома, как Ельцин. Он не был хозяйственным руководителем. Он экономист, кандидат экономических наук. Если мысленно перечислить других лидеров фракций, политиков, то высоколобых больше нет. Надеюсь, что на меня не обидятся другие политики, но в полном смысле слова интеллектуалом можно назвать только его. Наипервейшее подтверждение тому кандидатская степень, свободное владение английским… Он сильнее других связан с интеллигенцией, сам вырос в семье педагогов. Это не только мое мнение, но мнение многих. Так же считает известный правозащитник С. А. Ковалев:

— Понимаете… речь идет о круге, с которым осуществляет себя тот или иной политик. Как выяснилось, Ельцин так и не смог отодрать себя от партийной номенклатуры. А вот Явлинский, как я полагаю, своей пуповиной связан совсем с другими людьми, с кругом либеральной интеллигенции. Хочет он или не хочет — этих связей ему не порвать. А раз так, то я могу надеяться, что и свои обязательства перед этим кругом Явлинский выполнит и обещания сдержит»[165].

Не случайно среди избирателей Г. Явлинского много врачей, учителей, инженеров, кстати, много молодежи. По идее, политик и должен быть высоколобым, но за годы советской власти мы привыкли к другому типу политика: лысому, расправляющемуся с помощью бульдозера с непонравившимися картинами; бровастому, читающему доклады по бумажке. Тут уж не до ученой степени, тут было попроще. Хочется верить, что в будущем у нас будет меньше лысых и бровастых и совсем не будет усатых с трубкой во рту. Но наше будущее зависит от нас. Конечно, есть и судьба, да только судьбу-то определяет характер. У Явлинского

интересная жизнь, как будто было несколько разных Явлинских, а характер сложный. То перед нами слесарь, который сидит в бытовке с такими же, как и он, слесарями и чувствует себя там в своей среде. То это командировочный из Москвы, безвылазно проживающий в шахтерских поселках.

Совершенно другой Явлинский смотрит на нас с экрана телевизора. Это уже не слесарь, не шахтер, не экономист, это политик. Его фразы всегда продуманы и корректны. Он педантично и аккуратно одет. А откуда-то из далекого детства на нас смотрит благополучный мальчик, который учится на «четыре» и «пять», свободно владеет английским и совсем сошел бы за паиньку, если бы не дрался. А дрался он часто и со знанием дела, но никогда не употреблял запрещенных приемов и не бил лежачего.

Правило-то хорошее, только в политике живут по другим законам. Однажды Е. Гайдар сказал ему:

— Знаешь, почему я буду делать реформу, а ты нет? Потому что я злой, а ты нет.

За что же Егор Тимурович так сильно разозлился на своих сограждан? Врезал нам всем гиперинфляцией, это уж действительно удар ниже пояса. Потом еще один злой пришел и тоже стал действовать по законам джунглей. Я имею в виду задержки зарплаты, которые начались при В. Черномырдине, а когда закончатся, неизвестно. И самое обидное для меня, что не пойму, во имя чего такие жертвы?

В начале века вся страна дружно переносила трудности во имя светлого будущего. А сейчас большинство худеет, меньшинство толстеет, а будущее у каждого свое. Того будущего, которое одно на всех, одно на всю Россию, чего-то не видать, уж очень смутное время настало.

Неужели политику для того, чтобы прийти к власти, надо обязательно быть злым? Григорий Алексеевич хочет сохранить человеческое лицо в политике. У него часто спрашивают: зачем это?

— Это, если угодно, эксперимент на себе. А у нас привыкли, что политик эксперименты делает не на себе, а на народе. Потому он в представлении множества людей — такой могучий человечище, который должен уметь пожертвовать нынешним поколением ради будущего. А я считаю, что это большевизм. Цель не оправдывает средства.

Я тоже не почувствовала у Григория Алексеевича злобы и слава Богу. Злоба — грязное чувство, оно годится только для разрушения. Для созидания нужны мудрость и доброта, сила воли и целеустремленность. Если у кого-то это ассоциируется со

слабостью, то пусть живет со злым политиком, он ему еще что-нибудь похлеще гиперинфляции выдаст.

Вокруг имени Григория Алексеевича много недомолвок, недосказанностей, клеветы. То, что я считаю силой, многие расценивают как слабость. Кроме тех качеств, которые уже перечислены, силу его я вижу в редкой для нынешних российских политиков способности мыслить. У него всегда четкая, ясная мысль. Все его идеи, программы продуманы до конца. На мой взгляд, важнейшая черта его характера — скрупулезность, позволяющая додумывать все до конца. Даже в детстве он никогда не начинал новой игры, не приступал к новому занятию, пока не поймет суть игры, не проиграет ее мысленно. Он предлагает программы: «500 дней», «Согласие на шанс», сейчас — это программа «ЯБЛока». Все это давало повод многим упрекать его в излишнем теоретизировании. Дескать, Явлинский теоретик, а мы практики. И практики посылали людей в Чечню, задерживали и задерживают зарплату и пенсию, их «практические» реформы сеют только страдания и боль.

По мнению респондентов, которых опрашивали социологи и психологи, Ельцин у многих ассоциируется с образом (простите, но уж так было написано) дряхлеющего льва. Насчет дряхлеющего не знаю, а вот насчет льва сильно сомневаюсь. В формировании такого мнения, скорее всего, сыграла тяга Ельцина к внешней браваде. Он часто старается подтвердить свои храбрость и силу. Причем делает это всегда на людях. Например, будучи в Кемеровской области, он, невзирая на робость окружающих, храбро бросился в холодную и быструю реку Томь и переплыл ее.

Или другой случай, который у меня тогда даже вызвал аплодисменты. Я смотрела по телевизору дебаты Съезда Верховного Совета народных депутатов. Ельцин вышел и при всех демонстративно отдал свой партбилет, заявив о выходе из партии. Билет-то он отдал, но стиль работы остался все тот же. Не один С. Ковалев говорил, что не смог Борис Николаевич «отодрать себя от партийной номенклатуры». Это уже многие успели заметить: и люди, далекие от политики, и депутаты.

В письме, которое прислал в «Российскую газету» (опубликовано 1 октября 1992 года) читатель А. Жуков из Димитровграда Ульяновской области, он сравнивает постановление правительства РФ от 17 августа 1992 г. «О мерах подготовки к проведению Международного дня пожилых людей» и книжку «Льготы участникам Великой Отечественной войны», изданную еще при СССР:

— Так вот, все ничего не значащие и никого ни к чему не

обязывающие слова постановления: «организовать оргкомитеты моральной и материальной поддержки», «обследовать жилусловия», «провести торгово-бытовое и медицинское обследование», «помощь госпредприятий», «оказать помощь малоимущим» и т. д. и т. п. перекочевали сюда из прошлых постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В феврале 1998 года Б. Ельцин представил Федеральному Собранию свое ежегодное послание, которое называлось «Общими силами к подъему России». Депутату Госдумы А. Арбатову оно «показалось вялым, построенным по типично советским принципам произведений такого рода: «усилить, углубить, улучшить». А депутат Госдумы А. Митрофанов охарактеризовал его так:

— Послание носило характер общих пожеланий. Такой, видимо, это зал — здесь же всегда пленумы ЦК проходили. Правда, на закрытых пленумах последних лет иногда шел острый конструктивный разговор. А сегодня мы окунулись в атмосферу 70-х: общие слова, избитые лозунги[166].

Так что отдать партбилет и стать демократом отнюдь не одно и то же. Но тем не менее в определенный момент необходимое общественное мнение создается. То, что колосс стоит на глиняных ногах, выясняется уже позже.

У Г. А. Явлинского наблюдается нечтр противоположное. У него не то что нет видимых позывов к внешней браваде, но, наоборот, прослеживается прямо-таки отвращение к саморекламе. Сам он не торопится рассказывать о себе. Понять, кто он такой, можно, только изучив его биографию, познакомившись лично. В первую очень короткую встречу он сказал мне, что не любит видеть себя на голубом экране, не любит, когда о нем много говорят. В отличие от Ельцина ему чужда самореклама. Это подчас дает повод для высказываний вроде того, что сделал В. Черномырдин:

— Что вы все о Явлинском, что он такого сделал этот Явлинский?

В отличие от Виктора Степановича, который не в состоянии был выплачивать ни зарплату, ни пенсию, но убеждал всех в экономическом росте, Григорий Алексеевич сделал очень многое. Начиная с 1993 года вокруг Явлинского группируется оппозиционный центр — единственное, что реально может противостоять авантюрной деградации власти. Оппозиционный центр имеет программу выхода из кризиса — это та теория, которая сильнее любой практики. Мне надоело слушать, когда меня пугают коммунистами. Коммунисты уже давно не те. Сейчас демократии угрожают не коммунисты, и даже не бунтующие

голодные шахтеры. Сейчас происходит куда более страшное явление — бюрократизация самой демократической власти. Разложение началось изнутри. И противостоять этому может только конструктивно-оппозиционный центр с самостоятельной программой.

В связи с удачными выборами в Красноярске многие обратили взоры на А. Лебедя. Но где его программа, где команда? Не повторится ли то же самое, что было с Ельциным? У Ельцина ни тогда, ни сейчас нет собственных оригинальных мыслей, идей, тем более программ. Он выиграл благодаря тому, что многих не устраивал Горбачев. Он пришел как антивласть. Лебедь тоже вызывает симпатии скорее как антивласть власти Ельцина, нежели как самостоятельная политическая фигура. Он сильно уступает Явлинскому по всем параметрам. Может быть, к 2000 году появится кто-то еще? Но скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Путь, пройденный Явлинским, очень много значит, он сам создал себе имидж. Его сопернику в одночасье себе такого имиджа не создать. Следует напомнить, что Г. А. Явлинский ни в чем и нигде не скомпрометировал себя. Он сумел создать ЭПИцентр, «ЯБЛоко», умеет находить нетривиальные решения сложных задач. Грязная клевета, которая льется на него со страниц газет и журналов, легко опровергается, потому что сама не выдерживает никакой критики. У Явлинского уже сформировался устойчивый круг избирателей, причем не только в Москве и С.-Петербурге, но по всей стране. Этим нельзя пренебрегать. И вряд ли удастся новому Жириновскому увлечь людей дешевыми и пошлыми лозунгами («Каждой женщине по мужу, каждому мужику по бутылке»).

Когда-то многие очень верили Ельцину, теперь повторяют вслед за С. Ковалевым: «Эволюция президента — это его личная трагедия, о которой я сожалею»[167].

Не произойдет ли такой эволюции и с Явлинским? У него другая закваска, он чужд привычек партократии. К тому же он молод. Внушают оптимизм высокая работоспособность, честность, сверхкритичность и одержимость прорваться к свету — прийти наконец к достойной человеческой жизни. По его мнению, президент должен уметь согласовывать интересы, иметь способность предвидения, иметь свою команду и главное — пользоваться доверием людей. Он не навязывает свои идеи, но прислушивается к настроениям людей, к их желаниям. «Россия должна самоопределиться», — говорит он. Он не предлагает общенациональную идею спасения России, считая, что она должна прорасти снизу, с корней травы. Но он предлагает программу экономических преобразований. А зачем ему пост

президента?

— Сама мысль о президентстве возникла у меня в феврале 1993 года. Связано это было с твердым ощущением, что в конце года произойдут события, которые могут привести к выборам. Демократы же тогда, как и сейчас, были к этому абсолютно не готовы. То есть возникают ситуации, когда особо выбирать не приходится. Полагаю, что и сейчас наступил такой этап в развитии моей страны, когда я обязан предложить обществу путь на четыре года от имени людей, которые думают примерно так же, как я, убеждены примерно в том же, что и я. Это мой долг и перед моим делом, и перед людьми, интересы которых я призван выражать, поскольку они голосовали за меня[168].

По нынешней конституции президент наделен очень большими полномочиями. Как показал печальный опыт А. Лебедя, присоединившегося к Ельцину на президентских выборах 1996 года, поиск компромиссов бесполезен. И премьер тоже должен соблюдать определенные правила игры. Г. А. Явлинский неоднократно пытался провести в жизнь свои идеи и всегда ему приходилось уступать тому, кто реально владеет властью: сначала Горбачеву, потом — Ельцину. И добиться реализации своих идей он сможет только, если станет президентом. Он предлагает демократический курс развития, о его идеях, о программе «ЯБЛока» уже много говорилось, но все же приведу основные моменты:

— создание Экономического союза части бывших республик СССР;

— проведение региональных реформ;

— демонополизация экономики;

— четкое разграничение прав собственности и равная защита как государственной, так и частной собственности;

— защита сбережений населения;

— введение поощрительной системы налогов;

— проведение активной промышленной политики;

— безваучерная приватизация;

— последовательное проведение земельной реформы с учетом особенностей и традиций землепользования в различных регионах страны;

— создание конкурентной среды путем поощрения предпринимательства и развития малого бизнеса.

Главное во всех этих преобразованиях, на мой взгляд, — поддержка творческой инициативы людей, желание диалога с людьми, а не стиль приказа и команды. К сожалению, у нынешнего руководства страны преобладает стиль приказа. Реформы, которые прошли под руководством Б. Ельцина,

оказались полуреформами, они не вылечили советское общество от «перекосов» плановой экономики, а загнали болезнь еще глубже, что привело к большим потерям.

Небезынтересно мнение о Б. Ельцине одного из наиболее активных участников начала демократического движения в нашей стране Алексея Казанника. К сожалению, он очень мало пробыл у власти. После расстрела парламента, депутатом которого он был, президент назначил его Генеральным прокурором. Но вскоре он оставляет этот пост из-за разногласий с президентом и уезжает к себе в Омск, уже не появляясь на большой политической сцене. Рядом с Ельциным, как правило, не уживаются яркие талантливые личности. От него ушел не только Казанник, но и И. Силаев, Е. Скуратов, Ю. Болдырев; Г. Явлинский тоже в свое время ушел от Ельцина (отставка 1990 года). От этого нельзя отмахнуться, дескать, сами хороши. Они были первыми избранными народом демократическим путем, им верили, за ними шли. За А. Казанника голосовали миллионы избирателей. Вот что говорил он о Ельцине:

— Общаясь с ним, я убедился, что у него если и есть какой-то талант, то только талант разрушителя. Разрушены экономика, культура, нравственность и он продолжает выполнять свою роль. Что касается диктатуры — возьмите октябрьские события. Как бы мы ни рассуждали, указ № 1400 неконституционен. Тогда я переживал за президента Ельцина, поскольку в то время он представлялся мне мудрым политиком, руководителем. Мне было непонятно, почему он делает ошибки, которые видно невооруженным глазом[169].

В отличие от Бориса Николаевича, предпочитающего работать с верноподданными людьми, не претендующими, не амбициозными, Григорий Алексеевич собирает вокруг себя ярких, талантливых, амбициозных и претендующих. Когда он уходил в отставку в 1990 году, вместе с ним ушли многие его друзья, количество которых заметно увеличилось за короткое время его зампредства. Уже хотя бы то, что специалисты ЭПИцентра, Председателем совета которого он является, они же члены «ЯБЛока», получают приглашение занять важные государственные посты, говорит о многом. Михаил Задорнов, Оксана Дмитриева в 1998 году вошли в состав кабинета правительства. Получили приглашение, но отказались А. Арбатов, Т. Ярыгина. Кстати, следует отметить, что уходя в правительство, они обязательно выбывают из думской фракции «ЯБЛоко». Выступая в телепередаче «Герой дня» 30 апреля 1998 года, Григорий Алексеевич говорил:

— Приглашение Оксаны Дмитриевой в правительство — это

ее персональное решение. Это не значит, что она будет проводить ту линию, которая проводится фракцией. Это ее личное частное решение.

Тогда же он сказал интересную мысль о кадровой политике, о правительстве:

— Идти в правительство надо для того, чтобы исправить положение дел. Это может сделать только согласованная команда с единой программой.

Эти же мысли он высказывал в интервью с Р. Зариповым («Комсомольская правда», 18 октября 1994 г.), их же повторял в связи с обсуждением кандидатуры С. Кириенко. Помню, я смотрела тогда по телевизору на Г. А. Явлинского, окруженного журналистами: «…кадровые вопросы не обсуждали, программные не обсуждали. Полтора часа говорили. Знакомились!» Потом С. Кириенко заявил, что будет продолжать курс В. Черномырдина. Но зачем тогда было менять одного на другого? Тогда в 1994 году Р. Зарипов задал Григорию Алексеевичу вопрос: «Отставка Черномырдина — это смена правительства?»

— Во всем мире да, но не у нас. По существу премьер-министр не столько политическая фигура, сколько кадровое назначение. Определяет курс и является в полной мере главой исполнительной власти у нас только президент.

От себя дерзну добавить, что кадровая политика президента очень похожа, образно говоря, на перекладывание из кулька в рогожку. Одни и те же лица то исчезают, то появляются вновь и снова исчезают. А о кадровой политике Явлинского лучше судить по высокой квалификации сотрудников ЭПИцентра и по его словам:

— А первый вопрос после выборов — это решение кадровой проблемы. Это проблема всеобъемлющая. Потому что если свести все, что происходит в нашей стране, к одной фразе или даже к одному слову, то это слово — Беспорядок. Это страшная особенность нашей страны. Еще в древнейших летописях писали, что на Руси есть все, а кроме этого всего, есть еще беспорядок. Вслушайтесь в это слово не как в бытовое, а как в то, что поднято надо всем.

Так вот первая задача любого президента, кто бы он ни был и какой бы он ни был, это — ликвидация беспорядка. И самое первое — это приведение в работоспособное состояние всей государственной машины управления. Чтобы принятые решения, принятые законы, принятые программы, придуманные идеи, все это — выполнялось. Иначе любое дело будет заканчиваться вашим письменным столом.

Смысл кадровой программы, с моей точки зрения, заключается

в том, чтобы провести очень жесткую линию в аппарате государственного управления. Я считаю, что для того, чтобы в нашей стране была демократия, в аппарате управления должна быть диктатура. Я считаю, что для того, чтобы в стране не нужно было вводить чрезвычайное положение, оно должно быть введено в аппарате государственного управления.

В частности, это означает, что всякое неисполнение решений или законов влечет немедленное и безжалостное удаление человека от этой работы с очень серьезными для него последствиями. Последствиями не уголовного, а скорее, финансового характера. Я против насилия, но я за силу. Я против жестокости, но я за жесткость. А в данном случае — за предельную жесткость.

У меня есть соображения о том, как должен быть устроен этот механизм. Я могу сформулировать достаточно подробно, но это тема отдельной публикации. Сейчас же я хочу только сказать, что я за то, чтобы коренным образом в течение короткого времени был обновлен аппарат государственного управления. И ставку, я, кстати говоря, делаю прежде всего на молодежь, на людей до сорока лет. Я понимаю, что будут проблемы с отсутствием опыта, но другого выхода в нашей стране нет. Пока молодежь не будет заниматься государственным управлением, у нас нет никаких шансов.

Я считаю, что приход на государственную должность должен давать человеку широкие возможности в смысле получения квартиры, жизненного комфорта и тому подобных вещей. Ты получаешь это в кредит, получаешь сразу, это принадлежит тебе, твоей семье, твоим детям, чтобы тебе не надо было воровать. Но если ты попался на коррупции или на чем-то подобном — все, до свидания, ты несешь серьезнейшую материальную ответственность. Потому что нельзя, чтобы в бедной стране была роскошествующая, не имеющая никаких ограничений власть. Граждане могут быть безмерно богатыми, и это хорошо. Бизнесмен может быть безмерно богатым, профессор должен быть. Но власть — не может. Это правило, закон для России. Потому что, если не будет скромной власти, — не будет доверия людей. Не будет доверия людей — не будет никаких результатов[170].

Доверие людей. Пожалуй, это то, чего очень не хватает нынешней власти. Экономический кризис имеет одним из своих следствий отторжение людей от власти. Все большее количество российских граждан утрачивают мировоззренческие ориентиры, ранее определявшие их жизнь. Многие перестают понимать во что им верить, на что надеяться, перестают различать, где истина, где ложь. Мировоззренческий хаос неизбежно влечет за собой утрату

уважения к властям, к властям всех уровней, утрату уважения к закону. Ухудшение жизни большинства населения обусловлено не войной, не катастрофами, а недальновидной политикой правителей. Судя по тому, что постоянно увеличивается количество людей, поддерживающих Г. А. Явлинского, многие стали сомневаться в возможностях Ельцина вывести страну из кризиса. Талант разрушителя уже никому не нужен. Сейчас нужен талант созидателя. Г. А. Явлинский мне видится именно таким — человеком, который умеет строить и объединять. Я спросила его, как он относится к Ельцину, когда встречалась с ним в Госдуме:

— Есть два Ельцина, — ответил он. — Ельцин-чело-век и Ельцин-политик. Как к человеку я отношусь к нему с уважением и благодарен за многое. Например, он сказал, когда обсуждалось создание нашей группы в 1990 году, что программа «500 дней» будет называться не программой Шаталина, а программой Шаталина-Явлинского. Это он предложил мне пост заместителя председателя Совета Министров РСФСР.

Но есть Ельцин-политик. Когда я говорю с Ельциным-политиком, то порой у меня складывается впечатление, что он меня не понимает, «ты скажи толком, что тебе надо», — как будто спрашивает он.

Мне понравилось, что Григорий Алексеевич не стал говорить о нем плохо. Сейчас нередко приходится читать статьи в газетах, где Ельцина «растаптывают ногами». Безусловно, Ельцин, как и всякий человек, сочетает в себе и хорошее и плохое, но глумление над именем не делает чести авторам этих строк. Наверное, у людей накопилось много боли, вызванной правлением Ельцина. Порой хочется предъявить счет и за Чеченскую войну, и за гиперинфляцию, и за «прихватизацию», и за безработицу… Конечно, он несет ответственность за перемены, происходящие в стране, но накопление обиды, ненависти и всего того, что называется resentment, — удел рабов и черни. Человеку благородному не свойственны эти чувства. Он просто не умеет испытывать ненависть и не может вдохновляться злобой.

Не в интересах Г. А. Явлинского было хорошо отзываться о Ельцине. История многих стран показывает, что один из главных принципов политика — топи соперника. Тот, кто пренебрегает этим принципом, сильно рискует. Сам Ельцин не брезговал пользоваться этой возможностью. Стоит только вспомнить планомерное методичное выдавливание из Кремля Горбачева, завершительным аккордом которого было Беловежское соглашение. Этим же принципом он воспользовался и в борьбе с первым парламентом, совершенно необоснованно назвав депутатов красно-коричневыми.

Будут ли Явлинский и Ельцин соперничать на предстоящих президентских выборах? Если следовать здравому смыслу, то не должен Ельцин идти на третий срок президентства, потому что по всем канонам демократии предусматривается не более двух сроков подряд. Но настораживает, что в свое время было дано указание В. Черномырдину, тогда еще исполняющему обязанности премьера, заняться подготовкой встречи третьего тысячелетия и празднования 2000-летия христианства. Невольно вспоминается, что под фейерверк был принят Федеративный договор, что совмещение фейерверка и празднования с принятием государственных документов, с выборами — это стиль Ельцина.

Григорий Алексеевич обратил также особое внимание на то, что Ельцин — это символ. Да, я помню, как в августе 1991-го, вдохновленные его именем, люди строили баррикады возле Белого дома, безоружными шли на танки и не боялись смерти (Комарь, Усов, Кричевский).

Мне было легко говорить с Григорием Алексеевичем. Я не чувствовала дистанции. Передо мной был не лидер думской фракции, облеченный властью и отягощенный проблемами государственной важности, а обыкновенный человек: доброжелательный, спокойный, уверенный в себе, но не самоуверенный. За двадцать лет журналистской работы мне приходилось встречаться и с первыми секретарями обкомов, а в последние годы с некоторыми партийными лидерами, всегда чувствовалась огромная дистанция, всегда оставалось сомнение в искренности собеседника. Сейчас все было иначе. Я не сомневаюсь в его искренности уже хотя бы потому, что он быстро отвечал и на неприятные для него вопросы. Да, собственно говоря, объяснять можно долго, можно и панегирик во здравие сочинить. Только зачем?

Просто хотелось верить ему.

А без Веры жить нельзя!

Григорий Алексеевич Явлинский родился и вырос во Львове, с 1969 года живет в Москве, русский. Имеет двоих детей. Он был слесарем, несколько лет жил в шахтерских поселках, занимал пост заместителя Председателя Совета Министров РСФСР.

Под его руководством написаны программы «500 дней» и «Согласие на шанс». В 1992 году создал Центр экономических и политических исследований.

В 1993 году Г. Явлинский создает избирательный блок «Явлинский — Болдырев — Лукин», который

побеждает на выборах в Госдуму. Он сумел сохранить «ЯБЛоко» и в предвыборной борьбе 1995 года вновь провести его в Госдуму. Он автор многих книг, которые читают и в России, и за рубежом. В них есть ответы на вопросы, которые тревожат многих россиян: о выплате зарплат, пенсий, пособий, как избавиться от безработицы, от инфляции…

У Г. Явлинского много недоброжелателей, но еще больше друзей. Его избиратели: учитель и врач, инженер и рабочий. Его имя с надеждой произносят и в Санкт-Петербурге, и на Камчатке, и в Рязани, и на Дону… Он знал победы и поражения, но всегда сохранял твердость духа и веру в духовную силу своих сограждан. Он убежден, что бы ни случилось, нельзя терять надежду и стремление к лучшему.

notes

Примечания

1

Материалы предоставлены пресс-службой «ЯБЛока».

2

Общая газета. 1996. 1–7 февраля. С. 4.

3

Общая газета. 1996. 1–7 февраля. С. 4.

Сараскина Л. Кто там, на политическом горизонте? // Знамя. 1993. № 3. С. 164.

5

Общая газета. 1996. 1–7 февраля. С. 4.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Сараскина Л. Кто там, на политическом горизонте? // Знамя, 1993. № 3. С. 162.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

17

Заславская Т. И. «Необходимость перестройки диктуется, конечно, не только экономикой» // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 37.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Огонек. 1996. № 20. С. 19.

20

Деловые люди. 1991. № 1. С. 79

21

Предоставлено пресс-службой «Я БЛока».

22

Григорий Явлинский: объединяйтесь вокруг меня // Власть. 1996. № 3. С. 7.

Попов Г. Экономический механизм управления // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 59.

Десять лет для разных поколений // Правда. 1995. 19 апреля.

25

Сараскина Л. Кто там, на политическом горизонте? // Знамя. 1993. № 3. С. 165–166.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

27

Бергер М. Кому они нужны, светлые головы? // Мегаполис-Экспресс. 1991. № 2. С. 8–9.

28

Григорий Явлинский: объединяйтесь вокруг меня // Власть. 1996. № 3. С. 9.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Колесников А. Яблочный дым // Новое время. 1995. № 45. С. 9.

31

Российская газета. 1992. 11 января.

Правда. 1995. 20 апреля. С. 2.

Известия. 1990. 1 ноября.

Независимая газета. 1992. 2 апреля. С. 5.

Известия. 1990. 4 августа.

Независимая газета. 1992. 2 апреля. С. 5.

Известия. 1990. 26 сентября.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

39

Независимая газета. 1994. 11 января.

Известия. 1990. 17 августа.

Независимая газета. 1992. 2 апреля.

Бергер М. Сосенки без «Сосен» // Известия. 1990. 28 августа.

43

Известия 1990. 18 августа

Бергер М. Кому они нужны, светлые головы? // Мегаполис-Экспресс. 1991. № 2. С. 8–9.

Известия. 1990. 19 октября.

Бергер М. Кому они нужны, светлые головы? // Мегаполис-Экспресс. 1991. № 2. С. 8–9.

Независимая газета. 1992. 2 апреля.

Российская газета. 1996. 21 марта. С. 3.

Российская газета. 1996. 21 марта. С. 3

Известия. 1991. 18 марта. С. 3.

51

Известия. 1.990. 22 октября.

Известия. 1990. 1 ноября.

Огонек. 1996. № 20. С. 18.

Российская газета. 1996. 21 марта.

Российская газета. 1996. 21 марта.

Известия. 1991. 19 марта.

Мегаполис-Экспресс. 1991.№ 4. С. 19.

Голубев В. И. Многопартийность в советском обществе // Социально-политические науки. 1991. № 8. С. 37.

Согласие на шанс. М. 1991. С. 8.

Там же.

61

Чичкии А. «Шанс» Явлинского — шанс на гибель Родины // Молодая гвардия. 1991. № 11. С. 32.

Российская газета. 1996. 21 марта.

63

Шестопал Е. Б., Новикова-Граунд М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков // Политические исследования. 1996.-№ 5. С. 169.

Независимая газета. 1992. 18 августа.

Независимая газета. 1992. 18 августа.

Явлинский Г. Экономика России: наследство и возможности. М. 1995. С. 30.

Известия. 1991. 25 августа.

Известия. 1991. 13 сентября

Григорий Явлинский: объединяйтесь вокруг меня // Власть. 1996. № 3. С. 8.

Известия. 1991. 11 октября.

71

Там же.

72

Там же. 9 октября.

Известия. 1991. 9 октября.

Известия. 1991. 10 октября.

Там же.

Известия. 1991. 15 октября.

Румянцев А. Куда идет Россия // Молодая Гвардия. 1993. № 11. С. 41.

Реформы для большинства. М. 1995. С. 57.

Известия. 1991. 26 октября.

Известия. 1991. 27 ноября.

Явлинский Г. Уроки экономической реформы // Октябрь. 1994. № 10. С. 178.

Известия. 1991. 24 декабря. С. 6.

Российская газета. 1992. 11 января.

Известия. 1992. 8 апреля.

Известия. 1992. 13 января.

Известия, 1992. 10 апреля.

Российская газета. 1992. 26 марта.

Социологические исследования. 1996. № 4. С. 109.

89

Независимая газета. 1994. 18 января.

Известия. 1992. 6 февраля. С. 2.

Нельсон Л. Д., Кузес И. Ю. Группы интересов и политический срез российских экономических реформ // Политические исследования. 1995. № 6. С. 85.

Гельман В. Я. «ЯБЛоко»: опыт политической альтернативы // Кентавр. 1995. № 6. С. 47–48.

93

Город N. 1997. 28 сентября.

Явлинский Г. А. Иная реформа. Возможна другая стратегия переходного периода // Независимая газета. 1994. 10 февраля. С. 4.

Явлинский Г. А. Иная реформа. Возможна другая стратегия переходного периода // Независимая газета. 1994. 10 февраля. С. 4.

Булгаков М. Мастер и Маргарита. Рига. 1986. С. 133.

Усов А. Г. Явлинский и демократическое движение // Посев. 1995. № 6. С. 52.

Известия. 1992. 27 февраля.

Явлинский Г. и др. Реформы в России, весна—92 // Московские новости. 1992. 24 мая. С. 10.

Ясин Е. Основные реформы уже позади // Новое время. 1994. № 10.

101

Нельсон Л. Д., Кузес И. Ю. Группы интересов и политический срез российских экономических реформ // Политические исследования. 1995. № 6. С. 85.

102

Известия. 1992. 9 апреля.

103

Там же.

Российская газета. 1992. 1 октября.

105

Явлинский Г. и др. Реформы в России, весна-92 // Московские новости. 1992. 24 мая. С. 12.

Независимая газета. 1994. 12 апреля.

107

Явлинский Г. Экономика России: наследство и возможности. М. 1995. С. 128.

Явлинский Г. Экономика России: наследство и возможности. М. 1995. С. 128/

109

Усов В. Г. Явлинский и демократическое движение // Посев. 1995. № 6. С. 52.

Общая газета. 1993. 21–27 мая.

111

Общая газета. 1996. 1–7 февраля. С. 4.

Известия. 1992. 2 июня.

113

Роесииская газета. 1992. 21 ноября.

Общая газета. 1993. 21–27 мая.

115

Явлинский Г. Уроки экономических реформ // Октябрь. 1994. № 9. С... 148.

Явлинский Г. Уроки экономической реформы // Октябрь. 1994. № 9. С. 137.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Явлинский Г. Экономика России: наследство и возможности. М. 1995. С. 36–37.

119

Независимая газета. 1992. 24 октября.

120

Независимая газета. 1992. 21 января.

121

Независимая газета. 1992. 14 января.

Ахиезер А. С. Социокультурное прогнозирование в России… // Политические исследования. 1994. № 6. С. 137.

123

Явлинский Г. Иная реформа. Возможна другая стратегия переходного периода // Независимая газета. 1994. 10 февраля.

Литературная газета. 1992. 8 января.

125

Сироткин В. Кто вы, доктор Сорос? // Новое время. 1988. № 5. С. 17.

126

Митрофанов С. Что делает Явлинский в Нижнем Новгороде? // Столица. 1992. № 32. С. 6.

127

Независимая газета. 1994. 2 декабря. С. 8.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

129

Митрофанов С. Что делает Явлинский в Нижнем Новгороде? // Столица. 1992. № 32. С. 7.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

131

Сараскина Л. Кто там, на политическом горизонте? // Знамя. 1993. № 3. С. 165.

Российская газета. 1996. 21 марта. С. 3.

133

Журналистка «Молодой гвардии» А. Русакова искренне удивляется лозунговому мышлению толпы, жаждущей возвращения Советского Союза. Отказала она митингующим в самостоятельном мышлении лишь потому, что, по ее мнению, «не могут сотни людей заниматься анализом взаимоотношений России и республик». См.: Русакова А. Советский Союз или Россия? Молодая гвардия. 1993. № 11–12. С 29.

Явлинский Г. А. Россия — поиск ориентиров // Октябрь. 1993. № 2. С. 6.

135

Явлинский Г. А- Россия — поиск ориентиров // Октябрь. 1993. № 3 С. 159–160.

Политические исследования. 1994. № 6. С. 27.

Независимая газета. 1992. 14 января.

Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск. 1991. С. 31.

Пастухов В. В. Российское демократическое движение: путь к власти // Политические исследования. 1992. № 1–2. С. 15.

140

Огонек. 1996. Май. С. 18

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Социально-политические исследования. 1992. № 2–3. С. 39.

143

Ясин Е. Основные реформы уже позади // Новое время. 1994. № 10. С. И.

Независимая газета. 1993. 8 декабря.

Реформы для большинства. М. 1995.

Гельман В. Дилеммы демократической оппозиции: Григорий Явлинский, «ЯБЛоко» и президентские выборы // Мировая экономика и международные отношения. 1907. № 10. С. 22.

147

Правда. 1995. 21 апреля.

Гельман В. Я. «ЯБЛоко»: опыт политической альтернативы // Кентавр. 1995. № 6. С. 54.

149

Гельман В. Я. «ЯБЛоко»: опыт политической альтернативы // Кентавр. 1995. № 6. С. 54.

Новое время. 1996. № 20. С. 21.

Политические исследования. 1993. № 3. С. 48.

Новое время. 1996. № 20. С. 21.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Новое время. 1996. № 20. С. 14.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Российская газета. 1996. 21 марта.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

162

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока» 288

163

Болдырев Ю. Если бы президент выполнил свой долг… // Новое время. 1994. № 43. С. 9.

Комсомольская правда. 1995. 31 октября. С. 2.

Новое время. 1996. № 20. С. 14.

Общая газета. 1998. 19–25 февраля.

Новое время. 1996. № 20. С. 14.

Предоставлено пресс-службой «ЯБЛока».

169

Независимая газета. 1994. 9 апреля.

Общая газета. 1996. 1–7 февраля.